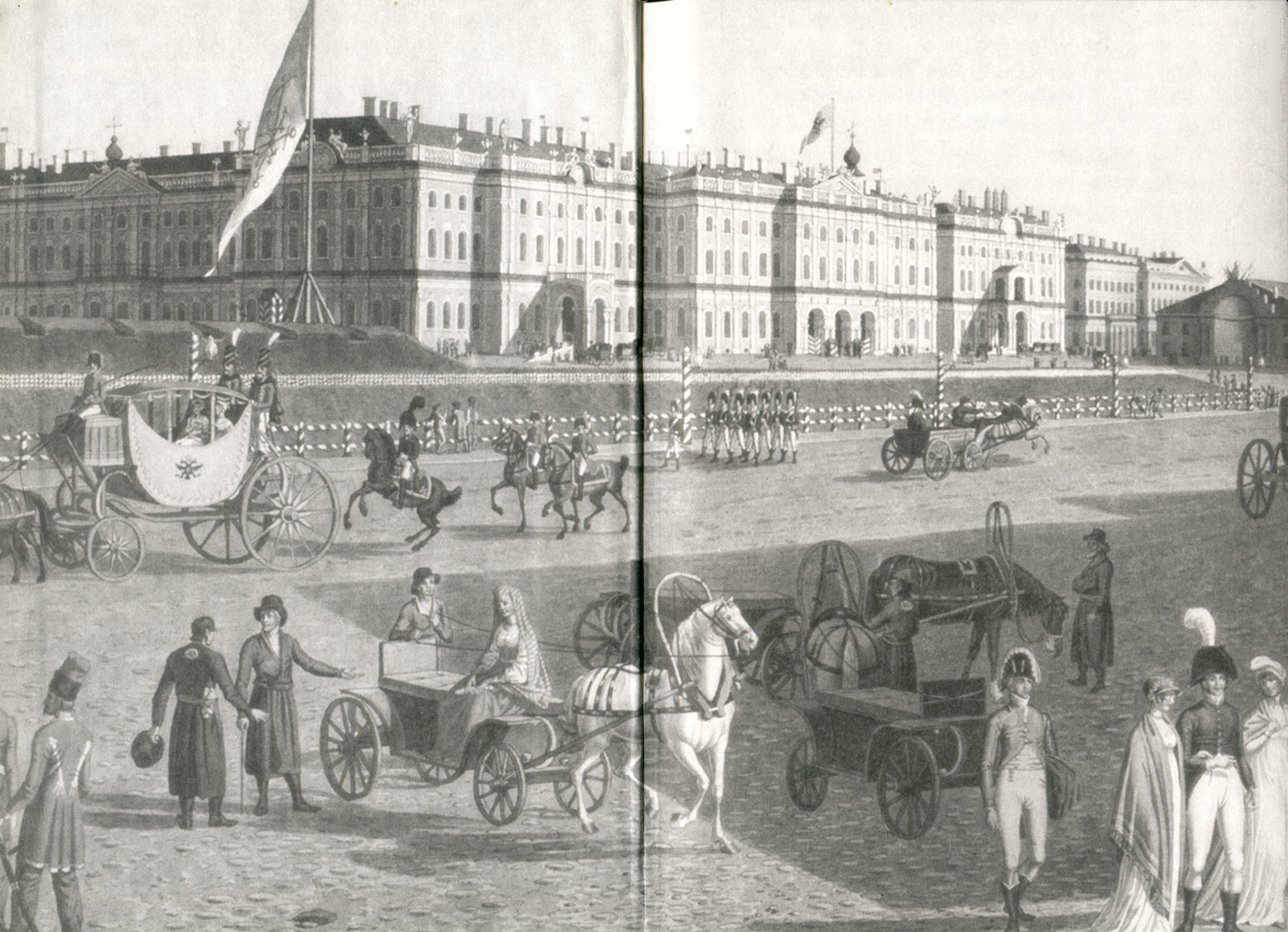
Князь Владимир Федорович Одоевский
Переписка с великой княгиней Марией Павловной, великой герцогиней Саксен-Веймар-Эйзенах

Князь Владимир Федорович Одоевский

Переписка с великой княгиней Марией Павловной, великой герцогиней Саксен-Веймар-Эйзенах

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт мировой литературы
им. А.М.Горького

Князь Владимир Федорович Одоевский

Переписка с великой княгиней Марией Павловной, великой герцогиней Саксен-Веймар-Эйзенах

Москва
ИМЛИ РАН
2006

ББК 83.3

Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) Проект № 05-04-16131

Книга подготовлена при поддержке Фонда Веймарской классики (Stiftung Weimarer Klassik)

Составление, подготовка текста, вступительная статья и комментарии Е.Е. Дмитриевой

Князь Владимир Федорович Одоевский. Переписка с великой княгиней Марией Павловной, великой герцогиней Саксен-Веймар-Эйзенах. — М.: ИМЛИ РАН, 2006. — 374 с.

ISBN 5-9208-0266-9

Памяти моего отца,
Евгения Александровича Маймина,
издателя и комментатора
«Русских ночей»

Поздние русские гетеанцы: князь Владимир Федорович Одоевский и великая княгиня Мария Павловна

«Ваше Императорское Высочество!

К моему обычному донесению собственно о делах, которые Вашему Высочеству благоугодно было мне вверить, честь имею присовокупить, что Государь Император изволил повелеть мне: составлять те известия о России, какие представлялись Вам от Графа Олсуфьева и Графа Шувалова. <…> На первое время в выборе предметов известий, я постараюсь сообразоваться с теми вопросами, которые Ваше Императорское Высочество изволили мне делать в тех частых и долгих беседах о всегда дорогой Вам России, коих Ваше Императорское Высочество изволили меня удостаивать в Москве и в Веймаре…»

Приведенные выше строки открывают до сих пор еще мало известную страницу эпистолярного наследия В.Ф. Одоевского[1], которого в марте 1858 г. император Александр II, в дополнение к уже исполняемым им при дворе обязанностям, назначает своего рода культурным атташе своей тетушки, вдовствующей великой герцогини Саксен–Веймар–Эйзенах Марии Павловны, поручая сообщать ей политические, экономические, культурные и семейные новости из России.

---

[1] Несколько писем данного корпуса переписки опубликованы: *Архипов Ю.И.* Веймарские находки // Москва. 1996. № 6. С. 144–171.

Переписка эта, общим объемом в 197 рукописных листов, хранится ныне в Главном государственном архиве Тюрингии в Веймаре (черновики некоторых писем Одоевского — в Национальной публичной библиотеке Петербурга), причем основную ее часть занимают пронумерованные письма-донесения Одоевского, на которые Мария Павловна, страдавшая в то время глазами, отвечала старательно, но по возможности кратко.

Надо признаться, что первое впечатление, возникающее при прочтении этих писем — удивление, если не сказать разочарование. Трудно, кажется, узнать в бытописателе жизни царской семьи, в этом дотошном и чересчур оптимистичном хроникере экономической и политической жизни России конца 1850-х годов, без конца посылающем своей августейшей корреспондентке какие-то схемы, ведомости и таблицы, знаменитого автора «Русских ночей», «Пестрых сказок», русского Фауста, русского Гофмана, как его называли и каким его видели современники. И невольно недоумеваешь: неужели автор этих писем-донесений, в которых так подробно и с такой важностью говорится о переменах в министерствах, о пользе и великолепии новых мундиров, введенных Александром II, о том, какие рюши и банты украшали бальные платья великих княжон и княгинь, и как кашляли, чихали и болели их более пожилые августейшие родственницы — неужели это все тот же самый Одоевский? Или это и в самом деле русская версия Гофмана, — но Гофмана, забывшего о существовании зеленых змеек и окончательно обратившего свой взгляд в филистерский мир? Или, во исполнение собственного пророчества, подобно одному из своих героев, Сегелиелю, — то дух, превратившийся в наказание за какие-то грехи в русского чиновника, поступившего на государственную службу, чтобы «быть полезным человечеству»?

И неужели тот самый Одоевский, который устами Ростислава («Русские ночи», Ночь первая) не давал поймать себя когда-то в ловушку просвещения («Наш век называют просвещенным; но в самом ли деле мы счастливее того рыбака, который некогда, может быть, на этом самом месте, где теперь пестреет газовая толпа, расстилал свои сети?»), повторяет теперь настойчиво в письмах Марии Павловне о прогрессе просвещения, связывая с ним великое будущее России («люди высшего образования видят в настоящих действиях Правительства зародыш успехов Просвещения...»; «Великая будущность ожидает Россию, а жизнь, ныне данная Просвещению и его всегдашним спутникам: торговле и промышленности, приводит к убеждению, что эта надежда не напрасная...» и т.д.)?

Или тот самый Одоевский, который так хорошо рассказал нам про всю опасность цифр в «Русских ночах» («Люди приняты за математические цифры; составлены уравнения, выкладки, все предвидено, все расчислено; забыто одно — забыта одна глубокая мысль, чудно уцелевшая только в выражении наших предков: счастие всех и каждого»)[2], посылает теперь Марии Павловне выкладки и расчеты — сравнительные цифры займов России и стран Европы, цифры пароходных и железнодорожных компаний, ведомости о выплате пенсий и пособий, статистику деятельности губернских комитетов в расчете на количество «душ мужского пола», расчеты пособий по Морскому ведомству и статистику получающих образование по ведомству Министерства народного просвещения?

И тот ли Одоевский, что выступал за бесполезное, поэтическое начало в жизни человека, что поле-

---

[2] *Одоевский В.Ф.* Русские ночи. Л.: Наука, 1975. С. 21. См. также: *Маймин Е.А.* Владимир Одоевский и его роман «Русские ночи» // *Одоевский В.Ф.* Русские ночи. С. 265–267.

мизировал с Бентамом и его теорией пользы («Город без имени»), говоря о ложных основаниях и опасных последствиях, к которым ведет реализация идеи пользы на практике, — и который теперь важно сообщает: «мы намерены приняться за *ученую пользу,* которую может приносить лечебница, а именно: издавать историю поступающих к нам больных *по числу и роду болезней...*»

И неужели Одоевский, что с восторгом пишет своей корреспондентке о пожалованном ему звании гофмейстера и о благожелательной реакции на это императрицы Александры Федоровны («Для меня, мой дорогой, Вы всегда все тот же»), — тот самый, что был другом Пушкина, Вяземского, всегда по меньшей степени иронически воспринимавших придворные звания и чинопроизводства (вспомним знаменитое пушкинское по поводу производства Вяземского в камергеры в 1831 г.: «Так солнце и на нас взглянуло из-за туч! На заднице твоей сияет тот же ключ»)[3].

И не впору ли нам повторить вслед за Евдокией Ростопчиной: «Нет! Нет! Ты больше не мой Миаули, не сказочник, не сочинитель Bukler Valser, не гармонист, толкующий мне о привидениях, а нечто важное, серьезное, государственный человек»[4].

И все же, если разобраться, все оказывается не так просто. И при внимательном прочтении публикуемых здесь писем становится даже и вовсе очевидно, насколько черты Одоевского «Русских ночей» и «Пестрых сказок» проступают в этой, казалось бы, далекой от литературной манеры и литературного имиджа раннего Одоевского переписке. Более того, может быть, как раз, контекст данных писем, в котором мы

---

[3] *Пушкин А.С.* Переписка: В 2 т. М., 1982. Т. 1. С. 308.

[4] *Ростопчина Е.* Стихотворения. Проза. Письма. М., 1986. С. 340–341.

попытаемся в дальнейшем по возможности разобраться, способен пролить дополнительный свет на то, что принято называть «эволюцией» Одоевского.

* * *

Почему Одоевский?

Еще один вопрос, который неизбежно возникает при прочтении публикуемых ныне писем: насколько действительно важно и интересно было Одоевскому то, что он делал? Писались ли эти письма по долгу службы или с внутренним убеждением? И, наконец, почему именно Одоевскому Александр II в 1858 г. поручил сообщать Марии Павловне известия о России?

Предыстория этой миссии такова. В июне 1856 г. Мария Павловна приезжает в последний раз в Россию на коронацию своего племянника Александра Николаевича. Накануне ее приезда (6 июня) Одоевский получает телеграфную депешу за подписью министра Императорского двора В.Ф. Адлерберга: «Вы назначены состоять при Великой Княгине Марии Павловне в помощь Гр. Потоцкому, прошу прибыть в Петергоф сегодня вечером, или завтра утром. Ее Высочество приедет к обеду. Граф Адлерберг»[5].

Судя по всему, это была их первая личная встреча[6]. За неимением точных данных можно также предположить, что рекомендовать будущему императору Одоевского как особу, призванную состоять при Марии Павловне во весь период ее пребывания в России, могла ее невестка Елена Павловна, вдова великого князя Михаила Павловича, известная меценатка, покровительница искусств, с которой Одоевский тесно

---

[5] Национальная публичная библиотека (в дальнейшем — НПБ). Ф. 539. Оп. 2. № 169. Л. 1.

[6] До этого Одоевский был за границей летом–осенью 1842 г. и в 1847 г., но в Веймар не заезжал.

общался по делам благотворительности еще начиная с 1830-х гг., будучи также постоянным посетителем ее салона (о чем он неоднократно упоминает и в настоящей переписке). За три месяца, что Одоевский проводит с Марией Павловной (Россию она покидает в сентябре 1856 г.), между ними возникают сердечные и доверительные отношения, и по возвращении великой герцогини в Веймар она неоднократно обращается к нему с просьбами — заведовать делами пенсий и единовременных пособий, оказываемых Марией Павловной в России, сменив в этой должности скончавшегося незадолго перед тем сенатора Н.П. Новосильцева; посредничать в обмене рассадой и семенами, происходящем между Веймаром и Москвою (примечательно, что именно благодаря предстательству Одоевского Мария Павловна оказывается впоследствии избранной почетным членом российского Общества любителей садоводства в Москве — см. с.135) и проч.

В начале зимы 1856–1857 г. Одоевский отправляется в свое третье по счету заграничное путешествие[7]: путь его лежит через Веймар, где он хочет «лично представить» Марии Павловне «о всех поручениях, коими ВАШЕМУ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ благоугодно было меня доныне удостоить». 30 января 1857 г. они с женой прибывают в Веймар, останавливаются в отеле «Erbprinz», и, как записывает Одоевский в дневнике, до того еще, как успевает возвратиться наемный лакей, который должен был сообщить великой герцогине об их прибытии, уже «В.К. Мария Павловна прислала меня звать к 11 часам и обедать в 2½. Добра, как всегда, оба мы обрадовались друг другу и расплакались»[8].

---

[7] Описание этого путешествия см.: *Одоевский В.Ф.* Путевые записки 1857 г. // НПБ. Ф. 539. Оп. 1. № 47.

[8] НПБ. Ф. 539. Оп. 1. № 47. Л. 64.

В сущности, приватный разговор, состоявшийся между ними в первый же день и конспективно записанный Одоевским, словно предвещает тему будущих официальных донесений Одоевского Марии Павловне: «...чувствуйте себя здесь как дома; пойдемте в мой кабинет и поговорим. Как поживает Император? Что происходит в России? — Великие надежды, Императора любят представители всех сословий, все что делается, есть дело нужное и т.д., и т.д.»[9]

В Веймаре Одоевский остается на 10 дней, задержавшись здесь, как он записывает опять же в дневнике, ради премьеры вагнеровского «Тангейзера»[10]. Он успевает еще поучаствовать в праздновании дня рождения Марии Павловны 4/16 февраля[11], к которому в Веймаре традиционно приурочивалась постановка новой оперы; восхищается Веймарским замком («В.К. водила меня по всему дворцу <...> дворец чудесный; умно и со вкусом»[12]), наносит визиты, посещает семинары.

10 февраля 1857 г. он покидает Веймар: путь его лежит через Париж в Ниццу, куда он прибывает в начале марта 1857 г. и где собирается остаться на весенний сезон «для поправления здоровья». С той же оздоровительной целью за несколько месяцев до него в Ниццу прибыла и вдовствующая императрица Александра Федоровна в сопровождении великой княгини Ольги и великого князя Михаила. Рядом с ней на вилле Бермонд живет великая княгиня Елена

---

[9] Там же. Л. 64.

[10] Там же. Л. 84.

[11] Ср. его запись: «Понед. 4 февр./16 февр. День рождения В.К. Марии Павловны. Весь Веймар в движении» (Там же. Л. 72).

[12] Там же. Л. 64.

Павловна, в непосредственной близости от которой сумел снять себе недорогую виллу и Одоевский. Несмотря на стремление жить уединенно, он, тем не менее, попадает в Ницце в своеобразную русскую аристократическую диаспору, принят и обласкан императрицей, видится с Еленой Павловной и пользуется случаем, чтобы сообщать в частной переписке с Марией Павловной о них известия.

На обратном пути (начало сентября 1857 г.) Одоевские вновь заедут в Веймар и станут свидетелями и участниками празднования столетия со дня рождения герцога Карла Августа (1757–1828), с правлением которого связывается представление о расцвете «веймарской классики», а также церемонии торжественного открытия двойного памятника Шиллеру и Гете. Под впечатлением от увиденного Одоевский напишет тогда же (7 сентября) статью «Общенародное значение Веймарского праздника». Ее немецкий перевод, сделанный русским посланником в Веймаре бароном фон Мальтицем, был опубликован в немецком еженедельнике «Weimarer Sonntagsblatt» 20 сентября того же года[13].

---

[13] Die Bedeutung der Weimarischen Feste (Aufzeichnungen eines Reisenden) // Weimarer Sonntagsblatt. 1857. Nr. 38. 20.IX. S. 378–382. Оригинал статьи на русском языке см.: НПБ. Ф. 539. Оп. 1. Перепл. 19. № 1. Л. 145–149. В это же время Одоевский записывает в своем дневнике слова, открывающие текст его статьи: «3–4 сент. был праздник не для одного Веймара. Веймар остается верен своему давнему призванию быть одним из фокусов, куда сливаются светлые лучи Германской деятельности [и снова разливаются по всему миру]. То был праздник и не одной Германии. На дальнем Севере есть страна, где знают не только имена, но и дела Карла Августа и его славных потомков, где имена Гете, Шиллера, Гердера, Виланда не чужды всякому. Их портреты, их скульптурные изображения находим мы в отдаленнейших местах Сибири. Недаром издавна брат

Статья эта была примечательна еще и тем, что пыталась выразить национальную идею, но лишенную какого бы то ни было национализма, что в целом совпадало и с ранней политикой Александра II[14]. Начав с обозрения того, чем русская литература, уже вступившая на путь самостоятельного развития, обязана Германии («Почти миллион иностранных книг (не считая газет и журналов) ввозится ежегодно в Россию; половину того составляют немецкие книги. Произведения Канта, Фихте, Шеллинга, Гегеля изучаются во всех русских университетах. Гердер, Виланд, почти весь Гете и Шиллер переведены на русский»), Одоевский затем задается вопросом: что поражает более всего иностранца на этом поистине европейском празднестве, свидетелем которому он был в Веймаре? Не искусство немецкого резца, — говорит он, — оно никогда не дремало в Германии, не живое участие правительствующего дома («в этой благородной семье, от рода к роду, вопреки всем политическим бурям, наука и искусство всегда занимали место в кругу правительственных забот»), не стечение великого множества ученых, художников, писателей — «иного и не могло быть». Иностранца поражает более всего «общность впечатления от этого праздника»: даже в самых бедных домах Веймара жители постарались почтить его героев: везде изображения Карла Августа, Гердера, Виланда, Гете, Шиллера, везде цветы «это немое, но говорящее выражение чувства прекрасного».

Герман и брат Словен протянули друг другу руки. Глубочайший смысл заложен в этом братском союзе» (НПБ. Ф. 539. Оп. 1. Перепл. 19. № 1. Л. 176–179).

[14] См. подробнее: *Feyl Othmar.* Jenaer und russische philosophische Romantik. Neues über Vladimir Odojevskij (1803–1869) // Forschungen und Fortschritte. Berlin. 1956. Bd. 30. H. 8. August. S. 252–254.

Именно в последнем Одоевский усматривает особый смысл — свидетельство того, что «устремления великих писателей вошли в плоть и кровь народа, что простой народ, возвращаясь домой, испытывает потребность не только в физическом покое, но и в более высоком нравственном отдыхе, что эстетический элемент, эстетические потребности, раньше составлявшие привилегию образованных кругов, стали теперь составной частью повседневной жизни. «Мы живем в чудесное время. Каждая страна изо всех сил старается развить свою национальность, в то время как благодаря необъяснимому инстинкту люди все больше пытаются сблизиться друг с другом». Слова поэта «Seid umschlungen, Millionen!», — завершает Одоевский свою статью, — близки к осуществлению, хотя и на вряд ли ожидавшемся ранее пути.

Русский текст статьи Одоевский презентует Марии Павловне. А через несколько месяцев после его приезда в Россию, в начале марта 1858 г., он узнает о вышеупомянутом назначении — «составлять те известия о России, какие представлялись» ранее Марии Павловне «от графа Олсуфьева и графа Шувалова», бывших соответственно культурными атташе при Марии Павловне в 1856–1857 гг. и 1854–1856 гг. (необходимость назначения Одоевского была вызвана смертью Олсуфьева в 1858 г.) Еще несколько месяцев спустя, в мае 1858 г., Александр II жалует Одоевскому звание гофмейстера, в том числе и как знак признательности за передачу Публичной библиотеке коллекции книг и документов о России, собранной им во время путешествия по Франции и Германии.

Лично Одоевский и Мария Павловна свидятся еще в августе 1858 г., когда Одоевский, после шестинедельного курса лечения в Эмсе (см. его письмо от 3/15 апреля 1858 г.), приедет на 300-летие Йенского университета как официальный представитель Императорской

Публичной библиотеки, которому будет поручено от имени библиотеки передать поздравления и подарки (книги)[15]. 15 августа 1858 г. Одоевский держал приветственную речь[16], в которой отдал дань уважения иенской философии и той роли, которую она сыграла в формировании русского самосознания[17].

А 20 августа Йенский университет присуждает Одоевскому (по рекомендации русского поверенного Мальтица, за которой скрывалось пожелание самого Александра) звание почетного доктора университета, причем в почетном дипломе отмечается его знание философии Шеллинга и Фихте и заслуги в

---

[15] Сообщение об этом см.: Санкт-Петербургские ведомости. 1858. 14 августа. О впечатлениях самого Одоевского см.: *Одоевский В.Ф.* Из дорожного дневника // НПБ. Ф. 539. Оп. 1. Перепл. 17. № 17.

[16] Опубликована впервые: Geschichte der Jenaer Universität. 1558–1958. Jena, 1958.

[17] *Feyl Othmar.* Jenaer und russische philosophische Romantik. S. 253. И действительно, участие в иенских торжествах было наполнено для Одоевского глубоким и личным и общественным смыслом. С философией профессоров Иенского университета Шеллинга и Окена он познакомился еще в Московском благородном пансионе благодаря московским профессорам М.Г. Павлову и И.И. Давыдову (см.: *Каменский З.А.* Московский кружок любомудров. М., 1980. С. 3–68). Свой перевод из «Учебной книги по натурфилософии» Окена («О значении нуля, в котором успокаиваются плюс и минус») он читал в кружке Раича в 1823 г., с чем связана и известная эпиграмма М.А. Дмитриева, где, правда, Окен спутан с Шеллингом: «В нем страстная к учению охота; / От схоластических избавившись ходуль, / Он в Шеллинге открыл, что бог есть нуль, / А Грибоедов что-то».

Позже Одоевский испытал «страстное увлечение анатомией» на лекциях по анатомии профессора Ш.Ф. Лодера, Spiritus rector'a Йенского университета.

деле образования[18]. Тогда же Одоевский посылает написанное в форме дневника событий обстоятельное письмо директору публичной библиотеки М.А. Корфу (4/16–13/25 августа), в котором дает отчет о своем участии в юбилее и о политических интригах вокруг него: попытках прусских и австрийских национальных партий инструментализовать юбилей для своих политических нужд[19], но также и о своих встречах с Марией Павловной[20].

По возращении в Россию Одоевский не сразу возобновил переписку (первое его письмо из Петербурга датировано 27 октября 1858 г.), за что извинялся перед Марией Павловной: «Скажу откровенно, как всегда, что я не мог в короткое время me mettre au fait всего, что совершилось доброго, полезного и умного на Руси в течение последних четырех месяцев» (донесение

---

[18] В зарегистрированном в местных анналах под датой 30 августа 1858 г. посещении Одоевским Йенского университета он уже обозначен как «императорско-русский гофмейстер и камергер, князь и почетный доктор Йенского университета (Kayserlich-Russischer Hofmeister und Kammerherr Fürst W. Odoiewsky — Dr. Phil. Ac. Jenensis). См.: *Feyl O.* Excurse zur Geschichte der Universitätsbibliothek Jena // Wissenschaftliche Zeitschrift der Friedrich-Schiller-Universität Jena. Jg.7. 1957/58. S. 45.

[19] О двух ликах Йены, националистическом и космополитическом, см. в статье: *Feyl Othmar.* Beitrag zur Geschichte der slavischen Verbindungen und internationalen Kontakte der Universitaet Jena. Jena, 1960. S. 296–297.

[20] См.: Отчет Императорской Публичной библотеки за 1884 г. СПб, 1887. По предположению П.Н. Беркова, длина письма Корфу и его обстоятельность объяснялась смущением Одоевского тем, что титул почетного доктора достался не Корфу, а ему (*Berkov P.N.* Die Universität Jena. Ende der 50er bis Anfang der 60er Jahre des 19. Jahrhunderts in den Tagebüchern, Briefen und Erinnerungen damaliger Gelehrter // Wissenschaftliche Zeitschrift der Friedrich-Schiller-Universität. Jena. Jg. 7. H. 4. 1957/58. S. 475–481).

№ 7). При этом он, по собственному признанию, начинает всячески содействовать установлению «торговых сношений» между Веймарским герцогством и Петербургом: «я показываю здесь разные Веймарские продукты; сосновое масло (Waldwollöhl) было принято с восторгом и оказало столь полезное действие на ревматизм, что мой Доктор (Главный Штатс-Медик Петербурга) перебрал у меня почти все привезенные мною склянки и я надеюсь, что между Беркой и одною значительнейшею здесь аптекою (Штрауха) установятся торговые сношения». Со своей стороны он посылает из Петербурга рябиновое варенье, чтобы показать, как можно использовать рябину, которой такое множество в Веймаре. Свою благодарность Марии Павловне за оказанный ему и жене в Веймаре прием он обещает доказать — и доказывает — на деле.

Свое последнее письмо-донесение Марии Павловне Одоевский написал 22 мая/3 июня 1859 г. А 11/23 июня он узнает о ее смерти.

Таким образом, официальная переписка Одоевского с Марией Павловной, во многом ставшая всего лишь логическим продолжением уже существовавшей между ними частной переписки и приватных разговоров, которые они вели то на русском, то на французском языке, охватывает чуть больше 2 лет, с 1/12 марта 1858 г. и по 22 мая/3 июня 1859 г. Последнее ответное письмо Марии Павловны на 14-е по счету официальное донесение Одоевского было отправлено за 6 дней до ее смерти, то есть 5/17 июня 1859 г.

Сам Одоевский определил жанр и меру этой переписки, которая, во всяком случае, с его стороны, велась исключительно на русском языке (в частной переписке он позволял себе писать и по-французски) — представлять «картину *верную, добросовестную и краткую»,* «писать лишь *достоверное».* При этом строго различалась информация в письмах, отправляемых с

почтой, и отправляемых по оказии («С приближающеюся весною курьеры будут ходить чаще, и тогда надеюсь упомянуть обо всем, чего не дописываю в письмах по почте»), но и в том и в другом случае он избегал повторять в донесениях информацию, доступную из прессы: «мельком упоминать о том, что может быть известно из получаемых газет, и останавливаться лишь на том, что потребует *объяснения*, или и вовсе не было упомянуто в газетах».

* * *

«...не состарелось..., но лишь преобразилось»

То, что было «заказано» императором как составление сведений о России, то, что сам Одоевский расценивал как продолжение разговоров «о любимой России», которые они вели с Марией Павловной в 1856 г. в России и в 1857 и 1858 гг. в Веймаре, сводилось, в сущности, к следующему набору сюжетов: сообщения о ходе подготовки крестьянской реформы, смене министерств, развитии железных дорог, водного транспорта, акционерных компаний. Особое место заняла в переписке тема бытовых и сельскохозяйственных нововведений. Обязательным компонентом писем было донесение о состоянии здоровья членов императорской семьи, описание придворных балов и празднеств. В разделах писем, касающихся непосредственно области культуры, на первый план выступали события музыкальной жизни, впрочем, так или иначе связанные с жизнью придворной. Наконец, вместе с письмами Одоевский посылал и новинки литературы, реже — художественной, но большей частью исторической, географической, богословской — для личного пользования Марии Павловны и для передачи в Веймарскую библиотеку.

И все же, как уже было сказано, при ближайшем рассмотрении видно, что как ни разнятся по своей атмосфере публикуемые ныне письма с рассказами и повестями Одоевского 1830–1840-х гг., есть в них целый ряд тем и мотивов, совершенно для него не случайных и не новых, но занимавших центральное место в его жизни и творчестве предшествующих периодов[21].

Конечно, — и об этом мы тоже уже говорили выше, — в «Русских ночах» Одоевский не дает обмануть себя (или своих героев) ни химерой просвещения, ни иллюзией поступательного прогресса человечества, вписываясь в особенности своими инкорпорированными в текст романа антиутопиями («Город без имени», «Последнее самоубийство») и в руссоистскую идею о том, что новые изобретения и открытия не принесут людям счастья, и в характерную уже для романтической эпохи мысль о тяжелой поступи цивилизации. Но не следует забывать также, что первоначально «Русские ночи» имели подзаголовок «О необходимости новой Науки и нового Искусства», и что краху цивилизации, основанной на «наживке за счет ближнего», именно в этой книге Одоевский хотел противопоставить возможность безграничного научно-технического прогресса в условиях гармонического строя, основанного на идеалах служения общему благу[22]. И что свое кредо о роли просвещения и о силах, мешающих его распространению, Одоевский изложил еще в 1836 г. в статье «О вражде

---

[21] С легкой руки П.Н. Сакулина в эволюции Одоевского различают три этапа: эстетический, мистический и практически-реалистический (см.: *Сакулин П.Н.* Из истории русского идеализма. Князь В.Ф. Одоевский. Мыслитель. Писатель. М., 1913. Т. 1. Ч. 1, 2).

[22] См.: *Виргинский В.С.* Владимир Федорович Одоевский. Естественнонаучные взгляды. М., 1975. С. 28.

к просвещению, замечаемой в новейшей литературе», напечатанной во втором номере «Современника», — и Пушкин назвал ее «дельной, умной и сильной». И что еще в 1830-е гг. Одоевский в частном письме к М.А. Максимовичу писал: «Теперь вошло в моду и между самыми образованными людьми сомневаться в благе просвещения и не верить уму человеческому — те чудеса, которые должно произвести просвещение русских, подтвердят слова мои, и способствовать тому почитаю целию всякого человека, у которого есть мозг в голове и сердце в груди»[23].

Так что, как справедливо отмечает современный исследователь, полемизируя с авторитетнейшим знатоком творчества Одоевского П.Н. Сакулиным, «когда, по утверждению Сакулина, Одоевский "ратует против экономии во имя чистого идеализма, думая не о преобразовании форм жизни, а главным образом о распространении поэтических стихий жизни", он в действительности вкладывает в понятие "просвещение" и материальный, технико-экономический смысл. Главной задачей просвещения он считает введение машин и промышленности в сельском хозяйстве, постройку железных дорог»[24].

И действительно, в определенном смысле с восприятием Одоевского в русской литературе произошло то, что в Германии произошло с Новалисом: сотворенный и современниками, и потомками миф о «звездном романтике», далеком от прозы реальной жизни, заставил позабыть или почти позабыть практическую и более чем земную сторону их жизнедеятельности и даже их литературных интересов. И если по поводу Новалиса его младшие современники, так называемые поздние романтики писали, что его

---

[23] Киевская старина. 1883. Т. V. Апрель. С. 845.

[24] *Виргинский В.С.* Владимир Федорович Одоевский. С. 31.

«принадлежность к соляному ведомству совершенно ужасна»[25], то в случае с Одоевским, прожившим несравненно более длительную жизнь, говорили об эволюции — практическом духе и царедворстве, полностью вытеснившими из его жизни поэзию.

А между тем наиболее «прозаические», «заземленные» предметы, которых Одоевский касается в своих письмах-донесениях Марии Павловне 1850-х гг., имеют в его собственном литературном творчестве гораздо более давний генезис. Так, одна из самых повторяющихся в его письмах «практических» тем — устройство печи. Еще до начала официальной переписки, в 1857 г. Одоевский посылает своей сиятельной корреспондентке схему печного отопления — изобретение архитектора И.И. Свиязева, автора книги «Основания печного искусства» — с характерным комментарием: «ВЫ изволили однажды заметить мою особенную страсть — к печам и вентиляторам». К этой же теме он возвращается почти год спустя, подчеркивая, что изобретение это следует внедрять не только в суровом российском климате, но также и в Германии («...к лету, освободившись немного от служебных дел, я намерен написать по-немецки, или по-французски небольшую брошюру *"О Русских печах"* для моих Германских приятелей»).

Но ведь именно размышление о печах открывает роман «Русские ночи»: «Чудное зрелище! за окном пирует дикая природа, холодом, бурею, смертью грозит человеку,— здесь, через два вершка, блестящие люстры, хрупкие вазы, весенние цветы, все удобства, все прихоти восточного неба, климат Италии, полуна-

---

[25] Письмо Ю. Кернера Л. Уланду от 25 января 1810 (*Kerner J.* Briefwechsel mit seinen Freunden. Stuttgart, 1897. Bd. 1. S. 95. См. также: *Берковский Н.Я.* Романтизм в Германии. СПб., 2001. С. 152).

гие женщины, равнодушная насмешка над угрозами природы — и Ростислав невольно поблагодарил в глубине души того умного человека, который выдумал строить дома, вставлять рамы и топить печи»[26]. Тема печи присутствует в дальнейшем и в рассказе Одоевского «Мороз Иванович», и в его педагогических сочинениях «Наука до науки. Книжка дедушки Иринея», и в дидактическом рассказе «О том, что дядя Ириней видел в своей печке и как он о том рассказывал» (*см. примеч. 28*). Последний по своему замыслу любопытно соотносится с процитированным выше письмом к Марии Павловне: желание преподать урок «здорового образа жизни» своим «германским приятелям», имеющее также биографическую и бытовую причину у Одоевского в 1857 г.[27], становится своего рода зеркальным отражением рассказа 1848 г. (опубликован в журнале «Сельское чтение»), где русским крестьянам предлагалось брать пример с немецких колонистов, умеющих обогревать свои дома гораздо лучше коренного населения.

Также и тема железных дорог, занимающая немало места в корреспонденции Одоевского с Марией Павловной, не нова для него. Собственно, именно знаменитое рассуждение о железных дорогах, завершающее новеллу «Opere del Cavaliere Giambattista Piranesi», способно дать ключ к пониманию возможности соединения пресловутых «бесполезных порывов души» с практической пользой, которую человек способен извлечь из его победы над природой:

---

[26] *Одоевский В.Ф.* Русские ночи. С. 9.

[27] В свое первое пребывание в Веймаре в 1857 г. Одоевский очень страдал от плохого отопления комнат в отеле «Erbprinz», где он остановился. «Ночью я замерз, ибо не догадался поставить к печи кровать...» — пишет он в «Путевых записках 1857 г.» (НПБ. Ф. 539. Оп. 1. № 47. Л. 64).

«В и к т о р. Признаюсь, если б Страсбургскую колокольню вытянуть еще подлиннее — в рельсы железной дороги, то она для меня была бы еще лучшим украшением жизни; ибо что ни говори, а железные дороги, сверх своей практической пользы, имеют своего рода поэзию…

Ф а у с т. <…> в мире психологическом поэзия есть один из тех элементов, без которых древо жизни должно было бы исчезнуть; оттого даже в каждом промышленном предприятии человека есть quantum поэзии, как, наоборот, в каждом чисто поэтическом произведении есть quantum вещественной пользы; так, напр., нет сомнения, что страсбургская колокольня вмешалась невольно в акционерские расчеты и была одним из магнитов, которые притянули железную дорогу к городу»[28].

Характерно, что здесь прослеживается еще одна точка соприкосновения между Одоевским и Новалисом. В последующих словах Фауста о железных дорогах («Это одно из тех орудий, которое дано человеку для победы над природой; глубокий смысл сокрыт в этом явлении, которое, по-видимому, разменялось на акции, на дебет и кредит…») — любимая мысль Новалиса о том, что жизнь в ее прозаических (бюргерских) формах и итогах не была прозаична в своем течении.

Наконец, центральная тема писем Одоевского к Марии Павловне — тема крестьянской реформы, которая для него, конечно же, не была «со вчерашнего дня», вопреки и по сей день существующим представлениям о том, что поздний Одоевский «из апологета крепостничества становится его врагом, из сторонника привилегий дворянства превращается в их противника»[29]. «Мои убеждения, — писал он сам, — не со вче-

---

[28] *Одоевский В.Ф.* Русские ночи. С. 35.

[29] См.: *Голубева О.Д.* В.Ф. Одоевский. СПб., 1995. С. 89. Анализ различных точек зрения на эту проблему см.: *Носов С.Н.*

рашнего дня; с ранних лет я выражал их всеми доступными для меня способами; <…> везде и всегда я выражал необходимость уничтожения крепостничества и указывал на гибельное влияние олигархии в России»[30]. Собственно, именно этой константе своих взглядов, интересов, воззрений сам Одоевский подвел итог в одной из последних написанных им статей 1867 г. «Недовольно» (ответе на тургеневское «Довольно»): «Человеку каменного века простительно было бы горевать о тщете человеческой деятельности и прочих тому подобных унылых предметах; но мы, проследившие работу человека от каменной эпохи до нашей, мы, сознающие святую связь между наукой, искусством и жизнью <…> — имеем ли право предаваться унынию и взывать к бездействию?» И там же: «В самом ли деле мы когда-нибудь стареемся? Этот вопрос подлежит еще большему сомнению. То, что я чувствовал, любил, выстрадал вчера, за 20, за 40 лет, — не состарелось, не прошло бесследно, не умерло, но лишь преобразилось…»[31]

* * *

«…всякая полезная деятельность бывает смешна…»

И здесь мы подходим к собственно центральной загадке и проблематике Одоевского как личности, поразительно сохранившей в себе и просветительские, и романтические идеалы в постпросветительскую и постромантическую эпоху.

Общественные взгляды Одоевского // Исторические записки. М., 1985. Т. 112. С. 126–140.

[30] Цит. по: *Пятковский В.Ф.* Князь В.Ф. Одоевский. СПб., 1880. С. 6.

[31] Беседы Общества любителей российской словесности при имп. Московском университете. 1867. Вып. 1. С. 66–71. См. об этом: *Турьян М.А.* В.Ф. Одоевский в полемике с И.С. Тургеневым // Русская литература. 1972. № 1.

Существует устойчивое мнение, что писателя Одоевского не стало в 1844 г., после того, как он издал три части своих «Сочинений», своего рода итог литературной деятельности, куда вошли и «Русские ночи», и большинство написанных им и опубликованных на страницах журналов новелл и рассказов. Хотя прожил Одоевский жизнь долгую (умер в 1869 г., а родился в 1804 г.). И хотя после 1844 г. в области художественной литературы Одоевский еще пытался что-то сделать — литературные приоритеты его поменялись: его не то чтобы любимым, но наиболее часто используемым жанром стали статья, очерк, фельетон. Но в целом в жизни Одоевского печатное слово, литература стали играть скорее прикладной характер, литературе он явно предпочел сферу практической деятельности[32].

Может быть, именно поэтому 1850–1860-е гг. словно уходят из поля зрения исследователей Одоевского, если не считать музыковедов, которых он интересует с точки зрения своей музыкальной деятельности, — область, в которой «перелом 1844 г.» словно бы и не сказался. По причинам, которых мы здесь не будем касаться, не завершает свой ставший классическим труд П.Н. Сакулин[33], в результате чего в сознании многих поколений формируется уже выше упомянутый образ Одоевского — звездного романтика, философа-вольнодумца, короче — Одоевского «Русских ночей», «Сильфиды», Одоевского — alter ego Фауста и Гомозейки.

В лучшей биографии Одоевского последнего времени, книге М.А. Турьян — то же отношение:

---

[32] См.: *Турьян М.А.* Странная моя судьба. О жизни В.Ф. Одоевского. М., 1991. С. 371–375.

[33] *Сакулин П.Н.* Из истории русского идеализма. Князь В.Ф. Одоевский.

1850-е годы выпадают из рассмотрения, суммируясь в нескольких фразах: «Владимир же Федорович в эти годы заметно переменился. Он неистово отдался благотворительности — впрочем, как и его жена, — и пришел к мысли, что “вечного горя” не существует. В 1845 г. он еще подумал предпринять новое издание своих сочинений — да как-то не сладилось»[34].

Впрочем, надо признаться, что и для современников, а не только для потомков, существовало два лица Одоевского: сказочника, сочинителя (до середины 1840-х гг.) — и важного государственного чиновника (1840–1860-е гг.).

Совершенно не пытаясь оспаривать эту концепцию, по существу верную, обратим все же внимание на то, что было в его жизни и творчестве неоспоримой константой, — то, что тематически объединяет его ранние годы с поздними, пафос его ранних произведений с поздними.

Возможно, такой константой, в особенности интересной для нас в свете публикуемых здесь материалов, была идея Служения. Считая всякую лень славянщиной, Одоевский полагал, что человек, желающий приносить пользу, должен служить[35]. В его автобиографической записке мы читаем в высшей степени характерные для Одоевского слова: «Все мы в жизни люди законтрактованные; контракт может быть прескверный, пренелепый, но мы его приняли, родясь, женясь, вступая в службу, и т.д., следственно

---

[34] *Турьян М.А.* Странная моя судьба. С. 372–373. Также и в книге В.С. Виргинского «Владимир Федорович Одоевский. Естественнонаучные взгляды» (1975), хотя и доведенной до 1860-х гг., выпадают как раз 1850-е гг. То же можно сказать и о монографии О.Д. Голубевой «В.Ф. Одоевский» (1995).

[35] См.: *Мещерина Е.Г.* В.Ф. Одоевский в музыкальной культуре России XIX века. М., 2001. С. 7.

должны исполнять его...»[36]. В будущем обществе, которое он изобразил в утопическом романе «4338-й год», труд правителей, «первых сановников» описывается как род жертвенного служения обществу, в котором все здоровы и счастливы, кроме первых государственных деятелей: «Они стареют преждевременно, и им одним не ставится в вину расстройство их здоровья, ибо этою ценою покупается благосостояние всего общества»[37].

Надо сказать, что с этим образом согласуются и воспоминания о самом Одоевском, в частности, К.П. Победоносцева, относящиеся уже к 1860-м гг.: «Каждое утро, в 10 часов, раньше всех являлся он в Сенат, и вслед за ним являлся огромный портфель его, вроде ларца или чемодана, с делами и с записными книгами, который вел он с беспримерной аккуратностью и терпением...»[38]

И сам он, в ответ на направленный против него пасквиль П. Долгорукова, уже в конце жизни записывает в дневнике: «...всякая полезная деятельность бывает смешна, ибо встречает препятствия, следственно неудачи, а всякая неудача смешна. Над вредной деятельностью не смеются, но иногда ненавидят. Бездействием всегда возбуждаются, как калмыкскими идолами, факирами, браминами»[39].

---

[36] Русская старина. 1892. № 4. С. 137. См. также: *Цехновицер О.* Силуэт (В.Ф. Одоевский) // *Одоевский В.Ф.* Романтические повести. Л., 1929. С. 54.

[37] *Одоевский В.Ф.* 4338-й год. Петербургские письма / Под ред. О. Цехновицера. М., 1926. С. 38–39.

[38] *Победоносцев К.П.* Еще на память о князе В.Ф. Одоевском // В память о князе Владимире Федоровиче Одоевском. Заседание Общества любителей российской словесности. М., 1869. С. 80–81.

[39] Текущая хроника и особые происшествия. Дневник В.Ф. Одоевского 1859—1869 // Литературное наследие. Т. 22–24. М., 1935. С. 117.

«Моя долгая, честная чернорабочая жизнь», — говорил он[40], и метафора эта была подхвачена впоследствии В.А. Соллогубом, писавшим о том, что Одоевский сделался «чернорабочим во имя своих братий, он был каменщиком при сооружении нашего общественного здания»[41].

К тому же «самоотверженная общественная деятельность», служба, или лучше сказать Служение, начались для Одоевского отнюдь не с середины 1840-х гг., а значительно раньше, — именно в те годы, которые как раз и принято относить к «эстетическому» и «мистическому» периодам в его творчестве. Напомним вкратце послужной список Одоевского:

— Октябрь 1826 г. — зачислен в Цензурный комитет Министерства внутренних дел.

— 1827 г. — секретарь Общего собрания Временного комитета по подготовке нового цензурного устава (устав утвержден 22 апреля 1828 г.).

— Июль 1828 г. — столоначальник в Департаменте духовных дел иностранных вероисповеданий Министерства внутренних дел с назначением жалованья по двум ведомствам.

— В последующие годы — как чиновник Министерства внутренних дел — становится членом Комиссии по усовершенствованию пожарной части Петербурга, членом Комитета по устройству водопровода, членом Комиссии о приведении в единообразие российских мер и весов, членом редакции Журнала Министерства внутренних дел.

— 1838–1861 гг. — член Ученого комитета Министерства государственных имуществ, занимается учреждением деревенских школ, готовит учебники.

---

[40] Цит. по: *Пятковский В.Ф.* Князь В.Ф. Одоевский. С. 74.

[41] *Соллогуб В.А.* Воспоминание о князе В.Ф. Одоевском // В память о князе Владимире Федоровиче Одоевском. С. 100.

— 1840 г. — старший чиновник II отделения Его императорского величества канцелярии, ведающего законодательными делами; работает над переизданием Свода законов и унификацией законодательных основ Закавказья.

— 1846–1861 гг. — помощник директора Публичной библиотеки, заведующий Румянцевским музеем в Петербурге.

— 1846–1855 гг. — председатель Общества посещения бедных в Петербурге.

— 1859 г. — Гласный петербургской думы.

— 1860 г. — член Санкт-Петербургского комитета общественного здравия, следящего за санитарным состоянием города.

— 1861 г. — сенатор в московском департаменте правительствующего Сената.

— 1862 г. — сенатор по министерству юстиции.

— 1864 г. — первоприсутствующий сенатор.

Добавим к этому звания и чины, полученные «русским Фаустом»:

— 1836 г. — камергер;

— 1838 г. — коллежский советник;

— 1841 г. — статский советник;

— 1845 г. — действительный статский советник;

— 1858 г. — гофмейстер, тайный советник.

Итак, если государственное и общественное служение Одоевский начинает почти одновременно со служением литературным и на протяжении почти двадцати лет успешно совмещает и то и другое, тогда общепринятая, в том числе и его собственная, мотивировка отхода от художественного творчества («благородное самопожертвование: отказ от творческой работы во имя служебного долга») оказывается в общем-то несостоятельной. Был ли этот отход от литературы неоправданным, до сих пор не разреши-

мой загадкой личности Одоевского? — Скорее всего, так. И все же, если уж искать объяснение этой загадке, то думается, что скорее всего делать это надо — в размышлениях Одоевского над судьбами писателя в России. Сам он неоднократно высказывал сомнения в действенности литературной профессии, сетуя на узость круга читающей публики: «Служба у нас в России есть единственный способ быть полезным Отечеству. <...> Что у нас Литература? — ведь охота же писать для тех, которые не читают. Будь хоть семи пядей во лбу — твое сочинение не перейдет за круг твоих приятелей, и тех еще надобно заставить тебя слушать, или подарить им по экземпляру»[42].

В этом смысле Одоевский словно выбивается из «русской традиции» отношения к литературе как к общественной трибуне и общественному служению, противопоставив ей практическую деятельность одновременно и как более действенную, и как «возможность продолжения философствования в формах самой жизни» (тем самым повторив логику эволюции гетевского Фауста, с которым Одоевского так любили сравнивать современники и с которым он любил себя сравнивать сам)[43]. Не отсюда ли неприятие Одоевским русских социалистов, его отзыв о метафизическом и потому мертвом и отсталом социализме Герцена. Да простится нам еще одно сравнение. «Я брат твой» — говорит устами своего героя другой, наверное, гораздо более знаменитый и, несомненно, более талантливый современник Одоев-

---

[42] Цит. по: *Сакулин П.Н.* Из истории русского идеализма. Ч. 2. С. 174.

[43] См. об этом также: *Голубева О.Д.* В.Ф. Одоевский. С. 84; *Зыкова Г.В., Мещерина Е.Г.* (при участии *Вацуро В.Э.*) Одоевский Владимир Федорович // Русские писатели. 1800–1917 гг. Биографический словарь. Т. IV. М., 1999. С. 402.

ского — и уезжает за границу, в Рим, на «родину души своей». Собственно, в этих же категориях мыслит и Одоевский — но при этом отдает себя целиком служению «маленькому человеку», издавая для него книги, организуя приюты, и, в качестве скучного члена Ученого комитета при Министерстве Государственных имуществ учреждая школы для государственных крестьян, — короче, посвятив себя целиком и полностью благотворительной деятельности во имя «брата своего».

* * *

«...почтеннейшие и богатейшие...»

При этом была в служении Одоевского еще одна составляющая, которая многое может объяснить в публикуемых ниже письмах. «Знакомство с делами, доставленными мне службою, — писал он, — уверило меня, что наше просвещение находится на степени наших прадедов, которым насильно надобно было брить бороду; что всякое действие на просвещение в России может только и единственно исходить сверху — от правительства»[44].

Также и в упоминавшемся уже утопическом романе «4338-й год» Одоевский рисовал картину, где мирные судьи избираются из «почтеннейших и богатейших» людей.

Это тяготение Одоевского к «почтеннейшим и богатейшим», к правительственной верхушке общества вызывало недоумение и скепсис уже и среди его друзей. «К концу 1840-х гг. литературная интеллигенция стала отходить от салона Одоевского. В нем стали пре-

---

[44] РГБ. Ф. Пог. II. Карт. 47. Ед. хр. 74. Л. 3`. Цит. по: *Сахаров В.И.* Царственная меценатка немецких Афин // Литературная Россия. 1999. № 32 (20.08).

обладать представители великосветского общества», — вспоминал один из современников о процессе перерождения литературного салона Одоевского, на диване которого, по словам Шевырева, «пересидела вся русская литература», — в аристократически-великосветский[45]. Хорошо известны слова А.И. Герцена Н.П. Огареву 1841 г.: «Князь Одоевский много лет приискивает средства быть разом человеком Петербурга и человеком человечества, а удается плохо, он играет роль какой-то Zwittergestalt и несмотря на всю прелесть души — виден и камергерский ключ на заду»[46]. Но и П.А. Плетнев сообщал в том же духе в марте 1850 г. В.А. Жуковскому: «Одоевский, как я извещал вас, погиб для нашего круга, уклонившись в новый круг людей, называющихся обществом посещения бедных»[47]. Понятно, что скрывается за презрением демократа Плетнева к «Обществу посещения бедных просителей в Петербурге», куда входили императрица Александра Федоровна, великая княгиня Елена Павловна и «весь аристократический Петербург». Деятельность этого общества, которая и по сей день рассматривается как весьма неоднозначная[48], имела од-

---

[45] *Арнольд Ю.* Воспоминания. М., 1892. Вып. 2. С. 222.

[46] *Герцен А.И.* Полное собрание сочинений: В 30 т. М., 1961. Т. 22. С. 99.

[47] *Плетнев П.А.* Сочинения и переписка: В 3 т. СПб., 1855. Т. 3. С. 640.

[48] В апреле 1855 г. Общество было закрыто вследствие политического доноса (по другой версии — как результат злоупотреблений) вместе со всеми учреждениями, за исключением Кузнецовского училища и Максимилиановской больницы, которую приняла под свое покровительство великая княгиня Елена Павловна. Она и поручила Одоевскому председательствовать в комиссиии по управлению больницей (см.: *Турьян М.А.* Странная моя судьба. С. 372; *Голубева О.Д.* В.Ф. Одоевский. С. 100–101). Деятельность Одоевского в

нако своим практическим и безусловно положительным результатом создание целого ряда лечебниц, в том числе знаменитой Максимилиановской, названной по имени попечителя Общества герцога Максимилиана Лейхтенбергского.

Надо ли говорить, что Одоевский, посвятив себя сначала по долгу службы, а потом и по внутреннему убеждению, делам благотворительности, которая традиционно была сферой деятельности высшей аристократии и представителей императорской фамилии, по необходимости сближается с великосветским обществом, принят при дворе и особенно вхож к уже упоминавшейся выше великой княгине Елене Павловне, с которой и связано начало благотворительной его деятельности (еще в конце 1830–х гг. Елена Павловна привлекла Одоевского к попечению о детских приютах и больницах для бедных, — а в результате он начал бывать у нее в Михайловском дворце на вечерах и приемах).

Разумеется, как часто бывает в подобного рода случаях, участие в деятельности Общества многими рассматривалось как продвижение по служебной лестнице — возможность социальных контактов и аристократических знакомств. Но у Одоевского целеполагание было иное: о бедных он заботился не для того, чтобы войти в круг высшей аристократии, но он вошел в этот круг, чтобы иметь возможность заботиться о бедных, что с годами стало его нравственным императивом. Как писал В. Боцяновский, «ни-

---

Обществе послужила предметом нападок, в том числе и со стороны Н.А. Некрасова, написавшего в 1853 г. сатирическое стихотворение «Филантроп» (впоследствии Некрасов извинился и сказал, что не имел в виду Одоевского — см. подробнее: Архив села Карабихи: Письма Некрасова и к Некрасову. М., 1916. С. 132–135).

какое общественное устройство, считал Одоевский, не может предохранить от бедности, а равнодушие к страданию близких есть математическая нелепость. Если люди хотят избежать социализма, то должны заниматься благотворительностью, филантропией, даже милостыней»[49]. И как вспоминал впоследствии А.И. Кошелев: «Благотворительность для князя Одоевского <...> была <...> потребностью, наслаждением жизни»[50]. Другой же современник сказал о нем: «Несмотря на то, что он был первый аристократ в России, он, может быть, был величайший демократ»[51].

А потому, мелькающие на страницах писем Одоевского к Марии Павловне имена великих княгинь, великих князей, часто упоминающиеся в контексте балов, проблем здоровья и проч., обилие которых легко может надоесть читателю и отпугнуть его, есть, на самом деле, лишь верхушка айсберга — большей частью это имена людей замечательных, много сделавших для России, и с которыми Одоевский был связан не только и не столько светским образом, но прежде всего объединявшими его с ними делами благотворительности, а также вопросами развития искусств, и в первую очередь музыкального.

Надо ли после всего сказанного удивляться, что в круг этих именитых и даже «августейших» друзей Одоевского вошла также и великая герцогиня Саксен-Веймар-Эйзенах Мария Павловна?

---

[49] *Боцяновский В.* Князь В.Ф. Одоевский и Общество посещения бедных в С.-Петербурге. Пб., 1899. С. 4.

[50] *Кошелев А.И.* Вступительное слово председателя Общества любителей российской словесности // В память о князе Владимире Федоровиче Одоевском. С. 7.

[51] Русская старина. 1890. Т. 67. Сент. С. 632. В 1861 г. Одоевского даже выбрали в почетный президиум Африканского института в Париже, боровшегося за отмену рабства (см.: НПБ. Ф. 539. Оп. 2. № 191. Л. 1).

* * *

Августейшая корреспондентка

«Русский человек может играть любую роль во всевозможных странах, за исключением России. После того, как я прочитал о жизни г-жи Свечиной, я не удивлюсь, если мне скажут, что некий Петр Иванович стал первым мандарином в Пекине, а Иван Петрович папой римским».

Дмитрий Толстой

В сущности, русскому читателю вряд ли следует объяснять, кем был Владимир Федорович Одоевский для русской литературы и русской культуры. А вот имя его «августейшей» корреспондентки в России гораздо менее известно[52].

Известно, в частности, что, будучи одной из многочисленных дочерей императора Павла I и Марии Федоровны, в 1804 г. она вышла замуж за наследного герцога Саксен-Веймарского Карла Фридриха, в 1828 г. стала правящей герцогиней Саксен-Веймарской и так и прожила на новой родине до самой смерти в 1859 г. Кстати, и брак ее по тем меркам не

---

[52] Из относительно немногочисленных работ о Марии Павловне на русском языке см: *Архипов Ю.И.* Веймарские находки...; *Данилова А.* Пять принцесс. Дочери императора Павла I. М., 2002. С. 163–280; *Дмитриева Е.Е.* Мудрец и принцесса: еще раз о «новом» и «старом» веймарских архивов // Новое литературное обозрение. М., 1997. № 23. С. 174–185; *Дмитриева Е.Е.* Письма В.Ф. Одоевского великой княгине Марии Павловне (по материалам Тюрингского государственного архива) // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. М., 2004. 1(34). С. 149–161; *Сахаров В.И.* Царственная меценатка немецких Афин.

казался самым блестящим, поскольку сестрам ее достались, кажется, более выгодные партии: одна (Александра) стала женой венгерского палатина Иосифа[53], другая (Екатерина) — королевой Вюртембергской (во втором браке), а самая младшая, Анна, чуть не став женой Наполеона и соответственно королевой Франции, сделалась тем не менее впоследствии королевой Нидерландов[54].

Сестра двух русских императоров, Александра I и Николая I, в русской историографии Мария Павловна в основном и известна своими родственными связями — дочь императора и сестра императоров. И гораздо труднее себе представить, что эта «маленькая принцесса» большого двора, попав в Германию, сумела стать там собеседницей великих германских умов: Виланда, Шиллера, наконец, Гете, которого с ней связала многолетняя дружба и тесное культурное сотрудничество. Что ей Веймар обязан существованием Высшей художественной школы, целого ряда благотворительных заведений, что она покровительствовала европейским композиторам, в том числе Берлиозу, Листу, Вагнеру, и что Веймар благодаря ей стал в 1840–1850-х гг. еще и музыкальным центром Германии.

При этом стоит еще раз вспомнить обстоятельства появления Марии Павловны в Веймаре, где она и по сей день считается фигурой культовой[55]. Для не-

---

[53] См.: *Воловик О.* Александра. Жизнь. Семья. Судьба. Память. СПб., 2004.

[54] См.: *Стрижак Н., Соколов А., Раскин Д.* Анна Павловна. Русская принцесса на голландском троне. СПб., 2003. См. также: *Данилова А.* Пять принцесс. С. 403–462.

[55] Об этом свидетельствует, в частности, одна из самых масштабных выставок в Германии 2004 г.: «"Ее императорское высочество". Мария Павловна, царская дочь при веймарском дворе» (см.: «Ihre Kaiserliche Hoheit». Maria Pawlowna, Zaren-

мецкой литературы это время наивысшего расцвета. Уже появилась Йенская школа, уже ранний романтизм дал, может быть, свои наивысшие образцы (и «Генриха фон Офтердингена» Новалиса, и шлегелевские «Фрагменты»), но совсем рядом, в Веймаре, все еще продолжается расцвет Веймарской классики, и живы все ее виднейшие представители: Виланд, Шиллер, Гете. Именно в этот Веймар и попадает русская принцесса, быстро понимая, что здесь ей будет отведена не только политическая, социальная, но и культурная роль — не только покровительницы искусств, но и посредницы между культурами.

Позволим себе отвлечься и напомнить хронологически более ранний эпизод: путешествие Н.М. Карамзина по Европе и его посещение Веймара, описанное им в «Письмах русского путешественника». Приехав в Веймар и желая нанести визит его небожителям, он отправляет наемного слугу к Виланду, «спросить, дома ли он». «“Нет, он во дворце” — последовал ответ. “Дома ли Гердер?” — “Нет, он во дворце”. — “Дома ли Гете?” — “Нет, он во дворце”. — “Во дворце! Во дворце!” — повторил я, передразнивая слугу, взял трость и пошел в сад»[56].

Совершенно иначе описывает ситуацию при Веймарском дворе в 1805 г. Мария Павловна, в отличие от Карамзина явно сожалея, что не видит философов в герцогском замке так часто, как ей того хотелось бы. Так, матери, императрице Марии Федоровне, она пишет: «Поверите ли, милая Мама, что этих троих 3/4 времени совершенно не видно, они либо болеют, либо

---

tochter am Weimarer Hof. Katalog und CD-R. Stiftung Weimarer Klassik und Kunstsammlungen. 2004).

[56] *Карамзин Н.М.* Письма русского путешественника. М.: Советская Россия, 1983. С. 107–108.

каждый из них сидит у себя дома»[57]. То же брату, императору Александру I: «Вы писали мне об Афинах Германии. Приезжайте же сюда, и Вы станете здесь Алкивиадом. Здесь живется очень спокойно, даже ученым, которых 3/4 времени вообще не видно»[58].

Но как бы Мария Павловна ни жаловалась на отсутствие при дворе «трех капитальных голов» (так отныне называет она Виланда, Шиллера и Гете), все они были ей в свой черед представлены и нашли в ней внимательного и порой не лишенного остроумия наблюдателя, но вместе с тем и друга и, — как то и обязывало ее происхождение и положение, — великодушного покровителя.

* * *

В кругу «великих ученых»

В императорской семье заботились об образовании детей. Стоит, может быть, напомнить, что среди воспитателей русских великих князей мы находим яркие личности, сыгравшие большую роль в русской истории и русской литературе, — такие, как граф Н.И. Панин (воспитатель Павла), В.А. Жуковский (воспитатель Александра II). Воспитанием дочерей Павла и Марии Федоровны занималась Шарлотта Ливен, за свою долгую педагогическую деятельность

---

[57] Письмо от 23 декабря 1804 г./4 января 1805 г.: Thüringisches Hauptstaatsarchiv Weimar. Großherzogliches Hausarchiv. Maria Pawlowna. Russische Korrespondenzen (Тюрингский государственный архив. Герцогский домашний архив. Мария Павловна. Русская переписка). R 153. Bl. 178' (в дальнейшем название архива приводится в общепринятом сокращении: ThHStAW HA A; здесь и далее, кроме особо отмеченных мест, оригинал на французском языке).

[58] Письмо от 25 декабря /6 января 1805 г. ThHStAW HA A XXV. R 106a. Bl. 1'.

получившая титул светлейшей княгини. Да и сама Мария Федоровна, весьма одаренная в различных видах искусств и постоянно в них практиковавшаяся, была прекрасным для дочерей образцом для подражания и непререкаемым авторитетом даже и тогда, когда они давно уже покинули императорский дом, сами стали матерями, но не переставали по всем жизненно важным и даже не очень важным вопросам советоваться в письмах с chère Maman.

Из царских дочерей Мария Павловна, уступавшая красотой своим сестрам (следствие сделанной ей в детстве прививки от оспы, испортившей ей лицо), явно превосходила их своей одаренностью. Еще в начале XX в. о ней писали: «Очень похорошевшая с летами, хотя и оставшаяся "рябой", талантливая, много читавшая, хорошо рисовавшая (много ее рисунков хранятся в Гатчине) в.кн. Мария Павловна заслужила прозвище "la perle de la famille" и по праву могла занять то выдающееся положение, которое принадлежало ей в умственной и художественной жизни Европы первой половины XIX в.»[59].

О ее музыкальной одаренности сообщала еще ее бабка Екатерина II в письмах барону Гримму: «Вечером я отправляюсь на домашний концерт, где Александр и граф Платон Зубов будут играть на скрипке, Елизавета, Александра и Елена будут петь, а аккомпанировать им на фортепиано будет Мария, которая удивительно любит музыку; ей только девять лет, а она уже прошла с Сарти изучение генерал-баса. Сарти говорит, что у нее замечательный музыкальный талант, и кроме того, она очень умна, имеются способности ко всему и будет со временем преразумная девица. Она любит чтение и, как гово-

---

[59] *Казнаков С.* Павловская Гатчина // Старые годы. 1914. № 7–9. С. 120.

рит генеральша Ливен, проводит за книгой целые часы... Притом она очень веселого, живого нрава и танцует, как ангел»[60].

К тому же, Мария Федоровна любила устраивать (в особенности, во время их осеннего пребывания в Гатчине, где у нее имелась богатая библиотека) литературные вечера, на которых читались новинки европейской литературы, и в том числе произведения авторов, с которыми одной из ее дочерей впоследствии пришлось познакомиться в Веймаре — Шиллера и Виланда.

Так что, когда в 1804 г. Мария Павловна приехала в Веймар, она была уже в достаточной степени литературно подготовленная, — в том числе и для общения с великими его обитателями.

Впрочем, определение «жемчужина семьи» относилось не только к дарованиям Марии Павловны. Современники достаточно единодушно отмечали ее редкостное обаяние в молодости. Так, ее кузен Евгений Вюртембергский, познакомившийся с ней еще в Петербурге, вспоминал: «...Мария была уже пятнадцати лет, и стало быть, для меня была особой внушительной, но тем не менее она была такая кроткая и добрая, что я сейчас же почувствовал к ней сердечное влечение. Она имела сочувственное и нежное сердце»[61].

Да и принц де Линь, увидевший Марию Павловну, равно как и ее сестру Екатерину Павловну уже в 1814 г. на Венском конгрессе, дал им, кажется, весьма справедливую сравнительную характеристику: «Великая княгиня Мария привязывает к себе сердца, а Екатерина берет их приступом»[62]. Но и строгая в своих от-

---

[60] Письма императрицы Екатерины II к Гримму (1774–1796). СПб., 1878 (письмо от 18 сентября 1790 г.).

[61] Цит. по: *Данилова А.* Пять принцесс. С. 171.

[62] См. об этом: *Михайловский-Данилевский А.И.* Мемуары 1814–1815 гг. СПб., 2001. С. 93.

ношениях даже к близким людям Мария Федоровна незадолго до смерти упоминала в своем завещании свою дочь, «дорогую Марию, которая во всех жизненных испытаниях всегда показывала себя достойной моей любви и заслужила всеобщее уважение»[63].

Собственно, это же обаяние, в сочетании с образованностью и живым интересом к наукам и в особенности к художествам позволило ей завоевать, когда она прибыла в Веймар, даже и сердца людей, достаточно предвзято *a priori* к ней относившихся. А таковых было немало. Так, Август, принц Саксен-Гота, поначалу саркастически сравнивал въезд Марии Павловны в Веймар с въездом Помпея и Цезаря в Рим[64]. Но и сама вдовствующая герцогиня Анна Амалия, великая устроительница Веймарского «Двора муз», которая в ноябре 1804 г., как она сама иронически описывала, «со смирением и терпением, на последней ступени герцогского дворца, ждала прибытия ее Императорского высочества», вскоре уже сообщала Карлу Людвигу Кнебелю: «С великой радостью могу сказать вам, что моя внучка просто клад... Она принесла нам счастье и благословение. У нее полное отсутствие мелочной гордости. Всякому она умеет сказать что-нибудь приятное и чутко понимает доброе и прекрасное. Мужу своему она настоящий друг, и он ее глубоко ценит и любит... Все на нее здесь молятся»[65].

Но не только местная аристократия оказалась в 1804 г. под обаянием русской принцессы: с непод-

---

[63] ГАРФ. Ф. 663. Оп. 1. Д. 4. Л. 13.

[64] Briefe an Goethe. Gesamtausgabe in Regestform. Weimar, 1988. Bd. 4. Nr 1731. S. 540.

[65] Цит. по: Zum 24. Juni 1898. Goethe und Maria Pawlowna. Urkunden, hrsg. im Auftrage des Erbgroßherzogs Wilhelm Ernst von Sachsen. Weimar, 1898. S. 136.

дельным интересом и пристрастием к ней присматривались и те, кого она тогда же в письме к матери назвала «тремя капитальными головами» — Виланд, Шиллер и Гете. Пожалуй, с наибольшим энтузиазмом сразу же отозвался о Марии Павловне Виланд, тогда же справедливо предсказав, что в будущем она станет продолжать дело Анны Амалии: «она невыразимо обаятельна и умеет соединить прирожденное величие с необыкновенной любезностью, деликатностью и тактом в обращении. Я благодарю небо, — писал он в письме к соиздателю журнала *"Teutscher Merkur"* Карлу Августу Беттигеру, — что оно позволило мне жить достаточно долго, чтобы насладиться в свои 72 года восхитительным лицезрением подобного ангела в девичьем обличии. С ней несомненно начнется новая эпоха для Веймара, благодаря своему всеоживляющему влиянию она продолжит и доведет до более высокого совершенства то, что более 40 лет назад начала Анна Амалия»[66].

В более гипотетической модальности, но приблизительно ту же мысль выразил и Шиллер: «она обладает способностями к живописи и музыке, довольно начитанна и проявляет твердость духа, направленного на серьезные предметы. <...> Дурные люди, пустые, болтуны и верхогляды не будут иметь у нее успеха. Меня крайне интересует, как она устроит здесь свою жизнь и куда направит свою деятельность»[67].

---

[66] Christoph Martin Wieland nach seiner Freunde und eigenen Äusserungen. Zusammengestellt und mitgeteilt von C.W. Böttiger // Historisches Taschenbuch. Hrsg. von Friedrich von Raumer. Jg. 10. 1839. S. 444.

[67] Письмо Шиллера Г. Кернеру от 22 ноября 1804 г. Сам Шиллер услышал о Марии Павловне еще задолго до ее появления в Веймаре — от своего шурина барона фон Вольцогена, занимавшегося брачными делами наследного герцога Веймарско-

Сама же Мария Павловна, как уже было сказано, прибыв в Веймар в 1804 г., сразу же заняла позицию непредвзятого (а порой и достаточно критичного) наблюдателя веймарской жизни. «Могли бы вы себе представить, дорогая мама, — писала она Марии Федоровне, — что Веймар представляет собой невероятную смесь высокого и низкого? С одной стороны, эти три капитальные головы (имеются в виду Гете, Шиллер и Виланд. — *Е. Д.*), необычные люди, каждый из них своей оригинальностью отличен от других и поучителен; далее Герцог, человек, оригинальность которого трудно себе вообразить, он счастлив, когда может придумать бон-мо, столь занимательное, что оно способно развеселить его слушателей до слез; Герцогиня образована, любезна, когда узнаешь ее получше, а также достопочтенна и остроумна; мать-герцогиня обладает заслуживающим изумления талантом привлекать к себе и молодых и старых, которые охотно ее посещают и свободно себя у нее чувствуют... С другой стороны, мужчины и женщины, весьма незначительные или и вовсе неприятные <...> и наконец, в довершение всего, средний сорт людей, движущихся в том направлении, в какое их что-либо или кто-либо подтолкнул, и которые проводят время в ротозействе, наблюдая или удивляясь равно интересным людям и глупцам: и это-то и есть Веймар»[68].

И в другом письме: «Дорогая мама, что касается ученых, то они сами настолько скованные людишки, что это даже смешно. Грациозности им явно не хватает. Старый Виланд носит шапочку, которая заставила

го (см.: *Tron Karl.* Goethe und Maria Pavlovna // Beilage zur Allgemeinen Zeitung. München, 1898. Nr. 150. 9. Juli).

[68] Im Spiegel jugendlicher Einfalt (Aus einem unveröffentlichen Brief Maria Pawlownas) // Goethe-Jahrbuch. Weimar, 1980. Bd. 97. S. 236–238.

меня принять его в первый раз, когда я его увидела, за еврея, Гете прижимает свою шляпу прямо к телу, как цветочный горшок, а Шиллер, который очень красив, хотя и болен, часто ходит пошатываясь»[69].

Впрочем, общение с «капитальными головами» поначалу давалось ей, по-видимому, не так уж легко; во всяком случае, месяц спустя после приезда в Веймар в письме Марии Федоровне она с некоторым облегчением призналась: «Ученые не ввергли меня в столь сильное смущение, которого я опасалась, и когда говоришь с ними, они соблаговоляют спускаться со своих высот, чтобы вставать на один уровень с простыми смертными»[70].

При этом дифирамбический «Пролог» Шиллера, сочиненный к приезду Марии Павловны и имевший подзаголовок «Прославление искусств» (*«Die Huldigung der Künste»)*[71], и который, 50 лет спустя, в 1854 г.

---

[69] Письмо Марии Федоровне от 13/25 февраля 1805 г. (ThHStAW HA A XXV. R 153. Bl. 233).

[70] Письмо Марии Федоровне от 12/24 декабря 1804 г. (ThHStAW HA A XXV. R 153. Bl. 130).

[71] На самом деле, в преддверии торжественного въезда герцогской пары в Веймар и Гете, и Шиллер хотели отказаться от «протокольного» стихотворного приветствия. Однако затем Шиллер «решился», и за четыре дня «придумал, создал и поставил на сцене» (см. его письмо В. Гумбольдту от 2 апреля 1805 г.) стихотворную аллегорию «Прославление искусств». Генрих Фосс-младший писал в этой связи: «Самый прекрасный результат прибытия великой княгини — диалогический пролог Шиллера. При словах: “Schnell knüpfen sich der Liebe zärte Bande; Wo Du beglückt, bist Du im Vaterlande” (“Быстро завязываются нежные узы любви, Там, где Ты счастлива — Твое отечество”) началось волнение в сердцах всех присутствовавших <...>. Милейшая наследная герцогиня заплакала от грусти и от радости» (цит. по: Zum 24. Juni 1898. Goethe und Maria Pawlowna. S. 135). Данная постановка описана также Гете в «Эпилоге к шиллерову

будет вновь исполнен в Веймаре в честь 50-летнего юбилея прибытия ее в герцогство, смутил юную Марию Павловну. «Надеюсь, что “Пролог”, который я имела счастье Вам послать, был Вам, милая Мама, небезынтересен; в нем избран тот тон похвалы, что делает текст приемлемым, и надо признать, что Шиллер сумел все это сделать с большой осторожностью. Мне вообще не следовало бы говорить об этом “Прологе”, но Вам, дорогая Мама, я признаюсь в испытанном мною сильнейшем замешательстве при его постановке на театре, равно как и невозможности не высказать в отношении к нему своего одобрения»[72].

Еще большее замешательство вызывает у нее поначалу общение с Гете, произведений которого (в отличие от Шиллера и Виланда) в России она не читала. Сама она уже в первые месяцы пребывания в Германии ужасается своему невежеству, потому что «как можно общаться с Гете, не зная его произведений»[73], — лакуна, заполнить которую Мария Павловна, став жительницей Веймара, поставила себе в обязанность. Первым произведением, которое по настоятельному совету своих новых знакомых Мария Павловна начинает чи-

---

“Колоколу”» («Epilog zu Schillers “Glocke”»). См. также: *Данилевский Р.Ю.* Шиллер и становление русского романтизма // Ранние романтические веяния. Л., 1972; *Peterson Otto F.* Schiller in Russland. New-York; München, 1934.

[72] Письмо от 10 декабря 1804 г. (ThHStAW HA A XXV. R 153).

[73] Подробнее об истории взаимоотношений Гете и Марии Павловны см.: *Дмитриева Е.* Мудрец и принцесса; Zum 24. Juni 1898. Goethe und Maria Pawlowna; *Tron Karl.* Goethe und Maria Pavlovna. О восприятии Гете в России в это время: *Жирмунский В.* Гете и Россия. М., 1975; *Dmitrieva E.* Russisch-deutscher Literaturtransfer im 19. Jahrhundert. Die Rolle des Weimarer Hofes // «Ihre Kaiserliche Hoheit». Maria Pawlowna, Zarentochter am Weimarer Hof. Katalog. S. 341–355.

тать и удивляется притом собственной храбрости, был роман «Страдания юного Вертера». «Вы спрашиваете меня, милая Мама, что я читаю! Что бы Вы сказали, если бы я Вам призналась, что с того времени, что я здесь, я читаю “Вертера”. <...> Мне его дала почитать госпожа фон Штейн, пожилая и весьма уважаемая дама, к которой Герцогиня испытывает большую симпатию»[74], — пишет она матери, словно извиняясь за фривольное чтение и ссылаясь притом на авторитет респектабельных людей. С матерью, да еще со своей старой гувернанткой Мазеле она обсуждает роман («Я нахожу, что он написан великолепно, и очень интересно; в нем также много прекрасных мыслей. Что же касается изображения страсти в этой книге, то поверите ли, дорогой друг, если я вам скажу, что мне было стыдно читать. Но именно это со мной и произошло. Многие считали, что это чтение мне навредит, потому что у меня слишком живой характер; я спрашиваю их теперь, о каком вреде идет речь, мне отвечают, просто Вы недостаточно хорошо понимаете немецкий язык. Пусть они говорят, эти людишки, а я продолжаю читать книгу, которую очень даже хорошо понимаю с начала и до конца, и вот я, как Вы видите, вовсе не собираюсь кончать жизнь самоубийством»[75]). Но при этом с самим Гете она еще долго его произведения обсуждать не отваживается — в чем ее полностью поддерживает и Мария Федоровна: «Я очень хорошо чувствую, милая Мама, что Вы довольны, что я с ним не обсуждаю его произведений. Нет, никогда я не найду в себе достаточно для этого храбрости; они много наделали шуму в свете,

---

[74] Письмо Марии Федоровне от 23 декабря 1804 г./4 января 1805 г. (ThHStAW HA A XXV. R 153. Bl. 120`).

[75] Письмо мадемуазель Мазеле (ThHStAW HA A XXV. M 87. Bl. 10`).

они содеяли много хорошего и много плохого, в особенности в этом "Вертере" уж слишком много вольностей»[76].

Пожалуй, легче всего Марии Павловне давались отношения с «папой Виландом», как она сразу же начинает его называть, позволяя себе, как мы уже видели, над ним и подшучивать: «Сегодня утром Галь будет читать нам свою последнюю лекцию; <...> он нашел голову Виланда прекрасной; несколько дней назад этот почтенный старец вошел в комнату, в которой мы все находились перед чтением лекции; обычно он (то есть Виланд) носит на голове черную бархатную шапочку, но в этот день он покрасил волосы и потому был без нее; Галь воспользовался случаем, чтобы заставить всех восхищаться красотой формы этой головы, а Виланд в это время строил из себя скромника, смиренника, застенчивого, словно женщина, красотой которой восхищаются. Вы даже не можете представить себе, дорогая Мама, как на все это было смешно смотреть»[77].

---

[76] ThHStAW HA A XXV. R 153. Bl. 282`.

[77] ThHStAW HA A XXV R 153. Bl. 396`–397. А между тем именно Виланд с самого начала проявил к юной русской принцессе неподдельный интерес, который не иссякал у него до последних дней. Так, еще в честь ее прибытия в Веймар в 1804 г. он написал «Маленькое приветственное стихотворение». Следующее стихотворение во славу Марии Павловны было написано в 1806 г. и носило весьма характерное название «Любезная дарительница добра». В 1807 г. Виланд посылает Марии Павловне в Шлезвиг в ситуации весьма щекотливой, когда наследная герцогиня Саксен-Веймар-Эйзенах под давлением русских родственников собирается бежать из занятой французами Германии в Петербург, стихотворение «Напрасно снова светит солнце» со следующими строками: «О, всеми возлюбленная, вернись, вернись, Не лишай более Твой верный народ благословения твоего присутствия».

Однако подобное слегка ироничное отношение скоро перерастает в самую нежную, почти дочернюю к нему привязанность и высокое уважение к его человеческим достоинствам, а — позднее — и в признание его поэзии, к которой поначалу она относилась прохладно[78].

Во всяком случае, когда в ноябре 1805 г. ее брат Александр приезжает в Берлин для подписания Потсдамского договора и навещает Марию Павловну в Веймаре, то именно она представляет ему «веймарских знаменитостей» — Гете и Виланда, и, как она сообщала по этому поводу Марии Федоровне, «он их обоих оценил, и они оба были им воодушевлены. Виланд сказал мне: Я хотел бы стать его Гомером»[79]. Со своей стороны, и Александр в беседе с Виландом сказал, что чувствует себя необычайно счастливым, увидев собственными глазами, как счастлива его сестра в окружении «стольких замечательных умов»[80].

---

[78] Сложнее обстояло дело с отношением Марии Павловны к писателю Виланду, которого она могла бы прочитать еще в Петербурге, однако не прочитала. Дело в том, что в начале XIX в. Виланд пользовался особой популярностью в среде франкмасонов, к которым принадлежала и Мария Федоровна, которая соответственно имела в своей библиотеке все изданные сочинения Виланда (в отличие от других веймарских классиков, сочинения которых она имела лишь выборочно — см.: *Данилевский Р.Ю.* Виланд в русской литературе // От классицизма к романтизму. Л., 1970). И потому, когда дочь оказалась в Веймаре в самой непосредственной близости к любимому писателю, Мария Федоровна постоянно просила ее присылать новые сочинения Виланда. Но даже и когда под давлением матери Мария Павловна начинает читать Виланда, она все же предпочитает ему гетевского «Вертера».

[79] Goethe. Begegnungen und Gespräche. Berlin; NY, 1985. Bd. V. S. 665.

[80] См. подробнее: *Dmitrieva K., Klein V.* Im Athen Deutschlands // Maria Pavlovna. Die frühen Tagebücher der Erbherzogin

Вообще же с самых первых лет пребывания в Веймаре Мария Павловна взяла на себя роль своеобразного литературного эмиссара если не всей немецкой литературы, то, по крайней мере, веймарской классики, постоянно посылая в Петербург вновь опубликованные творения Шиллера, Виланда, Гете, обсуждая их в письмах с матерью, а иногда и с братьями (в особенности с Константином). «Я прошу тебя прислать произведения Шиллера целиком, а также Гете и Гердера, у меня они есть только выборочно. Что касается произведений Виланда, у меня они все есть, за исключением двух последних произведений (речь идет о диалогах «Кратес и Гипархия» и «Менандр и Глицерион». — *Е.Д.*): пошли мне все это весной по морю, прошу тебя», — просит Мария Федоровна Марию Павловну[81]. В отличие от Виланда, боготворимого Марией Федоровной и кажущегося слегка скучным ее дочери, в отношении Шиллера вкусы их совершенно совпадали[82], и почти сразу же после прибытия в Веймар Мария Павловна рассказывает в своих письмах о нем как о своем новом веймарском знакомом и с удовольствием вспоминает о семейных чтениях его драм в летней царской резиденции в Гатчине: «Я часто хожу на спектакли, в понедельник играли "Лагерь Валленштейна", который есть единственная пьеса, не прочитанная мною в Вашем кабинете в Гатчине, милая Мама. Мне она очень понравилась, по причине того влияния, которое она на меня оказала. Шиллер чувствует себя

---

von Sachsen-Weimar-Eisenach. Hrsg. Katja Dmitrieva, Viola Klein. Böhlau Verlag. Koeln; Weimar; Wien, 2000. S. 11–19.

[81] ThHStAW HA A XXV. R 123.

[82] Вернувшись из Петербурга в Веймар в 1804 г. после брачных торжеств, барон Вольцоген передал Шиллеру от имени Марии Федоровны бриллиантовое кольцо в благодарность за драму «Дон Карлос».

очень польщенным интересом и настойчивостью, с которой Вы читаете его произведения»[83].

В дальнейшем Мария Павловна не пропускает практически ни одной постановки шиллеровых драм в Веймаре. И уже после смерти Шиллера, которая ее глубоко потрясла, посмотрев постановку любимой ими обеими драмы «Дон Карлос» в 1807 г., она признается матери, какое благотворное действие оказывают на нее «прекрасные идеи и сильные мысли» поэта, услышанные со сцены[84]. Впрочем, и вне сцены — еще при его жизни — она постоянно повторяла, какие нежные чувства вызывает в ней Шиллер[85].

Целая дискуссия между матерью и дочерью разворачивается в письмах 1800–1810-х гг. касательно творчества Гете. Несмотря на все попытки Марии Павловны приобщить мать к его произведениям, та оставалась к нему холодна и как к личности (явно предпочитая ему Виланда) и, главное, как к писателю, которого за роман «Страдания юного Вертера» и спровоцированные им самоубийства почитала крайне безнравственным. Так что Мария Павловна в одном из ответных писем даже восклицает, что Гете сам лишил бы себя жизни, знай он о содержании писем маменьки: «Вы пишете мне об этих двух утопившихся женщинах, ну что ж, милая Мама, скажу, что не далее как вчера, вытащили из воды еще и третью, все это действительно внушает страх, и Гете наверное повесился бы, если бы подозревал о том,

---

[83] Письмо Марии Федоровне от 13 февраля 1805 г. (ThHStAW HA A XXV. R 153).

[84] ThHStAW HA A XXV. R 153. Bl. 288.

[85] Ср. в письме матери: «я все время возвращаюсь к Шиллеру, это правда, что в отношении к нему я испытываю большую нежность» (ThHStAW HA A XXV. R 153. Bl. 144).

что Вы пишете в письме по этому поводу, милая Мама; это ужасно, такое количество самоубийств»[86].

Пять лет спустя новый роман Гете «Избирательное сродство» становится новым предметом их жарких обсуждений. Своими первыми впечатлениями о романе Мария Павловна делится сразу же после его публичного чтения самим Гете, а как только роман выходит в свет, тут же посылает его в Петербург. «Я отвлекаюсь, — пишет она матери, — от многого грустного в настоящем и будущем, читая роман Гете; в нем многое можно было бы наверное подвергнуть критике, но есть тонкие и глубокие мысли, и, как мне кажется, глубокое знание человеческого сердца: но я считаю <...>, что он перенасыщен деталями: однако стиль кажется мне прекрасным»[87].

Пять дней спустя Мария Павловна пишет матери по поводу «Избирательного сродства» письмо, которое по праву может считаться одним из наиболее ярких русских откликов о романе Гете и в котором, кажется, раскрывается вполне нравственный и духовный облик повзрослевшей Марии Павловны:

«Я хочу, моя добрая Мама, поговорить с Вами сейчас о романе Гете и выразить Вам чистосердечно свое о нем мнение, поскольку Вы были так добры, что Сами попросили меня об этом. Я бы сказала, что эта книга написана для того, чтобы быть превратно истолкованной, и поэтому она без сомнения принесет ее автору дурную репутацию; к позитивным моментам относится то, что в ней есть вещи, которые никто, ни он сам, и никто другой на свете, не посмел бы совершить; например, ночная сцена, которая действительно вызывает отвращение и отталкивает от

---

[86] ThHStAW HA A XXV. R 153. Bl. 441`–442.

[87] Письмо от 12 октября 1809 г. (ThHStAW HA A XXV. R 156. Bl. 300`).

самой книги, несмотря на ту стилевую окраску, которую автор ей придал. Но так как автора нельзя судить по внешности, то есть, чтобы выразиться точнее, нельзя судить исходя из нравственно уязвимых мест, то я скажу Вам, милая Мама, что, по мнению Гете, роман в сущности моралистичен. И это потому, что в финале виновные оказываются наказанными и их ждет трагический конец, который есть следствие заблуждения, которому они поддались; но это заблуждение, по моему мнению, должно рассматриваться как важный недостаток романа, потому что ни смерть одного героя, ни смерть другого не лежат в природе вещей. Мне всегда объясняли, что роман должен быть картиной общественных нравов; и если такова действительно цель романа, то конец гетевского романа в еще большей степени подлежит критике; я вовсе не переношу это магическое очарование, что овевает Оттилию, смерть ее кажется мне почти смешной <...> К тому же я не могу ей простить, или скорее я не понимаю, почему она ни разу не подумала о том, что позволяя себе любить Эдуарда, она разрушала тем самым счастье своей благодетельницы, потому что она видела уже, что Эдуард тоже любит ее. Ведь она полюбила не свободного человека, и сделала это, перешагнув через ту, что почиталась ее второй матерью! — Эдуард кажется мне наиболее отвратительным, Шарлотта заинтересовала меня более всего, в ней есть чувство, но я перестаю ее понимать в сцене смерти ребенка: спокойствие, которое она сохраняет в отношении виновницы этой смерти, потому что Оттилия действительно виновна, содержит в себе что-то неестественное, и еще менее естественно признание, которое делает ей Оттилия и которое она выслушивает в первый момент своего горя. Но что касается красоты стиля, дорогая Мама, я считаю, что это поистине классиче-

ское произведение, и в этом смысле я не знаю книг, из того малого числа, что я читала, которые бы доставили мне столько удовольствия, и я ничего не читала, что бы меня так заинтересовало. Это не люди, такие, какими они должны бы быть, что описаны в книге, но часто, возможно, такие, какими они являются на самом деле, потому что встречаются иногда удивительно точные моменты, и автор, судя по тому, как он описывает, очень хорошо знает слабости бедного человеческого сердца! — наконец, я думаю, что эту книгу не надо давать читать молодым людям, даже женатым, до тех пор, пока они не в состоянии будут прочувствовать все ее недостатки наряду с достоинствами. — Вот моя исповедь на эту тему, дорогая Мама»[88].

Общением с Виландом, умершим в 1813 г., и тем более с Шиллером, умершим в 1805 г., Марии Павловне пришлось наслаждаться относительно недолго. Но памяти их она оставалась верна всегда — и сразу после их кончины, и впоследствии. В этом смысле для представления о Марии Павловне тех лет характерно ее письмо, которое она написала вдове Шиллера 12 мая 1805 г., узнав о печальном событии и тут же предложив взять на себя воспитание ее детей: «Сударыня! Я подходила вчера к Вашему дому, но не хотела входить, понимая, насколько мое присутствие было бы для Вас стеснительно: но, Сударыня, разрешите мне по крайней мере выразить Вам то горячее участие, которое я принимаю в утрате, постигшей нас всех, и воспользоваться одновременно этим моментом не для того, чтобы говорить Вам об утешении — в Вашем состоянии оно невозможно и Вы его не примете, — но чтобы поговорить с Вами

---

[88] Письмо от 8 марта 1810 г. (ThHStAW HA A XXV. R 157. Bl. 43, 43`, 44).

о тех, к кому в эти минуты относится вся Ваша нежность. Ваши дети с Вами, сударыня, и более чем когда-либо они нуждаются в Вас: окажете ли Вы мне честь иметь преимущественное право выполнить в их отношении все Ваши намерения? Я была бы счастлива, если бы Вы передали мне заботу о столь ценном сокровище, что позволило бы мне доказать те искренние чувства, которые я испытываю к Вам и которые я вечно буду испытывать к Вашему супругу. Простите, сударыня, бестактность, которую я допускаю, говоря Вам об этом; но моему сердцу слишком важно знать, что Вы выберете меня как человека, в котором впоследствии всегда сможете быть уверены, чтобы я откладывала на будущее выражение своего пожелания. Мария»[89].

О письме, которое Мария Павловна тут же написала матери с сообщением о смерти Шиллера, выразительно писал впоследствии писатель Иоганн Готфрид Зойме в книге «Мое лето 1805 г.»: «Великая княгиня Мария Веймарская сообщила тут же о смерти со всеми подробностями и с глубоким чувством прекрасной души своей матери в Петербург; и никогда еще ни один национальный поэт не был так единодушно оплакан, как Шиллер на Неве»[90].

Иное дело Гете, общение и дружба с которым продлились более 25 лет, придясь и на пору политических катаклизмов, и личного и культурного взросления Марии Павловны и даже на первые годы ее вместе с мужем Карлом Фридрихом самостоятельного правления (с 1828 г.). Для Марии Павловны общение это было хоть и не таким гармоничным и беспроблемным, как с Виландом и Шиллером, но зато давшим необозримо

[89] Письмо от 12 мая 1805 г. Цит. по: *Preller L.* Ein fürstliches Leben. 1859. S. 69.

[90] *Seume J.G.* Mein Sommer 1805. Leipzig, 1806. S. 58.

много для нее и в плане становления личности, культурного роста, и даже политического возмужания. Гете, в особенности в первые годы пребывания Марии Павловны в Веймаре, поддерживает ее в ее стремлении вжиться в веймарскую культурную жизнь, консультирует в вопросах искусства и науки, делая притом «ставку» на практическом направлении ее деятельности (praktische Richtung).

Уже самые первые посещения Марией Павловной Гете и встречи с ним сопровождаются демонстрацией произведений искусства. «...в особенности я была поражена и очарована рисунками Карстенса, — сообщает она тут же Марии Федоровне. — <...> Какое богатство идей и восхитительная композиция. Я очень обязана господину Гете, который показал мне его рисунки, и в особенности за то, как он мне их показывал. Он объясняет с поразительной простотой и эрудицией, которая ему, так сказать, свойственна; он очень приглашал меня к себе посмотреть различные коллекции и другие вещи, я с удовольствием пойду к нему в конце этой недели»[91].

С этого времени она действительно начинает наносить ему утренние визиты[92] — формула «comme d'usage le mercredi chez Göthe» («как всегда в среду у Гете») все чаще и чаще встречается в ее письмах. Во время одного из них Гете показывает ей гипсовый слепок со знаменитой статуи Минервы Веллетри, купленный им в Риме: с описания статуи Минервы собственно и открывается первый юношеский дневник Марии Павловны, который она начинает вести в Веймаре, и где с поразительной тщательностью фик-

[91] Письмо от 14 /26 ноября 1804 г. (ThHStAW HA A XXV. R 153. Bl. 145).

[92] См.: Goethe. Begegnungen und Gespräche. Bd. V. S. 534.

сирует все события культурной жизни и художественные впечатления тех лет[93].

Демонстрацию произведений искусства Гете нередко сопровождает также чтением своих — и не только своих — произведений. К тому же, по сложившейся традиции по четвергам он читает у себя дома лекции, на которые приглашает узкий круг близких к себе лиц. И с 1805 г. Мария Павловна достаточно регулярно начинает посещать лекции, рассматривая свое в них участие как принадлежность «к кругу избранных»[94]. Гете же ей показывает местную библиотеку (известную теперь как библиотека Анны-Амалии), славящуюся своими книжными, рукописными и иными художественными собраниями[95]. В эти годы Гете в прямом смысле слова образовывал Марию Павловну: «Вы можете мне поверить, маменька, как это интересно, когда он дает волю своему разговору, что случается не всегда. <...> Слушая его, образуешься, потому что он страшно учен, и то, что он говорит, словно вытекает из самого источника. Клянусь Вам, маменька, каждый раз, когда я слушаю его размышления, я думаю о Вас, и я говорю себе, что конечно же моя добрая маменька с большим удовольствием бы его послушала»[96].

Впрочем, обоюдное общение давалось не просто не только Марии Павловне, но и самому Гете. Так, и

---

[93] Maria Pavlovna. Die frühen Tagebücher der Erbherzogin von Sachsen-Weimar-Eisenach. На русском языке дневник частично опубликован: *Мария Павловна, великая княгиня.* Разные примечательные вещи, которые я видела или слышала / Публ., пер. и примеч. Е.Е. Дмитриевой // НЛО. 1997. № 23. С. 186–212.

[94] Briefe an Goethe. Bd. 4. Nr. 1755.

[95] Goethe. Begegnungen und Gespräche. Bd. V. S. 653.

[96] Письмо от 14/26 января 1805 г. (ThHStAW HA A XXV. R 153. Bl. 200).

г-жа фон Штейн свидетельствовала: «Гете, кажется, чувствует себя скованным с его Императорским Высочеством. Она спрашивала его о законах времени и места в его пьесах. Он явно не слишком их придерживался: я стояла рядом с ним, он отвечал невнятно. Мне кажется, он неохотно говорит по-французски»[97].

И все же его первоначальный скепсис, связанный с шумихой вокруг прибытия Марии Павловны осенью 1804 г. в Веймар, заставивший его тогда отказаться и от порученного ему поэтического приветствия, сменился довольно скоро искренней симпатией, хотя и не без доли иронии, а, возможно, и самоиронии: «Приезжайте к нам, Вы увидите у нас много нового, — писал он уже в 1805 г. А. Вольфу. — Самое прекрасное и значительное — наследная принцесса, ради одного знакомства с которой уже стоило бы совершить далекое паломничество»[98].

Так что, хоть и отказавшись в 1804 г. от поэтического дифирамба Марии Павловне, он в последующие годы посвящает ей, тем не менее, не одно стихотворение: «Эпилог к шиллерову "Колоколу"»; «Пролог к открытию Веймарского театра 19 сентября 1807 г., после счастливого воссоединения герцогской семьи»; сонет «Ее императорскому высочеству госпоже наследной герцогине Саксен-Веймар-Ейзенах»; «Достопочтенному женскому обществу».

Последним посвященным ей сочинением была инсценировка карнавала 1819 г., устроенного в честь приезда в Веймар вдовствующей императрицы Марии Федоровны, к работе над которой он отнесся очень серьезно, трудился над ней «шесть недель беспрерывно», хотя затем и написал Кнебелю, что от-

---

[97] Письмо г-жи фон Штейн Альбертине фон Зеебах от 16 января 1805 г. (Goethe. Begegnungen und Gespräche. Bd. V. S. 542).

[98] Zum 24. Juni 1898. Goethe und Maria Pawlowna. S. 138.

ныне «намерен расстаться с такими тщеславными делами навсегда». Впоследствии же однако использовал отдельные фрагменты и мотивы инсценировки во второй части «Фауста».

Вообще же универсализм Гете этих лет, его погруженность в поэзию и искусства, сочетавшаяся с занятиями естественными науками, геологией, ботаникой, медициной, физиологией, нашли, как оказалось, глубокий и живой отклик в очень восприимчивой и любознательной натуре Марии Павловны, которая отчасти под руководством, а отчасти под влиянием Гете усиленно занимается в первые свои веймарские годы самообразованием: прослушивает курс истории искусства у знаменитого профессора Мейера, автора известного труда «Об искусстве и древностях» (1832)[99], с помощью профессора Римера занимается изучением античной литературы, посещает лекции по френологии Галя (что для того времени казалось, особенно для женщины, почти вызывом, тем более, что лекции имели дурную репутацию «материалистических»), подробнейшим образом конспектирует учение Гете о цвете, которое он излагает в своих домашних лекциях в 1805–1806 гг.[100]

И если в 1805 г. она не без доли иронии пишет Марии Федоровне об очередном посещении Гете и его якобы естественнонаучном интересе к ее фамильным драгоценностям («кабинет естественной истории стал основным сюжетом нашей беседы; он (Гете. — *Е.Д.*)

---

[99] Издание это, в основе которого лежали прочитанные Мейером в Веймаре и Йене лекции, было посвящено Марии Павловне. Она же его и финансировала.

[100] См. подробнее: *Дмитриева Е.Е.* Мудрец и принцесса: еще раз о «новом» и «старом» веймарских архивов; Maria Pavlovna. Die frühen Tagebücher der Erbherzogin von Sachsen-Weimar-Eisenach. S. 43–61.

попросил меня также показать мои бриллианты, он утверждает, что хочет их увидеть в своем качестве поклонника природы»[101]), то вскоре занятия минералогией займут очень большое место в ее собственной деятельности, и впоследствии коллекция минералов Иенского университета будет субсидироваться из личных средств Марии Павловны и параллельно обогащаться за счет ее собственного минералогического собрания.

Так что в 1810 г. Шарлотта Шиллер имела уже все основания написать своей подруге Каролине-Луизе Мекленбург-Шверинской: «Мастер (Гете) весьма галантен и дружелюбен, и я радуюсь, что Великая Княгиня много с ним общается. Она сейчас еще находит удовольствие в разговорах об искусстве и истории, и мы были свидетелями здесь нескольких истинно прекрасных вечеров»[102].

Возможно, что «пик» их взаимоотношений пришелся на 1813 г., когда оба встретились в Теплице — но словно по разную сторону барьеров. Гете сопровождал тогда Карла Августа, Мария Павловна находилась при брате Александре (*см. ниже*), и никогда еще Гете, как записывает Мария Павловна в своем дневнике 1813 г., не казался ей «таким склонным к смеху и таким милым в отношениях с ней»; впервые, кажется, он снисходил до разговора о политике: «он даже говорил мне о современном положении, он сообщил мне о своих опасениях <...>. Он устраивал для меня интересные чтения, например, третьего тома свой биографии; он говорил о социальных условностях, об их несочетаемости с естественными наклонностями человеческого сердца <...> много интересного и истинного было в его разговоре»[103].

---

[101] Письмо Марии Федоровне от 28 апреля 1805 г. (ThHStAW HA A XXV. R 153).

[102] Цит. по: Zum 24. Juni 1898. Goethe und Maria Pawlowna. S. 61.

[103] Maria Pavlovna. Die frühen Tagebücher der Erbherzogin von Sachsen-Weimar-Eisenach. S. 91.

В дальнейшем Гете и Мария Павловна действительно ведут себя как единомышленники. Так, еще в 1813 г. Гете помогает ей устроить выставку, посвященную «Paulinzelle» — для любителей средневекового искусства и, по поручению Марии Павловны, пишет Promemoria. В 1817 г. он знакомит ее с основами кантианской философии, составляя конспект основных понятий, встречающихся у Канта[104].

Мария Павловна пишет в это время Гете: «Ценность мудрости только увеличивается, когда ее путеводителем становится дружелюбие, не говоря уже о ясности, когда она облагорожена воззрением высокого ума»[105]. В 1820-е гг. Гете помогает Марии Павловне в воспитании дочерей (одна из которых — Августа — станет затем прусской королевой и германской императрицей). Но и Мария Павловна помогает ему, со своей стороны, и финансово, но также и своей деятельностью, в создании и развитии зоологического, ботанического, минералогического, анатомического, нумизматического кабинетов в Йенском университете, закупая, например, восточные монеты, выписывая астрономические инструменты и минералы, в том числе и из Петербурга. Также и веймарская библиотека — еще одно из детищ Гете — оказывается обязанной своим значительным пополнением в эти годы деятельности Марии Павловны[106].

Еженедельные встречи с Гете либо у него дома, либо при дворе стали для Марии Павловны настолько привычными, что когда в 1824 г. его здоровье переста-

---

[104] Письмо Гете Марии Павловне от 31 дек. / 2 янв. 1816/1817 гг. (Goethes Briefe. HA. Bd. 3. Hamburg, 1965. S. 384–386).

[105] Письмо от 3 января 1817 г. (цит. по: Zum 24. Juni 1898. Goethe und Maria Pawlowna. S. 61).

[106] См.: *Klein Viola.* Maria Pawlowna und die Bücher (1828–1848) // «Ihre Kaiserliche Hoheit». Maria Pawlowna, Zarentochter am Weimarer Hof. Katalog. S. 245–255.

ло позволять видеться им столь же часто, сколь прежде, Мария Павловна писала: «Будьте уверены, что наследный герцог, так же как и я, потеряли очень много за то время, когда нам пришлось оставить милую привычку навещать Вас каждую неделю. Он, конечно же, сам Вам о том уже поведал, я же ожидаю только разрешения врача, чтобы оказаться снова у Вас, не повредив при том Вашему здоровью»[107].

И когда, уже в последние годы, Гете совсем перестал появляться при дворе, Мария Павловна сама непременно раз в неделю наносила ему часовой визит, который Гете, если верить Эккерману, воспринимал «как великое благо». И опять же по свидетельству Эккермана, в 1828 г. Гете сказал о Марии Павловне: «Я знаю великую герцогиню с 1805 года и имел множество случаев изумляться ее уму и характеру. Это одна из самых лучших и выдающихся женщин нашего времени, и она была бы таковой, если бы и не была государыней»[108].

С этим в общем-то рифмуется и свидетельство 1850-х годов Фарнгагена фон Энзе «До сих пор Веймар находится под благословением обаяния и глубины, которым мы обязаны существованию и деятельности этой замечательной женщины, о который Гете однажды мне написал со всей искренностью, что она сумела бы возвыситься над любым сословием, и даже принадлежа к высшему, вызывает особое восхищение»[109].

Когда Гете умер в 1832 г., многим казалось, что для Веймара наступила другая эпоха. Такова была во многом и позиция мужа Марии Павловны, с 1828 г.

---

[107] Письмо от 1 января 1824 г. (цит. по: Zum 24. Juni 1898. Goethe und Maria Pawlowna. S. 68).

[108] Запись от 23 октября 1828 г. — *Эккерман И.П.* Разговоры с Гете. М., 1981. С. 587.

[109] *Tron Karl.* Goethe und Maria Pavlovna.

великого герцога Карла Фридриха, считавшего, что золотые времена Веймара пришли к концу, и потому, как говорили современники, более занимавшегося коллекционированием старых реликвий, чем добыванием новых. Что касается самой Марии Павловны, то хотя и потрясенная смертью того, кто на протяжении стольких лет был главным ее советником во всех делах, она изо всех сил старалась сделать так, чтобы сохранить роль Веймара как культурного центра, продолжив традицию, заданную «бабушкой» герцогиней Анной Амалией и так блистательно поддержанную ее свекром герцогом Карлом Августом.

Литературно, разумеется, Веймар уже не мог претендовать на сохранение былой славы. Даже приглашенный много позже, в 1854 г. Карлом Александром ко двору известный поэт того времени Генрих фон Фаллерслебен, которому было поручено создать Академию немецкой истории и литературы по образцу существовавшего в Веймаре в XVII в. «Плодоносного общества» и тем самым продолжить традицию двора Муз, все же не был ни Виландом, ни Гете. Но Марии Павловне удалось другое, что соответствовало полностью уже упомянутой выше ее страсти и способности к музыке. В 1841 г. ей удалось завоевать для Веймара Ференца Листа, который на долгие годы становится здесь экстраординарным (сверхштатным) придворным капельмейстером.

При этом, не желая «мумифицировать» Веймар, Мария Павловна вместе с тем всеми силами старалась увековечить память великих его обитателей, под знаком которых прошла ее юность и молодость. Так, сразу же после смерти Гете она подхватила инициативу Фарнгагена фон Энзе создать в Веймаре фонд Гете «для сохранения наследия и создания новых ценностей». Правда, именно эта инициатива на протяжении многих лет и даже десятилетий, несмот-

ря на многочисленные старания и — в дальнейшем — поддержку Листа, также мечтавшего о создании фонда Гете, при ее жизни терпит крах (в частности, из-за движения «молодой Германии», поставившего под вопрос значение Гете для немецкой культуры[110]). Но Мария Павловна сама, на свои средства, создает музей великих людей, способствовавших славе Веймара. Когда в 1835 г. в Веймаре начинается строительство бокового (западного) флигеля герцогского дворца (архитекторы Кудре и Шорн), который в архитектурном и живописном отношении должен был выразить столь дорогую для нее символическую идею связи классики и современности, она решает расположить в этой новой пристройке так называемые «Залы поэтов» («Dichtersäle»). Каждый из четырех дворцовых покоев посвящается соответственно Виланду, Гердеру, Шиллеру и Гете, в каждом из мемориальных залов устанавливается бюст поэта[111], а на стенах во фресках увековечиваются сцены из их произведений. На лестнице, ведущей в комнаты, также устанавливаются бюсты знаменитых людей, способствовавших славе Веймара еще до наступления классической эпохи: Лукаса Кранаха, Баха, Гуммеля. К мемориальным помещениям Мария Павловна пристраивает зал для приемов, символично

---

[110] См.: *Jena Detlef.* Maria Pawlowna. Großherzogin an Weimars Musenhof. Graz; Wien; Koeln, 1999. S. 269.

[111] Собственно, первый памятник Гете Мария Павловна поставила еще при его жизни в иенском садике Грисбах, где Гете часто занимался с ее дочерьми ботаникой. Как пишет А.И. Тургенев, «здесь поставила великая княгиня памятник Гете еще при жизни <...>. Кто–то сочинил для памятника три надписи, или сентенции, над коими великая княгиня сама слегка смеялась; но несмотря на них, мысль памятника понравилась Гете, хотя все одобрение его состояло в тихом восклицании “ого”» (*Тургенев А.* Хроника русского. М.: Наука, 1975. С. 217).

распорядившись обтянуть его стены пунцовым бархатом, оставшимся от ее приданого[112].

С 1836 г. в Веймаре восстанавливается также и традиция научных вечеров, так называемых «Вечеров Марии Павловны» или «Веймарских кружков». Строго говоря, эту традицию Мария Павловна восстановила сразу же после того, как стала великой герцогиней, в 1828 г. — в продолжение традиции, заданной, как мы уже видели, Гете. Но теперь уже лекции читали в основном иенские профессора и носили эти лекции большей частью популярный характер. Вечера проходили каждую первую пятницу месяца (а иногда и два раза в месяц) — в Бельведере или в библиотеке, сопровождаясь одним и тем же ритуалом: чай, доклад, небольшой ужин, после которого садились небольшими группами и обсуждали услышанное, причем каждый мог (и должен был) выразить при этом свое мнение. В уставе, который был написан еще в 1791 г., при участии Гете, говорилось, что тексты для лекций могут быть представлены из переписки, из сферы науки, художеств, это могут быть стихи и рассказы, допускалась также демонстрация физических и химических опытов. Каждый член в свою очередь должен был председатель-

[112] Ср. в описании приданого Марии Павловны раздел, относящийся к отрезам бархата, который она привезла из России в Веймар (цифры обозначают количество метров): «31 голубого одноцветного; 22 пунцового тож; 25 белого с атласными фиолетовыми полосками; 18½ розового с золотыми полосками; 29 ---- с атласными такого же цвета полосками; 14¾ белого с серебряными полосками; 25½ ----- с золотыми полосками; 13½ пурпурного с золотыми полосками; 15 голубого с серебряными полосками; 17½ светло розового с золотистыми полосками; 16 синего с золотыми морскими» (Дело о браке великих княжен Марии, Екатерины и Анны Павловен // РГАДА. Ф. 2. Ед. хр. 135. Л. 107).

ствовать. Авторы получали свои рукописи после доклада «для доработки»[113].

Следуя примеру Анны Амалии и Гете, сама принимавшая в юности участие в обсуждении докладов Гете, Мейера, Римера, теперь уже Мария Павловна забирала рукописи докладов (и по сей день, благодаря ее педантизму хранящихся в Государственном Тюрингском архиве), перечитывала их, оставляла заметки. Но и своих придворных дам она заставляла конспектировать лекции, чтобы тем самым «углублять познания», — потом она эти познания сама и проверяла.

Переломным же моментом в традиции литературных вечеров «постклассического» периода стал 1836 г., когда в Йене прошел конгресс ведущих немецких врачей и естествоиспытателей. Корифеи нанесли визит в Веймар великогерцогской паре. Во время прогулки по Бельведеру Мария Павловна общалась с гостями и была поражена их разговорами. «Почти все было для меня здесь новым, от нас скрывают все эти открытия с опасением, словно они могут нанести вред, а мне все же кажется, что будущее человечества зависит именно от них»[114]. Некоторых из выступавших она пригласила затем прочитать доклады у себя в Веймаре, а Александра фон Гумбольдта особо задержала в Бельведере на несколько дней, чтобы он смог ответить ей на «многочисленные интересовавшие» ее вопросы.

Благодаря конгрессу литературные вечера, которые до того были нередко скучными, получили оживление, и даже цель, став на долгие годы составной частью жизни Веймарского двора, обеспечивая

---

[113] См.: *Kretschman L. von.* Die literarischen Abende der Großherzogin M.P. Berlin, 1893.

[114] См.: *Jena Detlef.* Maria Pawlowna. S. 276.

вместе с тем связь Веймара и Йенского университета, установившуюся еще при Гете. И, как вспоминала уже впоследствии одна из участниц вечеров Адельгейд фон Шорн, «лекции ученых, профессоров образовывали лучше, чем то могли сделать толстые книги. <…> При этом приучились записывать вновь приобретенные знания <…>… Импульсы к этой духовной жизни исходили от Марии Павловны; она знала, что в этом заложено величие Веймара, в этом же духе она воспитывала и своих детей и поднимала нас в атмосферу, которая далеко отстояла от всего мелочного»[115].

В самой идее сделать современные знания общедоступными, в поистине энциклопедическом интересе к самым различным областям знания, конечно же, ощущалась «рука» Гете. И, конечно же, Марии Павловне хотелось воскресить тем самым атмосферу своей юности — атмосферу гетевских четвергов, лекций, которые он читал для круга «избранных», — избранных не в придворном смысле — но духовном. Однако времена уже были не те. И придворные дамы, которых тщетно Мария Павловна заставляла конспектировать, а потом еще и разбирать лекции, мало что в них понимали, и еще менее интересовались. Среди них уже не было ни Шарлотты фон Штейн, ни Луизы фон Гехгаузен, а приведенный выше отзыв писательницы Адельгейд фон Шорн был скорее счастливым исключением, чем правилом. Многие тогда исподволь смеялись над Марией Павловной. Но сама попытка воскрешения традиции лекций-вечеров, если и была чуть печальной, то никак уж не была смешной. В ней была поразительная

---

[115] *Schorn Adelheid von.* Das nachklassische Weimar unter der Regierungszeit Karl Friedrichs und Maria Paulownas. Weimar, 1911.

верность тому, чему она еще почти девочкой научилась у «трех капитальных голов» Веймара — Виланда, Шиллера, Гете.

* * *

Между двух фронтов

В те времена царских дочерей выдавали замуж по расчету, и сватали их тоже по расчету, большей частью политическому. Однако, парадоксальным образом, в расчет этот входила — во всяком случае, именно так было заведено в семье Павла и Марии Федоровны — и взаимная склонность молодых людей.

Брачные переговоры по поводу Марии Павловны начались еще при жизни Павла, в 1799 г., когда брат Марии Федоровны, герцог Александр Вюртембергский, сам же «надоумивший» Веймарского герцога Карла Августа посватать одну из царских дочерей, сообщил об этом Павлу в Петербург[116]. А три месяца спустя уже сам Карл Август послал Павлу официальное письмо, признаваясь, что позволил себе обратиться к Павлу и высказать ему свое «дерзкое желание породниться с русским императорским домом» только вдохновленный примером герцога Мекленбург-Шверинского, имевшего счастье получить в жены другую дочь императора Великую Княжну Елену Павловну[117]. Брачные переговоры Карл Август поручил вести своему посланнику, уже упомянутому выше шурину Шиллера, тайному советнику барону Вильгельму фон Вольцогену.

---

[116] Письмо от 2 января 1799 г. (см.: Дело о браке великих княжен Марии, Екатерины и Анны Павловен // РГАДА. Ф. 2. (Дела собственно до лиц императорской фамилии относящиеся). Ед. хр. 135. Л. 5).

[117] Письмо от 18 марта 1799 г. (Там же. Л. 6).

Павел на письмо ответил принципиальным согласием, отнеся однако день свадьбы, по причине совсем юного возраста принцессы (ей было тогда 13 лет), на некое неопределенное будущее, но поставив при том следующее условие: «...я хочу, чтобы принц между тем совершил сюда путешествие и пожил здесь некоторое время, чтобы лично познакомиться с моей Дочерью и завоевать таким образом ее согласие и руку, которой она располагает по своему усмотрению. В ожидании их счастливого союза, мы будем взаимно заботиться о том, чтобы развивать их разум и завершить воспитание, результат которого обеспечит счастье и окажет воздействие на всю их последующую жизнь»[118].

В результате переписки венценосные родители договорились, что юный наследный герцог приедет в Петербург через два года, чтобы «предстать перед троном»[119]. В дальнейшем герцогская пара продолжает обмениваться письмами с императорской четой (соответственно между собой переписываются Павел и Карл Август, с одной стороны, и Мария Федоровна и герцогиня Луиза, с другой) в основном на предмет известий об успехах «детей». Так, однажды герцогиня Луиза обращается к императрице еще и с вопросом, вызовет ли одобрение русского императора пребывание его будущего зятя в Лондоне, Вене и Берлине, призванное завершить его светское и гражданское воспитание, приобщить его к гражданскому делопроизводству и навыкам светской жизни[120]. На что Мария Федоровна ответила, описав при этом, со своей стороны, занятия, характер и весь нравственный облик их будущей невестки, что император не желал бы видеть Карла Фридриха в Берлине при

---

118 Письмо от 10 мая 1799 г. (Там же. Л. 8).
119 Письмо от 1 июля 1799 г. (Там же. Л. 14).
120 Письмо от 15 июля 1799 г. (Там же. Л. 16).

прусском дворе, принципы которого и «весь образ мышления диаметрально противоположны русским», и где все носит печать «легкомысленного французского влияния». В этом смысле они предпочитают, чтобы образование наследного герцога было завершено в Веймаре (против короткого путешествия в Вену и Англию Павел и Мария Федоровна не возражали)[121].

В соответствии с договоренностью, два года спустя в июле 1801 г. в Петербург вновь прибыл барон фон Вольцоген — для разработки брачного контракта. Это было уже после смерти Павла, потому все документы подписывал Александр. Сам наследный герцог Саксен-Веймарский Карл Фридрих приехал в Петербург еще два года спустя — 22 июля 1803 г., чтобы провести в России год, как об этом было договорено еще с Павлом.

И все же, несмотря на все проведенные переговоры и уже составленный к сентябрю 1803 г. брачный контракт, окончательное решение все равно оставалось за Марией Павловной. Так, когда С.И. Муханов, обер-шталмейстер Марии Федоровны, относившийся к числу тех, кто не одобрял предстоящий брак, в беседе с императрицей осмелился спросить: «Неужели вы отдадите за него нашу великую княжну?», Мария Федоровна ответила: «Конечно, не без ее согласия»[122].

Справедливость подобного воспоминания подтверждает и характерная записка Марии Федоровны к великой княжне Марии Павловне, относящаяся ко времени пребывания Карла Фридриха в Петербурге: «Дорогие дети: Мама вам отвечает, что если принц Карл хочет ограничиться тем, чтобы сообщить о своих чувствах к моей маленькой Мари и об обетах,

---

[121] Письмо от 27 июля 1799 г. (Там же. Л. 17).

[122] *Муханова М.С.* Из записок Марии Сергеевны Мухановой, фрейлины высочайшего двора. М., 1878. С. 46.

которые он хочет дать, я могу их выслушать, чтобы передать потом моей дочери, не позволяя при этом заранее предвосхищать ее ответ: это, я думаю, мои дорогие дети, и называется действовать так, как я должна действовать, до тех пор, пока не получу прямых указаний от моей дочери. Доброго вечера и доброго вам дня, дорогие дети»[123].

И действительно, окончательное решение вопроса о предстоящем браке принято было по добровольному согласию Марии Павловны. Как описывала дочь все того же С.И. Муханова, присутствовавшего при решительном объяснении молодых людей, которое происходило в Павловске, в Елизаветинском (Краснодолинном) павильоне: «отец увидел, что принц, сходя с лестницы, целовал руку Марии Павловны. Тут сердце ему сказало, что судьба милой великой княжны решена. А вечером он получил записку от императрицы, написанную на небольшом листочке: "Благословите нас, батюшка, мы просватали великую княжну за принца Веймарского"»[124].

Торжественное их обручение состоялось 18 января 1804 г., весну и начало лета жених с невестой провели с императрицей-матерью в Павловске, бракосочетание, приуроченное ко дню ангела Марии (матери и дочери), состоялось 22 июля, отъезд же из Петербурга был назначен на 2 сентября.

Собственно, вся последующая жизнь Марии Павловны, несмотря ни на какие бури, и личные, и политические, не дала сомневаться в том, что брак этот

---

[123] Две записочки Императрицы Марии Федоровны к Вел. Княжне Марии Павловне по случаю предстоящего бракосочетания Ея высочества с Принцем Карлом Саксен-Веймарским // ГАРФ. Коллекция документов Рукописного отделения библиотеки Зимнего дворца. Ф. 728. Оп. 1. Ед. хр. 608. Л. 1.

[124] *Муханова М.С.* Из записок. С. 46–47.

был по любви и по взаимной склонности, а не по политическому расчету.

В первый год своей веймарской жизни она не без смущения и с детской непосредственностью признается в письме к матери, что посмотрев утром на отправлявшегося на охоту мужа в охотничьем костюме, она не удержалась и с гордостью подумала, какой же он все-таки красавец («un beau garçon»). И как потом ей стало стыдно своих мыслей[125]. Но и на следующий год, уже многое пережив, в том числе и смерть своего первенца, Мария Павловна пишет: «Я настолько счастлива, насколько это возможно. Не правда ли, мама, что это хорошее вступление? По крайней мере, оно истинное. Я не могу себе представить более спокойной семейной жизни, но я также не знаю кого-либо, кто бы обладал характером, подобным принцу; он само постоянство и сама доброта: мы женаты вот уже почти два года, а он все такой же в отношении меня. К нему пришла такая охота к занятиям, что я надеюсь, что через несколько лет он сможет действенно помогать своему Отцу. <...> Возвращаясь к моей семейной жизни: мое счастье было совершенным, пока мой ребенок был жив, но воспоминание о нем омрачает все мои радости, оно преследует меня повсюду. <...> мое горе, когда я покидала вас в прошлом году, боль, которую я испытывала, попав в места, столь чуждые всему, что я знала, беспокойства бурных дней прошлой зимы, страшная потеря, которую я пережила 2 месяца назад, все это были страшные, страшные испытания; но я выдержала, я не могу сказать, что я раздавлена, наоборот, у меня такое чувство, что мне хочется противостоять всем этим ударам»[126].

---

[125] ThHStAW HA A XXV. R 153.

[126] Письмо от 31 мая/12 июня 1806 г. (ThHStAW HA A XXV. R 153. Bl. 100).

И даже Мария Федоровна, которая, судя по всему, впоследствии была не слишком высокого мнения о своем зяте, все же никогда не подвергала сомнению искренности их отношений с дочерью. Так, обсуждая проект брака своей младшей дочери Екатерины, «нашей Катюши», она пишет 25 мая 1807 г. Александру: «Мое сердце желает только одного ее счастия <...> Чтобы мои дочери были счастливы, надо только, чтобы их супруги имели сердечные качества. Можно ли быть более ничтожным, более лишенным здравого смысла и способностей, говоря между нами, чем принц Веймарский? Но у него доброе сердце, и Мария счастлива с ним и нежно любит его»[127].

И тем не менее, несмотря на такой, казалось бы, идеальный вариант брака («она почитается в Германии, сей земле счастливых браков, примерною супругою», — писал о ней А.И. Михайловский-Данилевский[128]), именно когда в 1807 г. в императорской семье встает вопрос о том, чтобы выдать ее младшую сестру Екатерину Павловну за немецкого принца, Мария Павловна всеми силами отговаривает от этой идеи мать, утверждая, что если «война разгорится с новой силой», Катерина будет «столь же несчастной», как и она сама. «Ужасно, — пишет она, — быть вынужденной выбирать между старой и новой родиной»[129].

Одна эта фраза уже свидетельствует о том, каким внутренним конфликтам была подвержена Мария Павловна в эпоху наполеоновских войн. И действительно, менявшееся соотношение сил, возникавшее

---

[127] Письма императрицы Марии Федоровны к императору Александру I /1806–1807/ Сообщено в.кн. Николаем Михайловичем // Русский архив. 1911. Т. I (1). С. 169.

[128] *Михайловский-Данилевский А.И.* Мемуары. С. 93.

[129] Письмо к Марии Федоровне от 4/16 октября 1807 г. (ThHStAW HA A XXV. R 155). См. также: *Dmitrieva K., Klein V.* Im Athen Deutschlands. S. 19.

из дипломатических и военных столкновений Наполеона с другими государствами Европы, ставило ее и в переносном, и в самом прямом смысле, между двух фронтов. Ей постоянно приходилось выполнять самые противоречивые роли: супруги, будущей герцогини Саксен-Веймарской, послушной сестры русского царя, противницы Наполеона, наконец, русской патриотки (в переписке ее этого времени слова «Patriot russe» встречаются постоянно).

Вспомним события тех лет, всколыхнувшие Европу, но прошедшие также и по судьбе русской принцессы, волею судеб оказавшейся в одном из немецких герцогств.

В результате поражения австро-русских войск под Аустерлицем 2 декабря 1805 г. распадается коалиция 3 стран. Через полгода, 12 июля 1806 г., в Париже подписан договор о создании Рейнского союза, объединившего под властью Наполеона около 30 немецких государств, куда, однако, не входит ни Пруссия, ни союзное ей герцогство Саксен-Веймар-Эйзенах.

В октябре 1806 г. французская армия вторгается в Саксонию. Главные силы союзников сосредоточены около Йены (город, находящийся в непосредственной близости от Веймара). В битве под Йеной происходит разгром Пруссии — остатки ее армии через Веймар бегут к Берлину, который уже обречен. Преследуя пруссаков, французы после сражения вступают в Веймар, где в это время остается одна герцогиня Луиза, которая и встречает прибывшего в город 15 октября Наполеона (Карл Август, как многие немецкие герцоги того времени, еще в 1787 г. поступивший на военную службу к королю Пруссии[130], сражался соответственно на ее стороне).

---

[130] В войне 1792 г. Австрии и Пруссии против революционной Франции за восстановление королевской власти Карл

Наполеон пощадил Веймар, но все же вынудил герцогство присоединиться к Рейнскому союзу, что сделало Карла Августа формальным врагом Александра, а герцогство Саксен-Веймар — противником России.

И все же, еще до поражения в битве при Йене, главную сложность для Веймара представляли даже не отношения с Францией, но исключительно сложный узел русско-прусских и прусско-веймарских отношений. С одной стороны, — политика нейтралитета, которую проводил Фридрих Вильгельм III после сепаратного мира в Базеле, вызывавшая недовольство Петербурга, где хотели заполучить Пруссию в антинаполеоновскую коалицию[131]. С другой стороны, — во многом связанная и с разделами Польши, попытка с прусской стороны, поддержанная также Карлом Августом (с сентября 1804 г. генерал-лейтенантом на русской службе, зачисленным в свиту Александра), сблизиться с Россией, усилившаяся под влиянием дружбы, возникшей между Александром I и прусской королевской четой. Говорили о «рыцарственном отношении» Александра I к прусской королеве Луизе, славившейся своей красотой[132], а Мария

Август командовал полком в армии герцога Брауншвейгского (знаменитая битва при Вальми, которую описал Гете).

[131] См.: *Schulze Wessel M.* Rußlands Blick auf Preußen. Stuttgart, 1995. S. 95.

[132] Это была та самая королева Луиза, мраморное изображение которой работы И.Г. Шадова Новалис рекомендовал однажды в качестве «алтаря нравственной грации» (см.: *Шульц Г.* Новалис, сам свидетельствующий о себе и о своей жизни. Урал, 1998. С. 63). В архиве Александра I хранится локон королевы Луизы (см.: ГАРФ. Коллекция документов Рукописного отделения библиотеки Зимнего дворца. Ф. 728. Оп. 1. Т. 1. Д. 814).

Федоровна и вовсе упрекала сына в «слабости» в отношении Пруссии[133].

Но одновременно между Пруссией и герцогством Саксен-Веймар-Эйзенах, издавна связанными союзническими отношениями, все более заострялся конфликт: Пруссия обязывала Веймар содержать и кормить войска, квартировавшие на территории герцогства, что для герцогства казалось тогда почти непосильной задачей. Этот начинающийся конфликт стал причиной первой поездки Марии Павловны с Карлом Фридрихом в Берлин в январе 1806 г., хотя официальным поводом была ее встреча с братом Константином в Берлине. Карл Август, пославший Марию Павловну сопровождать мужа в Берлин, надеялся, что ее присутствие придаст больший вес жалобам Карла Фридриха прусскому королю и уменьшит отягощение Веймара прусскими войсками. При этом характерно, что прежде, чем отправить молодую пару в Берлин, Карл Август спрашивает у Марии Федоровны разрешения использовать ее дочь в дипломатических целях, и одновременно просит у нее за это прощения[134].

Несколько месяцев спустя прусский план северного альянса, вызвавший опасения того, что Пруссия претендует на гегемонию, вынуждает Карла Августа в августе 1806 г. разработать противоположный план Конфедерации саксонских государств. И поскольку эта новая конфедерация, возглавляемая Саксонией, согласно пожеланию курфюрста Саксонского и герцога Саксен-Веймарского, должна была находиться под покровительством России, то и здесь Мария Павловна

---

[133] Письма императрицы Марии Федоровны к императору Александру. С. 145.

[134] Письмо от 28 декабря 1805 г. (ThHStAW HA A XXV. R 154. Bl. 6–7).

вынуждена выступить как посредница: она информирует Александра о замыслах Карла Августа и просит его о поддержке, пересылает ему и матери «Заметки» Карла Августа по поводу конфедерации. Сама же она жалуется матери, что не имеет «никакого понятия о политике» и чувствует себя в этой роли «смешной и нелепой», но что у нее нет выбора в момент, когда единственный выбор, остающийся у герцогства — «быть проглоченным слева или справа»[135].

Тем важнее казалось ей в это время ее присутствие в Веймаре. Свое первоначально запланированное на 1806 г. путешествие в Россию она отодвигает на следующий год — решение, которое очень приветствовали Карл Август и герцогиня Луиза, но которое, судя по всему, далось ей не так уже и легко: «это великая жертва, которую я приношу стране», — писала она[136].

Однако именно ее планируемые, затем откладываемые и вновь планируемые поездки в Россию становятся в дальнейшем скрытым и явным яблоком раздора в ее отношениях одновременно и с немецкой, и с русской семьей, а также источником ее собственных глубоких внутренних терзаний. В сентябре 1806 г. в ее переписке с родными начинает обсуждаться вопрос, когда она должна покинуть Веймар. Александр приказывает ей, если того будут требовать обстоятельства, сразу же отправиться в Берлин, где она сможет чувствовать себя в большей безопасности. Также и Мария Федоровна хочет, чтобы дочь ее бежала из Веймара, как только в его окрестностях

---

[135] ThHStAW HA A XXV. R 154. Bl. 69–70; R 153. Bl. 171–174. Дипломатическую переписку по этому поводу см.: Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы Российского министерства иностранных дел. Серия 1. Т. III. М., 1965. С. 308.

[136] *Dmitrieva K.*, *Klein V.* Im Athen Deutschlands. S. 22.

покажутся французы, потому что «неприлично и недостойно» добровольно подвергать себя такой опасности. Она даже считала Наполеона способным похитить сестру императора: «что может придти в голову людям без веры и без закона», писала она под впечатлением от убийства герцога Энгиенского.

Мария Павловна покидает Веймар 11 октября 1806 г. Она отправляется в Альштедт, а оттуда, расставшись с Карлом Фридрихом, продолжает бегство через Берлин в Силезию. Именно в это время Карл Август, недовольный политической позицией своей невестки, говорит о «капризах и глупостях Petite chère»[137].

Для характеристики внутреннего облика Марии Павловны показательно, что в дневнике, который она ведет во время своего вынужденного бегства, мы не найдем ничего, что касалось бы ее переживаний в это время. Отголоски войны в нем почти не слышны, бегство от французов предстает как познавательное путешествие по городам Германии, в котором великая княгиня знакомится с ее великой культурой, описывая все культурно значимое, что ей попадается на пути, удовлетворяя свой интерес к социальной, хозяйственной, культурной стороне жизни тех стран, через которые она проезжает[138]. И за этим — привитый ей с детства моральный кодекс: сохранять свое достоинство и даже унизительное положение рассматривать как возможность приобретения новых познаний.

Дополнительная сложность положения Марии Павловны во время бегства заключалась в том, что она все же хотела оставаться в непосредственной близости от мужа и новой семьи, за что постоянно

---

[137] дорогой малышки (*франц.*).

[138] В качестве отдаленной аналогии вспомним военный дневник Стендаля, в котором он также эстетически стремился преодолеть антиэстетизм войны и разрухи.

получала упреки Марии Федоровны. Последняя уже императивно начинала требовать, чтобы дочь покинула страну, и очень резко говорила о немецких правителях и их кабинетах, которые из-за «глупости своих суверенов и трусости их кабинетов навлекли на эту бедную Германию все возможные несчастия». А между тем, упрек, который бросали Марии Павловне и близкие ей люди, и впоследствии мемуаристы (если они только совсем не хотели обойти стороной эту проблему), заключался в том, что она использовала любую возможность, в том числе и военную, чтобы оказаться дома в России[139]. Конфликт достиг своего апогея 11 ноября 1806 г., когда в Шлезвиге Мария Павловна получила паспорта, выданные ей Наполеоном, которые гарантировали ей безопасное возвращение в Веймар. И здесь она вновь оказывается под сильным нравственным давлением, поскольку переданное ею в сопроводительных письмах канцлера Мюллера и барона фон Лютцова желание Наполеона, чтобы она оставалась в Веймаре, разделяли и его жители, и ее новая семья[140].

Александр же категорически запрещает ей возвращаться: «Это было бы добровольно предоставить Бонапарту залог, и вы сами почувствуете, в какое страшно затруднительное положение вы поставите тем самым вашу родину!»[141] На том же настаивала и мать: «Он будет продолжать, верь моему предчувст-

---

[139] См.: Politischer Briefwechsel des Herzogs und Großherzogs Carl August von Weimar. Hg. von Willy Andreas und Hans Tümmler. Goettingen, 1973.

[140] *Müller Friedrich von.* Erinnerungen aus den Kriegszeiten von 1806 bis 1813. Leipzig, 1911. S. 20.

[141] Письмо от 15 декабря 1806 г. (ThHStAW HA A XXV. R 100. Bl. 49).

вию, желать и далее влиять на твою судьбу, чтобы сделать тебя зависимой от его капризов»[142].

В конечном счете, Мария Павловна подчиняется требованию своих русских родных (существует предание, что она будто бы растоптала паспорта Наполеона), но слишком поздно предпринятая попытка отправиться из Шлезвига в Россию в том году не удается, и в результате до 1 сентября 1807 г. она остается в Шлезвиге, чтобы вернуться в Веймар 12 сентября 1807 г., пробыв таким образом в бегстве-изгнании более года.

Возможно, что именно терзаниями этого времени объясняется и следующий эпизод, поставивший ее в предельно двойственную ситуацию: из Шлезвига Мария Павловна пишет матери, передавая ей просьбу Карла Августа и подкрепляя ее своей собственной просьбой — перевести в Веймар половину помещенного в Российских банках ее приданого — ввиду опустевшей за время войны веймарской казны. Реакция на это Марии Федоровны известна: «Прибывший из Шлезвига курьер привез мне письмо от моей дочери и приложенную при сем Немецкую бумагу, — писала она министру иностранных дел барону Будбергу (28 апреля 1807 г.). — Признаюсь, что содержащееся в нем предложение возмутило меня как само по себе, так и его поводом. Дело, ни более, ни менее, как в том, чтобы перевести в Веймар половину помещенного здесь приданого моей дочери <...>. Итак, приданым Великой Княгини хотят пополнить казну Веймара, который в настоящую минуту враг России, и деньги эти, употребленные в уплату наложенной Наполеоном контрибуции, пойдут потом на издержки войны, которую он ведет против нас»[143].

---

[142] Письмо от 3 декабря 1806 г. (ThHStAW HA A XXV. R 154. Bl. 9).

[143] Русский архив. 1891. № 9–12. С. 581.

Но и свое возвращение Мария Павловна переживает тяжело: сердечный прием жителей Веймара причиняет ей нравственную боль и вызывает упреки совести, а с другой стороны, она мучительно переживает изменения в политике брата, который после Тильзитского мира становится союзником того самого Наполеона, от которого он до того заставлял ее бежать. В особенности то обстоятельство, что по условиям Тильзитского договора Александр признал существование Рейнского союза, было больно для Марии Павловны, поскольку герцогство Саксен-Веймар-Эйзенах было включено в Рейнский союз принудительно. Как русская патриотка она считала, что поведение Александра было «в шокирующем противоречии с мнениями и чувствами наций»[144]. Правда в переписке с братом она этой темы не касалась, потому что он мог бы заподозрить ее «в предвзятости» («quelque motif particulier»)[145]. К тому же, она боялась, что брат оставит без поддержки ее тестя Карла Августа, который, как и прежде, всеми силами ненавидел Наполеона. Матери же она в это время пишет: «Говорят здесь, что братцу не можно было в Праг поехать, по тому что какой-то десяти тысячный корпус французской около Пильзена находится. Вы об этом наверняка знаете лучше, чем я, Маменька. Другие говорят, что наши одержали победу. Ах, Матушка! Какое это время, и что за происшествия. Дай Бог нашим благо получше! Я на Бога надеюсь»[146].

Новым испытанием для нее стала Эрфуртская встреча 1808 г. То, что встреча должна была происходить в Эрфурте, — крепости, находившейся тогда

---

[144] ThHStAW HA A XXV. R 155. Bl. 253.

[145] ThHStAW HA A XXV. R 155. Bl. 252.

[146] Письмо от 3/15 ноября 1807 г. Оригинал на русском языке (ThHStAW HA A XXV. R 155. Bl. 489`).

в руках у французов, и то, что Александр должен был там ночевать, словно он «находился в гостях у Наполеона», Мария Павловна, так же как и Карл Август и Луиза, рассматривала «как еще большее унижение». Поэтому она просит Марию Федоровну убедить Александра, чтобы он по крайней мере расположился квартирой в Веймаре[147]. И чтобы самой не присутствовать на этом — как она считала — позорном событии, она решает, наконец, отправиться в Россию, где остается на целый год, вернувшись в Веймар лишь в июле 1809 г.

Характерно письмо Марии Федоровны, адресованное прусской королеве Луизе и посланное с Марией Павловной в момент ее отъезда из Петербурга в 1809 г.: «Чего бояться? На что надеяться? Будущее подернуто словно густым туманом; но как страшно видеть, что побеждает тот, все трофеи которого зиждутся на одном горе народов. Моя дорогая Мария покидает нас в этих обстоятельствах, что заставляет истекать кровью мое сердце. Судьба Германии столь неопределенна, что ее пребывание в Веймаре в этих обстоятельствах внушает мне тысячи опасений: Вы понимаете, дорогая сестра, Вы сможете разделить мои страхи»[148].

Так что и период 1807–1812 гг., относительного мира, но под чужеземным господством, был, в сущности, для Марии Павловны очень тяжелым. С неприятием отнеслась она к династическим притязаниям Наполеона и к его попыткам войти в семью Романовых. Особенно возмутило ее, когда Наполеон через своего полицмейстера Савари стал спрашивать, что думает

---

[147] ThHStAW HA A XXV. R 156. Bl. 54–55.

[148] Копии с писем Императрицы Марии Федоровны к королеве Луизе Прусской // ГАРФ. Коллекция документов Рукописного отделения библиотеки Зимнего дворца. Ф. 728. Оп. 1. Ед. хр. 593. Л. 7.

она о его матримониальных планах, касавшихся ее сестры Екатерины. Еще более она была возмущена, когда матримониальные его притязания обратились в 1809 г. на ее тогда еще совсем юную младшую сестру Анну — в чем, на этот раз, она была единодушна со своими русскими родственниками. Ей претило также, что Наполеон хотел стать в 1808 г. крестным отцом ее дочери Марии, хотя на этот раз предложение парадоксальным образом исходило от Карла Августа[149].

Большие внутренние терзания причиняли ей также попытки Александра вовлечь ее в большую политику и использовать ее посредничество, чтобы убедить Наполеона в мирных планах России. Так, в марте 1812 г. Александр просит сестру передать Наполеону, «в случае, если она его встретит», его пожелание мира[150]. А когда ему уже не удается убеждать

---

[149] Politischer Briefwechsel des Herzogs und Großherzogs Carl August... S. 181.

[150] Ibid. S. 215–216. В своем архиве Мария Павловна среди прочих присылаемых ей стихов хранила стихотворение, хотя и невысокого литературного качества, но, по-видимому, хорошо отражающее ее настроения того периода:

Бонапартово эхо.

(рассуждение Бонапарте) (Ответ в повторении)

Кого бояться мне? коль нет уж Прусаков.	«Русаков».
Как Русаков? не мой ли меч их всех пожнет?	«нет»
Неужли ж я не побежду их никогда?	«да»
Так и меня побить им невозможно.	«можно»
И кто ж побьет меня? Неужли Бенингсон?	«Он»
Что ж делать мне? и стыда как избежать?	«бежать»
Бежать! куда? в каких сокроюсь я странах?	«ах».
Что ж будет с Францией как мой падет кумир?	«мир»
Чего ж мне ожидать? Увы! я был тиран.	«ран»
И так не получу я никаких наград?	«ад».

(ThHStAW HA A XXV. R 1.)

близких, что Наполеон не хочет войны, он передает Марии Павловне от своего имени и от имени Марии Федоровны пожелание, чтобы она вновь приехала в Россию или, по крайне мере, предприняла путешествие на воды в Карлсбад. Но на этот раз пожелание брата Мария Павловна не выполняет. Через Веймар проходят французские войска, направляющиеся в Россию, за которыми она наблюдает из окна своей спальни, в то время, как герцогский замок занимает французский маршал Себастиани. Причем войско ее свекра, связанного с Наполеоном условиями Рейнского союза, должно было также участвовать в походе на Россию в составе французской армии[151].

Характерна и следующая запись Гете в дневнике 29 сентября 1812 г.: «Известие о взятии Москвы. В полдень был при дворе. Ее Высочество к столу не вышла».

Триумфальная победа над Наполеоном и поход русской армии 1813 г., во время которого Александр берет на себя роль спасителя Европы, на самом деле, еще более осложняет положение и внутреннее состояние Марии Павловны. Создается ситуация, когда Александр должен воевать против своей сестры и ее мужа (поскольку герцогство, в силу своей принадлежности к Рейнскому союзу, по-прежнему вынуж-

---

[151] О том, что в это время происходило в Веймаре, известно из воспоминаний П.Х. Граббе (см.: Из памятных записок графа Павла Христофоровича Граббе. М., 1873). Из того же окна в декабре 1812 г. Мария Павловна наблюдала и за возвращением французской армии из России. 15 декабря она стояла у окна своей комнаты и увидела, как к почтовой станции подъехал экипаж странного вида: коляска без колес, поставленная на сани. Из нее вышли два французских офицера, потом ей сообщили, что это был Наполеон и сопровождавший его маркиз де Коленкур, бывший посол Франции в Петербурге.

дено сражаться на стороне Наполеона) — но теперь уже непосредственно на территории Веймара.

И тогда император приказывает сестре, под предлогом здоровья, ехать в Теплиц и Карлсбад, где ее будут ждать он сам и сестра Екатерина, поправлявшая свое здоровье после смерти супруга на карлсбадских водах. Если Мария Павловна останется в Веймаре, пишет Александр сестре, то подвергнет себя опасности увидеть кровь своих соотечественников — зрелище, от которого бы отказалась даже «жена последнего русского торговца»[152].

На этот раз Мария Павловна сомневалась еще дольше, чем в прошлые разы, прежде чем решилась покинуть Веймар — поскольку все же надеялась защитить его жителей своим присутствием, когда войдут русские войска. Последние два месяца перед бегством ее письма матери наполнены рассуждениями о том, как несчастливы бывают маленькие государства, когда становятся игрушками в руках больших. И все же в апреле 1813 г. она покидает Веймар, отправляется в Теплиц, затем в Прагу, затем в Карлсбад (прикрывая свое бегство лечением на водах), затем опять в Прагу и в Вену. В июле–августе 1813 г. она вместе с сестрой присутствует на Пражском мирном конгрессе, наблюдая за интригами европейских дворов, за восхождением Меттерниха и Австрии, и сама становится, вместе с Екатериной Павловной, особым объектом манипуляции как особа, наиболее приближенная к русскому царю[153].

---

[152] Письмо из Дрездена 13 апреля 1813 г. (ThHStAW HA A XXV. R 102. Bl. 9).

[153] См. дневник Марии Павловны 1813 г.: Maria Pavlovna. Die frühen Tagebücher der Erbherzogin von Sachsen-Weimar-Eisenach. S. 85–129. Ср. в мемуарах А.И. Михайловского-Данилевского (журнал 1814 года): «Мне отвели квартиру в Императорском

Еще раз Мария Павловна окажется вмешанной — и кажется, помимо собственной воли — в большую политику по поводу вопроса о дальнейшей судьбе Саксонии, бывшей одним из главных союзников Наполеона, на которую претендовали, с одной стороны, Пруссия, и с другой стороны, Веймар. Причем последний — прикрываясь легитимными доводами об историческом праве эрнестинской линии на саксонский престол, «обманным путем украденный в XVI в.» альбертинцами[154]. Как показывает переписка того времени, пока Фридрих Август сам не отрекся от престола, Мария Павловна всячески старалась, чтобы уважительно относились к саксонскому королю и к его правам. Однако именно ее как представительницу Веймара попытались использовать в утверждении эрнестинской линии. И лишь когда в начале 1814 г. до нее дошли слухи о присоединении саксонских земель к Пруссии, она, всегда выражавшая опасения и недоверие к прусской политике экспансии, начинает активно защищать права эрнестинцев. По просьбе Тайного совета Веймара, но и сама желая поддержать Карла Августа, который в это же время пытался убедить Александра в Париже в своих законных правах на саксонский трон, она пишет Марии Федоровне о том, что в самой Саксонии поднимаются голоса за восстановление в правах эрнестинской линии[155], информирует брата в 1814 г. о письмах

дворце <...>. Присутствовавшие тут же великие княжны М.П. и Е.П. так любезны и ловки, что, казалось, будто они были в собственных дворцах своих и угащивали австрийских эрцгерцогов и дам» (*Михайловский-Данилевский А.И.* Мемуары).

[154] См. об этом: Внешняя политика России XIX и начала XX века. Серия 1. Т. 7. М., 1970. С. 126–127.

[155] См.: *Egloffstein H.F. von.* Carl August auf dem Wiener Kongress. Festschrift zur Jahrhundertfeier des Bestehens des Großherzogtums Sachsen-Weimar-Eisenach. Jena, 1915.

саксонских политиков к герцогской семье и веймарским министрам. Впрочем, устремления эти оказались напрасными. Мария Павловна не убедила брата, который хотел саксонскими землями возместить военный ущерб Пруссии, и возможно даже, что вмешательство Марии Павловны сыграло здесь обратную роль, поскольку в официальных документах она фигурировала в составе «Веймарской партии в Саксонии». Сама же Мария Павловна своего четкого мнения по саксонскому вопросу не имела, и, как и в большинстве ситуаций того времени, в прямом и переносном смысле находилась «между двух фронтов»[156].

Конечно, в целом ряде случаев Мария Павловна могла положительно использовать свою двойственную ситуацию «между двух фронтов», — выступая как посредница, когда речь шла о положении и местонахождении военнопленных из Франции и немецких государств, входивших в Рейнский союз, или же о политической и даже финансовой поддержке для Веймара. Так, когда в 1813 г. в Веймаре было много французских офицеров и взятых вместе с ними в плен саксонских офицеров, сражавшихся на стороне Наполеона, она заботилась о них. Когда часть русской армии, освобождая Европу, проходила в 1813 г. через земли герцогства, Мария Павловна заложила свои драгоценности, чтобы на полученные средства устроить госпитали для русских солдат. В частности, тогда же она оказала помощь генералу Н.Н Раевскому, который приехал в Веймар лечить рану, полученную в сражении под Лейпцигом, и сопровождал его не кто иной, как К.Н. Батюшков.

---

[156] См. также обсуждение саксонского вопроса и объяснение Марии Павловне существа «саксонской проблемы» в письмах к ней В.В. Ханыкова, русского поверенного в Веймаре, который на Венском конгрессе был назначен состоять при ее особе: АВПРИ. Ф. 177 (Миссия в Дрездене. 1802–1919). Оп. 515. Ед. хр. 1. Л. 369 и след.

Как писал мемуарист, «сколько обрадовало сердца россиян, когда они на пути своем увидели в некоторых местах, на воротах почти каждого дома, прибитые бумажки с российской надписью: "Земля русской принцессы Марьи Павловны!" <...> Жители были ласковы и старались оказывать гостеприимство русским»[157]. Но и Ф. Глинка писал в «Письмах русского офицера» приблизительно в тех же тонах: «Йена принадлежит герцогству Веймарскому. Здесь все единодушно благословляют герцогиню Марию Павловну. Ее называют матерью-благотворительницею, ангелом кротости и добродетели»[158].

Ей, в неменьшей степени, чем Луизе, которая единственная оставалась в Веймаре в 1806 г., народная (а подчас и историческая) память приписала заслугу особого снисхождения, которое Наполеон проявил к герцогству Саксен-Веймар. «В нашей Великой Княгине они видят Его (Александра) в нежном, чистом отражении, его самого в милом женском облике. Они слышат, видят в ней его дух, его волю», — писал Ф.М. Клингер Тюммелю из Петербурга[159]. Существует версия, что решение Наполеона сделать всех немецких принцесс фрейлинами Марии Луизы не стало реальностью в основном из-за опасения вызвать гнев Александра.

Но и на Венском конгрессе 1815 г., решавшем и решившим судьбу послевоенной Европы, присутст-

---

[157] 1812 год. Воспоминания воинов русской армии. М., 1991. С. 63–64.

[158] *Глинка Ф.Е.* Письма русского офицера о Польше, австрийских владениях, Пруссии и Франции. С подробным описанием похода россиян противу французов в 1805 и 1806 гг., а также Отечественной и заграничной войны с 1812 по 1815 год. М., 1990. С. 296.

[159] Цит. по: *Preller L.* Ein fürstliches Leben. Zur Erinnerung an die verewigte Großherzogin von Sachsen-Weimar-Eisenach, Maria Pawlowna, Großfürstin von Rußland. Weimar, 1859. S. 139.

вие Марии Павловны сыграло важную роль если не в удовлетворении всех претензий герцогства Саксен-Веймарского[160], то, по крайней мере, в обеспечении того привилегированного положения, которым оно пользовалось среди «малых» немецких государств. Так, например, Александр предписал в инструкции А.К. Разумовскому от 3(15) февраля 1815 г. «особо защищать интересы герцога Саксен-Веймарского, Гольштейн-Ольденбургского и Саксен-Кобургского» и следить за обсуждением общих германских дел[161].

Как известно, в результате решений Венского конгресса Веймарское герцогство было возвышено в ранг Великого Герцогства Саксен-Веймар-Эйзенах, территория его была значительно увеличена за счет в частности княжества Фульдского и других приграничных территорий. Также была увеличена и численность его населения за счет 30 000 новых верноподданных, и Веймар получил возможность содержать более крупную собственную армию (600 человек). Менее, однако, известно, что за этим великодушным решением Александра скрывалось на самом деле его желание уладить финансовые дела сестры. И, в частности, исполнить один из пунктов ее брачного контракта, согласно которому воспитание ее детей должно было осуществляться из денег герцогства, что до 1815 г. фактически не исполнялось[162].

---

[160] См.: Статьи, по которым русские уполномоченные должны получить инструкции, Вена 28 янв. (9 февр.) 1815 // Внешняя политика России XIX и начала XX века. Серия 1. Т. 8. С. 186.

[161] Внешняя политика России XIX и начала XX века. Серия 1. Т. 8. С. 200.

[162] Переписку по этому поводу см.: АВПРИ. Ф. 177 (Миссия в Дрездене). Оп. 515. Ед. хр. 754. Л. 27–28, 384–384`.

Впрочем, сама Мария Павловна не слишком одобрила расширение территории великого герцогства на Венском конгрессе, во всяком случае, за счет земель королевского дома Саксонии. В переписке с мужем она высказала недовольство тем, что Карл Август согласился на эту «недостойную» с ее точки зрения компенсацию: «нам не полагается принимать обломки подобного кораблекрушения»[163].

В историю же Мария Павловна вошла как «княгиня мира». И пророческими оказались слова Гете, сказанные им в 1813 г.: «Она вполне заслуживает быть Княгиней мира, хотя отлично показала себя во время войны, и с того времени, как она здесь, многому смогла посодействовать»[164].

* * *

Россия и русские

И все же, по-видимому, не только война придала жизни Марии Павловны двойственность, заставив ее постоянно ощущать себя между двух фронтов, двух отчизн, двух семей. По-видимому, ощущение это было свойственно ей изначально. Идеальная *Landesmutter* для герцогства Саксен-Веймар — до конца своей жизни она оставалась и русской великой княгиней. Это проницательно подметил уже в николаевское царствование французский дипломат Барант, в 1835 г. назначенный послом Франции в России, побывавший в Веймаре и следующим образом, хотя и

---

[163] См.: *Dmitrieva K., Klein V.* Im Athen Deutschlands. S. 27–28.

[164] Письмо К.Л. Кнебелю от 13 ноября 1813. Цит. по: *Keller W.* Goethe und Russland — Ein Bild aus Fragmenten // Mechthild Keller (Hg.) West-Östliche Spiegelungen, Reihe A. Bd. 2: Russen und Rußland aus deutscher Sicht. 18. Jahrhundert: Aufklärung. Wilhelm Fink Verlag. München, 1987. S. 592.

не без тенденциозности, описавший свои впечатления от знакомства с Марией Павловной: «За обедом я сидел возле великой герцогини, и она соизволила пригласить меня прийти 2 часа спустя на вечер. Так как она не любит игры, то посадила меня возле себя. Беседа была долгая и разнообразная. <...> Общее положение дел в Европе, дух народов, течение идей, господствующие мнения, характер литературы беспрестанно, в общих выражениях, были предметом ее презрительных и горьких замечаний. Это были не суждения любезности, а скорее впечатления умной женщины, которая, не развивая, не одушевляясь, скорее с отвращением, чем с живостью, роняла их с высоты своего положения принцессы. Беседе этой придавало некоторый интерес то обстоятельство, что она лишь с виду была отвлечена; все в ней намекало на русского императора, на его положение по отношению к Европе...»[165]

Возникает правомерный вопрос, кем все же чувствовала себя она, отдавшая более пятидесяти лет жизни немецкому городу, который ее брат Александр, чтобы утешить ее, поначалу все сравнивал с Афинами — название, которое она решительно отвергала. И действительно, приехав в Веймар, она сразу же категорически запретила себе всякие его сравнения с Петербургом, «чтобы не портить себе жизнь», как она писала матушке[166]. Свое намерение она выполнила. Не пытаясь превратить Веймар в некое подобие Петербурга, она стала со временем его мудрой правительницей, ведя себя как истинная немецкая герцогиня, а не избалованная русская великая княжна. Однако внутренне никогда не переставала чувствовать себя именно русской княжной.

---

[165] Две депеши Баранта // Русский архив. 1891. № 1. С. 145.
[166] ThHStAW HA A XXV. R 153. Bl. 302`.

О том, насколько она тосковала по России и как радовалась каждой вести о ней, имеется множество мемуарных свидетельств. Уже цитировавшийся выше А.И. Михайловский-Данилевский, познакомившись с Марией Павловной в 1814 г. в Вене, писал: «Мне поручили отдать Ее Высочеству пакет; когда я ей оный вручил, то она, не смотря на адрес, сказала с ангельскою радостью: “Как вы меня обрадовали, это письмо от матушки”»[167]. И он же, приехав в 1818 г. в Веймар, сопровождая Александра, направлявшегося на Ахенский конгресс, и, видимо, памятуя о первой встрече, в сходной тональности описал и вторую, произошедшую на балу в герцогском замке: «Бал был довольно скучен. Великая княгиня несколько раз подходила ко мне, танцевала со мной и однажды спросила, как мне нравится бал. “Мне кажется, — сказал я — что я в Петербурге, в Зимнем дворце”. — “Никакой другой отзыв, — ответила ее высочество, — не мог быть мне приятнее”»[168].

Ее тоску по родине несколько скрашивало частое появление в Веймаре соотечественников, которых она принимала с неизменным радушием (уже в 1805 г. приток русских путешественников в Веймаре настолько увеличился, что возникла необходимость построить новую гостиницу, известную под названием *«Der russische Hof»* или *«Hôtel de Russie»*). Как писала М.С. Муханова (дочь обер-шталмейстера), посетившая Марию Павловну в Веймаре на пути на воды: «Ни один русский не проезжал через Веймар, не посетив ее и не быв приветствован. Когда мы были у великой княгини, можно было только удивляться ее радости и радушию, с которым она приветствовала мое-

---

[167] *Михайловский-Данилевский А.И.* Мемуары. С. 96.
[168] Там же. С. 99.

го отца и мать, каждый день посылала за нами свой экипаж, даже великий герцог участвовал в том же»[169].

Ср. также характерные, легко узнаваемые по стилю строки письма известного русского журналиста А.Е. Измайлова Карлу Отто в Веймар: «если можно, доложите при случае Ея Высочеству, что мы с женою очень помним милостивый и обворожительный Ея прием; что жена моя всегда с восторгом о Ней вспоминает и когда ни бывает у почтеннейшей соседки нашей Вице-Адмиральши Н.В. Сарычевой, всегда попросит у нее позволения поглядеть на портрет Ея Высочества»[170].

Что, вне всякого сомнения, составляло особенность веймарского стиля жизни, и, в частности, общения Гете и Марии Павловны еще в первую половину ее проживания в Веймаре, — это своеобразная взаимодополняемость их домов в качестве культурных центров Веймара. «Все, кто приезжал в гости к Марии Павловне, оказывались в гостях у Гете и наоборот», отмечали еще современники[171]. Причем, в отличие от других дворов, где, как правило, скорее поэт мог позволить себе предстательствовать перед монархом, здесь чаще монархиня предстательствовала перед поэтом и, пользуясь благорасположением Гете, представляла ему и вводила в его дом многих своих соотечественников. Из литературных путешественников, посетивших Веймар и проводивших время у Марии Павловны, упомянем А. Тургенева (в Веймаре 16 марта 1826; 6–8 августа 1827; 3–13 мая 1829 г. и 6 дней в июне 1836), В.А. Жуковского (в Веймаре 29–30 октября 1821; 3–7 сентября 1827; 23–26 августа 1833; 6–15 сентября 1838; 26–27 марта 1840), А.И. Кошелева

---

[169] *Муханова М.С.* Из записок. С. 47.

[170] Письмо от 26 марта 1826 г. (ThHStAW HA A XXV. R 1. Bl. 48).

[171] *Тургенев А.* Хроника русского. С. 482.

(4 сентября 1831), С.С. Уварова и З.А. Волконскую, посетившую Веймар в мае 1829 г. вместе с сопровождавшим ее семейство С.П. Шевыревым[172].

З.Волконская, уезжая из Веймара, писала в путевых записках, подчеркивая именно слиянность культуры и двора в Веймаре: «Удаляясь от пантеона великих писателей германских, моя душа исполнена чувствами благоговейными. Все там дышит наукой, поэзией, размышлением и почтением к гению. Гений там царствует, и даже великие земли суть его царедворцы. Там я оставила ангела, проливающего слезы на земле»[173]. В последней фразе слышался намек на Марию Павловну, к которой Волконская была искренне привязана. Именно на ее посредничество она рассчитывала, переслав в Веймар кантату, посвященную памяти Александра I, для ее перевода на немецкий язык Гете[174].

С впечатлениями Волконской от Веймара и Марии Павловны поразительно рифмовались и впечатления А.И. Тургенева, десятилетием позже. «Поутру отправился я с канцлером Мюллером в Тифурт, — писал он, — где я бывал некогда с мечтами и воспоминаниями, с грустию по умершем брате и благодарностию к той, которая не чуждалась этой грусти... Она все живет здесь и одушевляет, воскрешает прошедшее, олицетворяет в себе одной — Луизу и

---

[172] *Дурылин С.Н.* Русские писатели у Гете в Веймаре // Литературное наследство. Т. 4–6. М., 1932. С. 477–486; *Сахаров В.И.* Друзья Пушкина у Гете // Литературная Россия. 1999. № 14 (09. 04); Fahrten nach Weimar. Slawische Gäste bei Goethe. Auswahl von R. Fischer. Weimar, 1958.

[173] *Волконская З.А.* Отрывки из путевых впечатлений. Веймар. Бавария. Тироль // Северные цветы на 1830. Пб., 1831. С. 216.

[174] Историю этого неосуществленного перевода см. подробнее: *Дмитриева Е.Е.* Мудрец и принцесса.

Амалию — и о ней со временем скажет Веймар, как Россия о ее матери: “pertransit benefaciendo”. Помню, что в беседке, где Шиллер и Гердер любили и заставляли любить человечество, вырезал я на камне несколько слов благодарности»[175]. Кстати, именно Тургенев подарил Гете хранящийся ныне в архиве Шиллера и Гете автограф обращенного к нему письма Карамзина[176].

Со многими русскими литераторами, дипломатами, придворными Мария Павловна, кроме того, состояла в переписке. В ее архиве отдельные своды и фонды составляет переписка с З. Волконской, Е. Мещерской, Э. Мещерским, П. Мухановым, С. Уваровым, А. Бенкендорфом, В. Ханыковым. Два фонда разрозненной переписки Марии Павловны с русскими литераторами, в которых содержатся также посылавшиеся авторами сочинения, известны под названием «Russische Korrespondenz Maria Pavlovnas» («Русская переписка Марии Павловны») (HA A XXV. R 1, R 4). В них, в частности, входят: письма В.А. Жуковского 1828 и 1849 гг. и его стихи на кончину Марии Федоровны, письма Анны Буниной 1820, 1821 и 1829 гг. с приложенными к ним стихотворениями, письмо Н. Гнедича 1830 г. с приложением своего перевода из Гомера, письмо Н.М. Карамзина и ответ на него Марии Павловны, письмо И. Лажечникова, сопровождавшее его «Походные записки русского офицера», в которых содержится описание двора Марии Павловны, письмо А.С. Шишкова, сопровождавшее присылку Атласа к полному собранию ученых путешествий, а также перевод на немецкий язык сербских песен и записки о войне 1812 г., письма Д. Хвостова 1819 и 1827 гг. с приложением 4 томов

---

175 *Тургенев А.* Хроника русского. С. 113.
176 GSA, 33/386.

его сочинений, письмо А.Н. Голицына, сопровождающее присылку «Полного собрания ученых путешествий по России», письмо А.Е. Измайлова 1826 г. с описанием петербургской жизни и приложением стихов «На кончину императрицы Елизаветы Алексеевны», письмо А. Ширинского-Шихматова 1827 г. с экземпляром похвального слова императору Александру, письма М. Сперанского и Д. Северина[177].

Среди иных стихов русских поэтов (автографов и списков), присланных ей в Веймар, — стихи Ю.А. Нелединского-Мелецкого, П.А. Вяземского, В.А. Жуковского, П.В. Голенищева-Кутузова; «Стихи, петые в балете "Праздник в Стане союзных войск"» П.А. Корсакова; список «Последнего Новоселья» М.Ю. Лермонтова.

Создательница «Залов поэтов» в герцогском дворце, в поздние годы уже в Бельведере она создает и собственную галерею любезных ей русских поэтов. Так, когда в России готовились отмечать юбилей Жуковского, она просит изготовить его горельефное изображение для своего дворца, а затем благодарит его в следующих выражениях: «Василий Андреевич. Получив письмо ваше с приложением бронзового медальона, я изъявляю вам мою благодарность за готовность, с которой вы исполнили желание мое. Для меня, сохраняющей любовь к отечественной литературе и ценящей в полной мере труды посвятивших себя оной с такими успехами, вы заслуживаете место и там, где, по словам вашим, *властвуют* образы Гете и Шиллера, как по вашим трудам, так и по скромности»[178].

---

[177] Частично опубликовано: *Архипов Ю.И.* Веймарские находки.

[178] Письмо от 1/13 февраля 1848 г. (Русский архив. 1895. С. 445). Парадоксальным образом, из общей радужной картины несколько выпадает отношение Марии Павловны к Пушкину.

И все же самые тесные узы, самые нежные отношения, несмотря ни на какие политические катаклизмы, связывали Марию Павловну с членами ее семьи, каждый приезд которых был для нее не просто радость, но и знак причастности ее самой к Русскому Дому[179].

Этот факт с удивлением отмечал в своем дневнике Фарнгаген фон Энзе, встречавшийся с Марией Павловной летом 1839 г.: «Она между прочим заметила мне, что я слишком высоко ставлю "Онегина" Пушкина. Вообще она не жалует Пушкина и как поэта и как человека. Им бы хотелось секвестировать поэта в пользу государства и двора! Мне жаль великую герцогиню: она достойна того, чтобы судить иначе. Если бы не ее глухота, я бы все это высказал ей, вступил бы с ней в прения и, может быть, сумел бы многие из ее мыслей направить в другую сторону. Крайне утомленный, вышел я от нее в девять с половиной вечера» (*Varngagen von Ense K.F.* Denkwürdigkeiten des eigenen Lebens. 2 Bde. Berlin, 1971. Bd. 2. S. 237). Это же впечатление Фарнгагена фон Энзе отчасти подтверждается и письмом Марии Павловны к Николаю в ответ на его сообщение о смерти Пушкина: «То, что ты сообщаешь мне о деле *Пушкина,* глубоко меня опечалило. Вот конец жизни, весьма плачевный, и для невинной женщины, самое ужасное, что могло произойти: он всегда казался имеющим дурной характер, плохо сочетающийся с его прекрасным талантом: я никогда его не видела <...>; эти дуэли ужасны и абсолютно варварские: он мог бы быть счастлив по сей день» (письмо от 22 февраля / 6 марта 1837 г.: ThHStAW HA A XXV. R 184. Bl. 327–328; частично опубликовано: *Муза Е.В., Сеземан Д.В.* Неизвестное письмо Николаю I о дуэли и смерти Пушкина // Временник Пушкинской комиссии. 1962. М.; Л., 1963. С. 38–41).

[179] До самой своей смерти она не прекращала переписки с членами русской императорской фамилии. В частности, отдельный раздел фонда Марии Павловны в Главном государственном архиве Тюрингии составляет ее семейная переписка, большей частью двусторонняя: с братьями Александром I, Константином, Николаем, Михаилом, в.кн. Александром (будущим Александром II), с Елизаветой Алексеевной, Александрой Федоровной и т.д.

На первом месте, безусловно, стояла мать, постоянное, почти ежедневное общение с которой, хотя бы и письменное, было абсолютной потребностью Марии Павловны. Самое первое письмо, написанное еще из Мемеля, адресовано ей: «Я более уже не на той земле, что Вы, я в другом государстве, я в чужой стране, а Маменька в России, мне нужны Ваши письма, чтобы набраться храбрости...»[180]

Чуть позже она пишет из Веймара, что во всем руководствуется ее советами: «Что касается моих знакомств, дорогая и добрая Мама; Ваши советы слишком запечатлелись в моем сердце, чтобы когда-либо я могла подарить свою дружбу и доверие, не спросив себя прежде, нашли бы Вы это разумным...»[181]

До самой смерти матери Мария Павловна советуется с ней во всех жизненных делах. И даже когда прусский король в 1827 г. попросил согласия Марии Павловны на женитьбу его сына Карла на принцессе Марии Веймарской, то великая княгиня, прежде чем ответить, спросила в свою очередь согласия матери-императрицы.

Обычно считается, что из всех своих сестер Александр явно выделял Екатерину (Като). Однако есть и другие свидетельства — о доверительной дружбе, которая с детства объединяла Александра с Марией Павловной. Трудно, конечно, ссылаться на авторитет А. Коцебу, и все же приведем его воспоминания: «Незадолго до кончины императора он (Александр I. — *Е.Д.*) однажды сидел за столом у своей сестры, великой княжны Марии Павловны, и, будучи погружен в задумчивость, машинально играл ножом. "Qu`avez-

---

[180] Письмо от 6 октября 1804 г. (ThHStAW HA A XXV. R 153. Bl. 108).

[181] Письмо от 7 октября 1804 г. (ThHStAW HA A XXV. R 153. Bl. 109).

vous, mon frère? — спросила она его: "vous êtes aujourd`hui si rêveur". — Он ничего не отвечал, нежно пожал под столом ее руку, и глаза его наполнились слезами»[182].

Во всяком случае, навестив ее в мае 1807 г. в Веймаре, он в более чем живых тонах описывает их встречу в письме к Екатерине, по сохранившейся с детства привычке именуя Марию «Клеопова»: «Дорогая Бискис, можете ли вы представить себе мое счастье, я нахожусь с Мари, с Клеопова? Она столь хороша, насколько это вообще возможно, и абсолютно такая же, какой мы с ней расстались. Дикая радость, которую мы оба испытали от встречи, не поддается описанию. <...> Но что по-настоящему восхитительно, так это то, как Клеопова живет, и очаровательный дворец, в котором она обитает»[183].

Особого рода отношения (возможно, более непосредственные и уж во всяком случае лишенные политической коннотации) связывают ее с братом Константином, письма к которому часто она пишет по-русски или с обилием русских вкраплений, позволяя себе тем самым бо̀льшую вольность стиля.

Николай становится для нее собеседником, пожалуй, с 1816–1817 гг., — в пору, когда и государственные и личные дела приводят его в Берлин, и тем самым в Веймар, — и Мария Павловна словно заново знакомится с братом, которого, покидая Россию, она знала еще мальчиком. Вначале она берет на себя отчасти роль его посредницы в отношениях с невестой, принцессой Шарлоттой Прусской, той самой

---

[182] *Коцебу А.* Записки // Цареубийство 11 марта 1801 года. Записки участников и современников. СПб., 1908. С.281

[183] Оригинал на русском языке: *Николай Михайлович, в. кн.* Переписка императора Александра I с сестрой, великой княгиней Екатериной Павловной. СПб., 1910.

вдовствующей императрицей Александрой Федоровной, о которой так много речи будет идти в письмах Одоевского, и которая в юности, оказывается, весьма смущалась пристрастием своего жениха к военным парадам. «Вы являетесь предметом большинства наших разговоров с Николя, который привязан к вам и думает о вас больше, чем посмел бы вам о том сказать; работая над собой и самосовершенствуясь, он пытается вселить в вас уверенность еще большего счастия; отныне воспоминание о вас неразделимо связано со всем, что он предпринимает <...> Нация аплодирует плану вашего союза....»[184]

Впоследствии, уже в период его царствования, она постоянно в разговорах и на деле защищает его от нападок, создавая, казалось бы, идеализированный образ брата, «великодушного и справедливого»[185].

«Бедный Николай» — так с явным сочувствием пишет она о нем в своих письмах и дневнике, считая, что «участь его очень печальна» с тех пор, как он занял «страшное место» того, о ком она будет «скорбеть до конца дней своих» (т.е. Александра). Примечательно, что именно в день 14 декабря 1825 г. Николай пишет ей письмо, как будто бы и задавшее образ «бедного Николая», подхваченный Марией Павловной впоследствии: «Моли Бога за меня, милая и добрая Мария! — Пожалей о несчастном брате, жертве Божественной воли и воли обоих братьев; — пока я мог пытаться избежать этой участи, я молил о том Провидение, и я делаю то, что диктуют мне мое

---

[184] Письма великой княгини Марии Павловны к Принцессе Шарлотте Прусской (вел. княгине Александре Федоровне) // ГАРФ. Коллекция документов Рукописного отделения библиотеки Зимнего дворца. Ф. 728. Оп. 1. Ед. хр. 981. Л. 2.

[185] Подробный анализ этих взаимоотношений см.: *Klein Viola.* Das Jahrhundert der Verleumdung...

сердце и мои обязанности. Константин, мой Император, отверг присягу, которую принесли ему я и вся Россия; я был *его подданным,* и я вынужден был подчиниться. Наш Ангел должен быть доволен, желание его исполнилось, каким бы горьким, каким бы ужасным оно ни было для меня. Моли Бога, повторяю тебе, за своего несчастного брата; ему необходимо это утешение, и оплакивай его! ___ Во имя Бога, не оставляйте меня; не оставляй меня, дорогая сестра, подумай о нашем общем положении; дорогая Мария... умоляю вас! --- да поддержит Господь мою мать в том, что ей осталось еще вынести!»[186]

Характерно также, что когда А.И. Тургенев, к которому Мария Павловна, как уже было сказано, относилась всегда с большой дружбой и уважением, сообщил ей, что брат его Николай собирается опубликовать во Франции работу о декабристах (имелась в виду «Россия и русские»), впервые Мария Павловна рассердилась и резко высказала ему, что считает это «предательством с его стороны»[187].

Впоследствии своему сыну Карлу Александру Мария Павловна постоянно внушала мысль о необходимости всегда придерживаться во внешней политике России, которая есть «самый надежный союзник» для великого герцогства Саксен-Веймар-Эйзенах, сама же она этот принцип и исповедовала[188] (так, во время революции в Веймаре 1848 г., когда возникла серьезная опасность того, что Веймарское

---

[186] ThHStAW HA A XXV. R 184.

[187] Дневниковая запись Марии Павловны от сентября 1842 г. (ThHStAW HA A XXV Tagebücher. Bd 12. Bl. 19`). См.: *Klein Viola.* Das Jahrhundert der Verleumdung... S. 185.

[188] См.: *Dmitrieva Katja.* Auf den Spuren von Carl Alexander in russischen Archiven // Lothar Ehrlich, Justus H. Ulbricht (Hg.). Carl Alexander von Sachsen-Weimar-Eisenach. Erbe, Mäzen und Politiker. Böhlau Verlag. Köln; Weimar; Wien, 2004. S. 247–262.

великое герцогство будет присоединено к Саксонии, она умоляла Николая сделать все возможное, чтобы «воспрепятствовать осуществлению этого замысла и защитить наш дом»[189]). В ее рабочей комнате присланный ей в подарок портрет Николая висел напротив портрета Петра Великого, символизируя тем самым преемственность, о которой однажды, как известно, написал и Пушкин.

Слегка перефразируя слова Екатерины II о семье своего сына, можно сказать, что, в сущности, это была дружная семейка[190], в которой все заботились друг о друге и где существовал почти религиозный культ семейных уз[191]. Лежавшие в его основе принципы верности и дружбы в более широком смысле определяли атмосферу времени их взросления[192]. Этим же объясняется и неоднократно повторенное в дневниках и письмах утверждение Марии Павловны, что Бог дал ей великое счастие иметь в своих братьях своих лучших друзей. К этому добавлялось еще и пожелание их матери, о котором Мария Павловна не раз вспоминает как о ее последней воле: чтобы ее дети, где бы они ни находились, всегда держались вместе, — то, что сама Мария Федоровна называла «собираться в пучок» («*former faisceau*»)[193].

---

[189] Письмо от 25 июля/6 августа 1848 г. (ThHStAW HA A XXV. R 185. Bl. 598`).

[190] «Вообще это довольно красивая семейка», — писала Екатерина Гримму 18 сентября 1790 г., описывая домашний концерт, в котором принимали участие все ее внуки (Письма императрицы Екатерины II к Гримму...).

[191] *Troyat Henry.* Nicolas Ier. Paris, 2000.

[192] *Вацуро В.Э., Виролайнен М.Н.* Письма Андрея Тургенева к Жуковскому // Жуковский и русская литература. Л., 1987. С. 350–353.

[193] Ср. письмо Марии Павловны Михаилу Павловичу от 10/22 января 1829 г. (ThHStAW HA A XXV. R 179. Bl. 56`).

Характерна в этом смысле запись А.И. Тургенева в дневнике: «В 12-м часу утра явился к великой княгине. В 2 часа прислала за мной карету, отдала письмо к императрице, говорила о России, об императоре со слезами. “Поведение братьев достойно незабвенного” — лучшего ни о ком сказать нельзя, и опять слезы блеснули в глазах ее. Поручила поклониться Карамзину, уверена, что он не переменился ни в чувствах, ни в образе мыслей. Вот что удержал в памяти, смотря на милые черты ее, изображающие глубокую горесть, ум и душу высокую!»[194]

Возможно, неслучайно и то, что народная легенда соединила ее имя с именами ее братьев, а ее отъезд в Германию уподобила схиме и отшельничеству. Потому что, согласно легенде, незадолго до появления Федора Кузьмича в Сибири в 1833 г., под Иркутском у мощей св. Иннокентия объявилась и Мария Павловна, велевшая народу поминать за здравие брата ее Михаила Павловича. Митрополиту Серафиму (Глаголевскому) тогда же было отправлено ее письмо: «Уведомляю Вас, что я жива и здорова; по Вашем святом благословении нахожусь во святой Сибири. Однако Вы, св. отец, благословили меня, только не знали, кого благословляете, чью дочь. А теперь я Вас уведомляю, что я была Государя Павла Петровича. Бог меня сотворил, а Государь меня родил Павел Петрович, вместе с маменькою моею любезною, а с его женою Государынею Мариею Федоровною в Зимнем дворце. Но я была у них на Божьем желании отдана и находилась в таких местах, что не могла открыть себя, чья я дочь, и принимала мучения со всех сторон.

Покорнейше Вас прошу, св. отец, уведомить также самого Государя о моем приключении, дабы он

---

[194] *Тургенев А.* Хроника русского. С. 426–427.

меня взял во дворец, знаю, что надобно быть теперь в Империи...»[195]

* * *

потребность хроники

Первые почти двадцать лет пребывания Марии Павловны в Веймаре ее переписка с матерью, которая отличалась предельной интенсивностью (они писали друг другу если не ежедневно, то почти через день, и с 1804 по 1827 гг. на каждый год приходится по объемному тому рукописных писем с каждой стороны)[196], а также с братьями и их женами удерживала Марию Павловну в курсе всех, как придворных, так и политических дел в России. Да и сама она в это время неоднократно и надолго приезжает в Россию[197], а кроме того, как мы уже видели, оказывается вовлечена не только в дела собственно веймарской, но также и большой русской политики.

Но уже и в это время наблюдается и у юной и потом уже не совсем юной Марии Павловны тяготение словно зафиксировать события утекающих лет: отсюда ее потребность в хронике, которую она создает сама и которую ожидает (или требует) от других. С самого приезда в Веймар в 1804 г. Мария Павловна очень много пишет («пока что переписка занимает у

---

[195] *Кубалов Б.* Сибирь и самозванцы // Сибирские огни. 1924. № 3. См. также: *Архангельский А.* Александр I. М., 2000. С. 476–477.

[196] ThHStAW HA A XXV. R 153–189.

[197] В Россию она в общей сложности за время своего веймарского житья ездила восемь раз: с июня 1808 г. по июнь 1809 г., с ноября 1815 г. по ноябрь 1816 г., с ноября 1821 г. по май 1822 г., с октября 1824 г. по август 1825 г., в мае–июле 1828 г., июне–сентябре 1841 г., июне–сентябре 1856 г.

меня почти все мое время»[198]). То же стремление максимально объективно, в той мере, в какой эта объективность ею понята, зафиксировать события культурной жизни Веймара и собственной культурной жизни прослеживается и в ее юношеских дневниках 1805–1808 гг. и 1813 г.[199]

Из России ей присылают не только дифирамбические стихи, но и информацию о текущих событиях: в ее архиве, в разделе «Русская корреспонденция» хранятся: «Историческое описание 14го декабря 1825 года и предшествовавших ему событий» (СПб., 1848), «Сообщение о польском восстании 1830–1831 г.», «О наводнении в Петербурге 1824 г.»[200] и проч.

Однако после смерти Марии Федоровны в 1827 г. для Марии Павловны, так привыкшей к почти ежедневному письменному разговору с матерью, образуется заметная лакуна, восполнить которую уже не может ни ее переписка с братьями, ни тем более с племянником (Александром II) и невестками. Своеобразной компенсацией этой потери выступают в это время для нее дневники, которые она вновь начинает вести, причем гораздо более подробным образом, чем это было в юности: с 1829 г. — и до конца жизни (всего сохранилось 23 объемных тома ее дневников).

Но параллельно ее потребность в информации из России теперь начинают восполнять специальные корреспонденты, которые с 1830-х гг. назначаются для нее при императорском дворе и в обязанность которых входит сообщать ей обо всем, что происходит в России — в жизни придворной, в экономике,

---

198 Письмо Марии Федоровне от 23 декабря/4 января 1805 г. (ThHStAW HA A XXV. R 153. Bl. 178).

199 Maria Pavlovna. Die frühen Tagebücher der Erbherzogin von Sachsen-Weimar-Eisenach.

200 ThHStAW HA A XXV. R 109, 111, 121.

политике, культуре. В разные периоды эти функции выполняли графиня Ливен, гофдама императрицы Юлия Баранова, граф Олсуфьев, граф Андрей Шувалов. Последним, как мы уже знаем, на кого была возложена подобная миссия, был В.Ф. Одоевский.

То, что данная миссия выпала именно на Одоевского, имело свою внутреннюю закономерность и в его творческой биографии.

Примечательно, что когда еще в 1838 г. Одоевский совместно с Краевским начал заниматься делами журнала «Отечественные записки», в разработанной им программе издания центральное место занял раздел «Современная хроника России». Именно этим разделом и открылся новый журнал, как о том сообщали «Литературные прибавления»: «Но первое место в сем журнале назначено будет тому, что ближе всего к сердцу русскому — известиям о текущих современных успехах России во всех направлениях жизни общественной, и в особенности об успехах ее в просвещении, о ходе нашей ученой и изящной литературы, о современном состоянии русского искусства и как опытной, так и рациональной промышленности»[201].

Идея создания современной истории России занимает Одоевского до последних дней — во всяком случае, незадолго до смерти он пишет письмо Александру II (осталось неотправленным), где испрашивает разрешения на продолжение труда Карамзина —

---

[201] См.: *Турьян М.А.* Странная моя судьба. С. 353. В свою очередь, этот проект восходил к еще более ранним совместным замыслам Пушкина и Одоевского создания «Современного летописца политики, наук и литературы, содержащего в себе обозрение достопримечательнейших происшествий в России и других государствах Европы...» (см. также: *Заборова Р.Б.* Неизданные статьи В.Ф. Одоевского о Пушкине // Пушкин. Исследования и материалы. Т. 1. М.; Л., 1956. С. 339–342).

написание истории России второй половины XIX в., ибо царствие Александра II считал он «началом новой эпохи России»[202].

Также и начатая им «по долгу службы» работа над семью томами «Материалов к биографии императора Николая I»[203] вписывается в то же желание создать хронику России, которая бы одновременно являлась бы и ее историей. Неслучайно, что именно Одоевскому уже после смерти Марии Павловны поручается (по-видимому, по воле Александра) написание ее биографии, — проект, к сожалению, не осуществленный, но сам по себе характерный[204]. Тем более, что задача, которую ставит перед собой Одоевский, — проанализировать роль Марии Павловны в новой исторической эпохе. С этим связано и следующее его соображение: «В то время, когда грозный переворот наполеоновской эпохи казался какимто странным, неестественным и скоропреходящим явлением, она поняла, что новая стихия созрела и развернулась в государственной жизни; что не признавать этой стихии значило быть жертвой ее неодолимой силы; не вводить этой новой величины в уравнение общественных задач — значило всегда ошибаться в окончательных выводах»[205].

---

[202] Русский архив. 1895. Т. 5. Кн. 2. С. 36–53. См. также: *Турьян М.А.* Странная моя судьба. С. 374.

[203] Там же. С. 374. Отчет Одоевского о работе см.: РГИА. Ф. 472. Оп. 35. Д. 5. Л. 168.

[204] Материалы к биографии опубликованы: *Сахаров В.И.* Царственная меценатка немецких Афин. С. 13. Хранятся: ОПИ ГИМ Ф. 445. Ед. хр. 200. Л. 1–11. В материалах использованы мемуары секретаря Марии Павловны Людвига Преллера, изданные им в 1859 г. под названием «Княжеская жизнь» (*Preller L.* Ein fürstliches Leben. 1859).

[205] *Сахаров В.И.* Царственная меценатка немецких Афин. С. 13.

* * *

1850-е годы

Конечно, та Мария Павловна, которую узнал Одоевский в 1856 г. и с которой не переставал общаться до ее смерти, была уже во многом другим человеком. Ее характер сильно изменился: та живость, непосредственность ее юношеских лет[206], на которую она жаловалась в письмах матери, которую замечали окружающие и которую она сама хотела смирить, казалось, окончательно ушла. О ней отчасти можно было сказать то, что некогда столь любимый Одоевским Э.Т.А. Гофман сказал о княгине из Зигхартсвейлера «Княгиня была от природы женщина с душой и сердцем, но странное, смешное и отвратительное чудовище, чье имя — этикет, как зловещий кошмар, сдавило ей грудь, и ни один вздох, ни одно внутреннее движение отныне не вырывалось наружу»[207].

Ее племянница, Ольга Николаевна, еще в 1840 г. вместе с родителями посетившая Мария Павловну в Веймаре, писала: «Мне она казалась воплощенным долгом. Замужем в течение тридцати пяти лет за смешным мужем, она никогда не знала слабости <…> Добрая, большая благотворительница, очень способная в делах финансового управления, она была пер-

[206] И сама Мария Павловна, приехав в Веймар, пишет матери: «...эта исключительная подвижность идей уже значительно уменьшилась с тех пор, как я себя знаю. <...> И у меня есть все основания писать Вам, что время меня успокоит и даст мне большую власть над собой, и в конце концов мне удастся справиться с излишней чувствительностью моего воображения» (письмо Марии Федоровне от 7 октября 1804 г. (ThHStAW. HA A XXV. R 153).

[207] *Гофман Э.Т.А.* Житейские воззрения Кота Мурра // *Гофман Э.Т.А.* Избранные произведения: В 3 т. Т. 3. М., 1962. С. 315.

вой, которая ввела в Германии ссудные кассы. С шести утра она уже писала, стоя у своего бюро в кабинете, вела все переговоры от имени великого герцога и старалась еще сохранить традицию Веймара как немецкого культурного Олимпа <...> Я восхищалась своей теткой, несмотря на то, что ее добродетель действовала на меня подавляюще»[208].

Также и Фарнгаген фон Энзе отмечал в своем «Дневнике»: «Никто не отзывается о ней дурно, но и хвалить ее, кроме меня, никто не хвалит. При стольких действительно отличных качествах и благих намерениях, при ее умении обращаться с людьми и ее оригинальном уме, такое равнодушие решительно трудно было понять. Сегодня я нашел ключ к этой загадке: герцогиня не очень увлекает разговором своих собеседников. Для нее было бы лучше, если бы она чаще не сдерживала своих чувств, дала волю симпатиям и антипатиям, пусть и несправедливым, — это, по крайней мере, оживило разговор и занимало бы всех»[209].

Что же касается последнего десятилетия в жизни Марии Павловны, то спокойным оно для нее как раз и не было, но скорее прошедшим, опять-таки, почти погофмановски, под знаком праздников и катастроф.

В 1853 г. в Веймаре шли празднества по поводу 25-летия ее и Карла Фридриха правления, которому официально приписывался статус «верного классическому наследию Веймара» и, несмотря на все внешние потрясения, — «стабильного». Однако в разгар торжеств, в ночь с 7 на 8 июля 1853 г. умирает Карл Фридрих. Ма-

---

[208] Сон юности: Записки дочери Императора Николая I, великой княжны Ольги Николаевны, королевы Вюртембергской. Париж, 1963. С. 122.

[209] *Varnhagen von Ense K.F.* Denkwürdigkeiten des eigenen Lebens. 2 Bde. Berlin, 1971. Bd. 2. S. 98.

рия Павловна, и в этом отношении следуя примеру Анны Амалии, тут же удаляется от государственных дел и передает бразды правления сыну Карлу Александру. Во исполнение брачного контракта она переезжает в свою «вдовию резиденцию» — бывшую летнюю резиденцию Бельведер, сохраняя при этом также право жить в герцогском дворце.

В дипломатических отношениях Веймара с Россией также наступают перемены: в Петербурге впервые, несколько дней спустя после смерти Карла Фридриха, открывается собственное представительство Веймара, официально — генеральное консульство великого герцогства Саксен-Веймар-Эйзенах (консул — Готтлиб Людвиг фон Гауф). Последнее, как полагают некоторые историки, было излишним в годы правления Марии Павловны, которая сама и была веймарским представительством в России, и все материалы все равно проходили через ее руки.

Несмотря на траур, Мария Павловна старается сохранить привычную деятельность: занимается попечениями в социальной области, культуре и искусстве, продолжает поддерживать промышленные, ремесленные, садоводческие и овощеводческие школы. Еще 8 июля 1854 г., в годовщину кончины Карла Фридриха, она основывает Дамский приют для незамужних дочерей чиновников дворянского и бюргерского происхождения, который разместился в замке Гросскромсдорф и получил название «Великогерцогского женского приюта имени Карла Фридриха».

В это время она много путешествует, проводит время у дочерей в Кобленце, но при этом продолжает заниматься и Патриотическим институтом, который основала еще в 1817, после окончания войны с Наполеоном, по образцу Патриотического института в Петербурге (в его финансировании она в итоге сумела добиться участия государства и промышленно-

сти, что обеспечивало баланс доходов и расходов; в 1850-е гг. он обладал уставным капиталом в 30 000 талеров, расходуя в основном свои средства на попечение о больных и обучение медицинского персонала). Как писал один из йенских профессоров Карл фон Хазе, «Великая Герцогиня Мария Павловна живет в Бельведере <…> Она сохраняет ум, достоинство, тонкость и в особенности честность. Как вдова она теперь не берет никаких денег от государства и удовлетворяется своими русскими доходами, ежегодно 130 000 приблизительно; излишки она отдает своим дочерям и особенно бедным; она дает и помогает во все концы»[210].

Следующий, 1854 г., проходит под знаком празднования пятидесятилетия ее приезда в Веймар. В адресе, переданном Йенским университетом в лице его тогдашнего проректора профессора Штикеля, отдается должное заслугам Марии Павловны в оснащении лабораторий университета, субсидировании минеральных собраний, равно как и поощрении научных талантов. В театре по поводу юбилея исполняется опера Глюка «Орфей», увертюру к которой специально по этому случаю написал Лист, а также вновь разыгрывается шиллеровское «Прославление искусств», музыку к которому также пишет Лист. И как знак особого внимания к имениннице исполняется опера Антона Рубинштейна «Сибирские охотники».

16 февраля 1855 г. Мария Павловна празднует свой день рождения (ей исполняется 69 лет), а несколько дней спустя узнает о смерти брата Николая. Коронация ее племянника Александра назначена на 26 августа 1856 г., и Мария Павловна, которой «по протоколу» полагалось на ней присутствовать, несмотря на свой преклонный возраст отправляется в

[210] Цит. по: *Jena Detlef.* Maria Pawlowna. S. 328.

путь. Сама она уже не была в России 15 лет, и с ее последнего путешествия на родину многое, естественно, изменилось. Впервые в русской истории русский император прибыл на коронацию в Москву по железной дороге. И все же контраст между аутократически-православной Россией и бюргерским Веймаром бросался в глаза. Однако Мария Павловна продолжала воспринимать эти два мира не раздельно, но в единстве. Об этом свидетельствовало и завещание, которое она составила вскоре после своего возвращения из России и которое начинала словами двойного благословения: «Я благословляю возлюбленную страну, в которой я жила, я благословляю также свое русское отечество, которое мне так дорого, и в особенности мою тамошнюю семью»[211]. В нем же она распоряжалась и о дальнейшем финансировании основанных ею учреждений. Своим детям она оставляла полмиллиона из своего русского приданого, которое за 50 лет она сумела приумножить, потратив его вместе с тем не только на собственные нужды. Сумму в две тысячи талеров (ежегодно) она завещала на организацию столовых для бедных в Веймаре и Эйзенахе (которые в своих письмах упоминает Одоевский — так называемые Suppenanstalten) и на поддержку рабочих школ для мальчиков. Заботу о женских объединениях и Патриотическом институте она завещала своей невестке великой герцогине Софии (той самой, при поддержке которой было выпущено первое полное собрание сочинений Гете (Sophienausgabe) и создан архив Шиллера и Гете, о котором так мечтал Лист). Она завещала также пристроить церковь «своей веры» к герцогской усыпальнице, где она хотела быть похороненной рядом со своим супругом.

---

[211] ThHStAW HA A XXV. Akten. Nr. 107. См. также: *Jena Detlef.* Maria Pawlowna. S. 343.

В сентябре 1857 г., когда отмечалось столетие ее свекра Карла Августа, она вместе с Одоевским присутствовала на торжественном закладывании ему памятника, а также на открытии двойного памятника друзьям своей юности — Гете и Шиллеру. В это же время в Веймаре (с 30 сентября по 4 октября 1857 г.) состоялся последний при ее жизни большой съезд коронованных особ: Александра II с Марией Александровной и австрийского императора Франца-Иосифа.

В 1858 г. Мария Павловна приняла участие в праздновании 300-летнего юбилея со дня официального основания Йенского университета, на которое приезжал и Одоевский.

16 июня 1859 г., посетив «женский приют имени Карла Фридриха», она простудилась. Семь дней спустя, 23 июня (11 июня по русскому стилю) ее не стало.

В Высочайшем манифесте от 12 июня, опубликованном в Санкт-Петербургских ведомостях[212], племянник ее Александр Николаевич, писал:

«Мы уверены, что все примут живейшее участие в печали, постигшей Императорский Дом Наш, и соединят теплые молитвы свои с Нашими о успокоении в Царстве Праведных души Ее, кроткой и добродетельной. Дан в Царском Селе. Июня 12-го дня в лето о Рожестве Христовом 185 девятое, Царствования же Нашего пятое».

В общем-то, это был тот редкий случай, когда слова о «добродетели» не были данью протоколу.

* * *

...странные сближения...

Конечно, публикуемые в этой книге письма не были письмами чиновника, пусть и некогда поэта, к

[212] Санкт-Петербургские ведомости. 1859. № 133. 12 июня.

отошедшей от дел и скучающей тетушке императора, составляемые по долгу службы. Но вместе с тем это и не были письма литератора, под стать тем, что советовал, например, писать П.А. Вяземский, не пренебрегая светскими сплетнями, в которых «общество так и выхаркивается»[213]. Нет, это были письма единомышленников, которых и личностно, и биографически, и идейно объединяло очень многое. Дополнительный интерес переписки Марии Павловны и Одоевского в том, что, будучи несомненным историческим памятником конца 50-х гг. XIX в. (то есть пореформенной России), они одновременно являются одним из последних отголосков великой классической эпохи: Одоевский, начинавший свою литературную деятельность под знаком немецкой идеалистической философии, испытавший на себе сильное влияние Гете, разговаривает с Марией Павловной, почитательницей, ученицей, «соратницей» Гете. Таким образом, переписка Одоевского с Марией Павловной — это, в определенном смысле, разговор двух старых «гетеанцев», происходящий уже в совершенно новую эпоху. Отсюда — энциклопедическая широта писем, их универсальный интерес не только к вопросам культуры или политики, но также земледелия, садоводства, биологии и других естественных наук — «в духе Гете».

Мы уже говорили о том, как под влиянием Гете произошло обращение к эмпирическим наукам у Марии Павловны в Веймаре. То же случилось и в далекой России, «заочно», у Одоевского («В этих землях лишь по милости Шеллинга и Гете сделались снисходительнее к французской и английской науке, о которой прежде, как о грубом эмпиризме, мы и слы-

---

[213] *Вяземский П.А.* Записные книжки. М., 1963.

шать не хотели»[214]). Поэтому когда в письмах 1858–1859 гг. Одоевский сообщает Марии Павловне о лекциях по ботанике, физиологии, химии и физике, то «большой» контекст этого разговора — и ее увлечение естественными науками под влиянием Гете и всей веймарско-йенской атмосферы, и собственное штудирование Одоевским, уже начиная с 1830-х гг., новейших трудов по химии, физике, естественным наукам, медицине, политической экономии, следы которого пронизывают мистический идеализм Одоевского элементами позитивного знания, заставляя его применять методы химии в историографии, а методы физики в музыке[215].

Укажем в этой связи как на любопытную типологическую параллель книге Одоевского «Опыт о музыкальном языке или телеграфе, могущем посредством звуков выражать то, что выражается словами и служит пособием для различных сигналов, употребляемых на море и на сухом пути» — беседу Марии Павловны с Гете, которую она записала в свой дневник: «Я когда-то видела в Петербурге человека, имевшего цветной клавесин, и который однажды продемонстрировал нам нечто, всех глубоко поразившее, что было воспринято как замечательное явление, демонстрирующее взаимосвязь музыкальных тонов и геометрии. У этого человека была круглая пластина из довольно плотного стекла, он насыпал на нее очень мелкую мраморную стружку и затем

---

[214] *Одоевский В.Ф.* Об энциклопедизме (из предисловия к несостоявшемуся второму изданию сочинений В.Ф. Одоевского) // *Одоевский В.Ф.* Избранные педагогические сочинения. М., 1955. С. 168.

[215] *Cornwell N.* The life, times and milieu of V.F. Odoyevsky. London, 1986. P. 75–90. См. также: *Фельдман Л.Г.* Гете-натуралист и развитие естествознания в России // Гете в русской культуре XX века. М., 2004. С. 306.

смычком проводил по краю пластины, извлекая из нее звук; если звук был верный, стружка принимала на пластине или диске чрезвычайно правильную геометрическую фигуру; если же звук был фальшивый, это сразу становилось заметно по фигуре, которая теряла правильность очертаний. Гете возразил мне, что невозможно доказать, что на самом деле за всем этим скрывалось, но что это явление легко продуцируется, если применить немного ловкости, и что он сам хотел мне его показать: все это зависит от способа вибрации стеклянной пластины в тот момент, когда смычок извлекает из нее звук; от вибрации, распространяющейся внутри и на поверхности пластины, возникает правильная фигура, манера держать в руках пластину также играет здесь большую роль»[216].

И в этой связи становится понятно, почему Одоевский посылает Марии Павловне свою статью «Хорное пение в Исаакиевском Соборе», где подробнейшим образом объясняются принципы дирижирования на обширном пространстве, где необходимы в первую очередь физические вычисления скорости звука и проч.[217]

Когда Одоевский в своих письмах пишет о чилиме и о Dioscorea batatas и с письмами посылает семена этих растений, то за этим стоит целая история земледельческих и садоводческих начинаний Марии Павловны в Веймаре — создание Общества поощрения земледелия, которое должно было способствовать поднятию сельскохозяйственной культуры в

---

[216] *Мария Павловна, великая княгиня.* Разные примечательные вещи... С. 190. То же: *Maria Pavlovna.* Die frühen Tagebücher. S. 55. Ср.: *Goethe.* Zur Farbenlehre // *Goethe J.W.* Werke. Hamburger Ausgabe in 14 Bänden. München, 1989. Bd. 13. S. 747–750.

[217] См. также: *Одоевский В.Ф.* Музыкально-литературное наследие. М., 1956.

герцогстве, открытие школы садоводства (Gartenbauschule) в Цветцене, забота об оранжерее в Бельведере, где выращивались самые разнообразные экзотические растения (семена одного из них были привезены А. Гумбольдтом из научной экпедиции в Бразилию, и в честь Марии Павловны дерево получило латинское название Paulovnia Imperialis). Так что слова грибоедовской комедии, отнесенные литературной молвой к молодому князю Одоевскому, — «Он химик, он ботаник! Князь Федор, мой племянник!» — вполне относимы и к его корреспонденту Марии Павловне.

Но, пожалуй, было две области деятельности, в которых интересы и устремления Одоевского и Марии Павловны наиболее совпадали — то были музыка и благотворительность. Собственно, как мы уже видели, более тесные деловые отношения и возникли первоначально между великой княгиней и Одоевским на почве благотворительности. Выше уже говорилось, какую роль сыграла благотворительная деятельность в жизни Одоевского, занимавшегося среди прочего учреждением школ для государственных крестьян, организацией детских приютов, ведавшего делами Патриотического Императорского женского Общества (Патриотического института), делами Общества посещения бедных и Комитета Крестовоздвиженской общины сестер милосердия, бывшего почетным опекуном Екатерининского института и председателем комиссии по управлению Максимилиановской лечебницы. О большинстве этих учреждений идет речь на страницах его писем-донесений к Марии Павловне.

Но и сама Мария Павловна, с детства имевшая перед своими глазами пример матери (Марии Федоровны), основавшей и поддерживавшей целую сеть благотворительных учреждений (знаменитые институты

«Ведомства императрицы Марии»), считала благотворительную деятельность чуть ли не центральной в своей жизни — и в ту пору, когда она еще была наследной герцогиней Саксен-Веймарской (1804–1828), и в пору своего правления (1828–1854), и став вдовствующей герцогиней-матерью (1854–1858). Чтобы поощрить к благотворительной деятельности других, она создавала «ссудные кассы» для «вспоможения бедным» (интересно, что в дневнике Одоевского за 1857 г. мы также находим «Проект благотворительного ссудного банка»[218]). И при этом постоянно интересовалась практикой благотворительных учреждений в других странах Европы. Так, после общения в 1829 г. с А.И. Тургеневым, она записывает в дневник: «Расспрашивала долго и по нескольку раз г. Александра Тургенева, Государственного советника России, о благотворительных учреждениях, которые он видел в Лондоне и Париже: английские имеют большой размах как по высоко поставленной цели, так и по обилию средств...»[219]. А в 1836 г., после нового общения с ним, выписывает цитату из рекомендованной ей Тургеневым книги: «“настоящее счастье лишь в любви к добродетели”... мне кажется, лучше нельзя выразить причин чтения, касательно благотворительности»[220].

Как писал Фердинанд Соре: «Об общественном благополучии печется здесь только великогерцогская семья; остальные либо слишком бедны, либо слишком эгоисты»[221].

---

[218] НПБ. Ф. 539. Оп. 1. Перепл. 19. № 1. Л. 199.

[219] Дневниковая запись мая 1829 г. (ThHStAW HA A XXV. Tagebücher, Bd. 1. Bl. 32).

[220] Дневниковая запись июня 1836 г. (ThHStAW HA A XXV. Tagebücher, Bd. 4. Bl. 109).

[221] *Soret F.* Zehn Jahre bei Goethe. Erinnerungen an Weimars klassische Zeit. 1822–1832. Leipzig, 1929. S. 104.

В сущности, Одоевский и Мария Павловна, оба страстные меломаны[222], умели примирять свои две страсти — к музыке и благотворительности — сходным образом, организуя благотворительные концерты для — и в пользу — детских приютов, к которым привлекались известные музыканты. Оба — каждый в меру своих возможностей — сами поддерживали музыкантов. Одоевский — А.С. Даргомыжского, А.Г. Рубинштейна, М.А. Балакирева, А.Н. Серова; Мария Павловна — Вагнера[223], Шумана, Брамса, Рубинштейна, Ганса фон Бюлова, Берлиоза (ей посвящен «Бенвенуто Челлини»), — и конечно же, Листа, которому на некоторое время удалось превратить Веймар в центр новой музыкальной культуры в Германии[224]. И, несмотря на позднейший разлад и разрыв если не с Марией Павловной, то с Веймаром[225], уже в 1882 г. он писал Лине Раман, что в тяжелые для него годы «великая княгиня была единственным человеком, способным понять мои идеи и милостиво их поддер-

---

[222] В герцогском замке и в Бельведере в распоряжении Марии Павловны находились специальные музыкальные комнаты, и даже в преклонных летах она постоянно упражнялась в игре на фортепиано.

[223] Когда Вагнера за участие в революции 1848 года изгнали из Дрездена, герцогская семья попыталась за него вступиться (см.: Записки Марфы Степановны Сабининой (1841–1860) // РА. 1900. № 6. С. 109). Тот факт, что Вагнер после этого скрывался в деревне Магдалена в Альтенбурге, также был известен великогерцогской семье, которая однако не подавала о том виду.

[224] Характерно, что большинство из перечисленных здесь музыкантов во время своих гастролей в Петербурге посетили Одоевского (Роберт и Клара Шуман, Лист, Берлиоз, Вагнер).

[225] После освистания веймарской публикой постановки его оперы «Багдадский цирюльник» в 1858 г. Лист сложил с себя полномочия придворного капельмейстера, обвинив веймарскую публику в «неспособности к восприятию великого».

живала»[226]. Для самой же Марии Павловны присутствие в Веймаре Листа означало еще и осуществление самой ее «романтической» мысли — продолжить традиции «классического Веймара», каким он был при Карле Августе, ее свекре, в ту пору, когда она только приехала сюда, — но уже не через литературу, а через музыку.

И, как в свое время Одоевский в России вступил в борьбу за Бетховена в противовес легкой итальянской музыке, так и Мария Павловна помогает Листу в 1850 г. осуществить постановку Вагнеровского «Лоэнгрина». И это — в то время, когда вагнеровская музыка всеми еще воспринимается как «безумная и отвратительная» (понимая, что постановке грозит пустой зал, Мария Павловна сама скупила билеты и раздала их своим приближенным, повелев им присутствовать на премьере).

Во всяком случае, и для того и для другого характер исполняемой музыки всегда оставался одним из общественных термометров и имел не только чисто эстетическую, но и нравственную сверхзадачу. В своем дневнике 1 декабря 1862 г. Одоевский писал: «если я по мере сил содействую прогрессу музыки в нашей стране, то это потому, что долгие наблюдения убедили меня, что помимо того, что она является искусством, музыка — мощное нравственное и умиротворяющее средство, отвлекающее от стремления к переменам»[227].

* * *

Легитимизм и либерализм

В самих личностях Марии Павловны и Одоевского, столь, казалось бы, различных и по воспитанию,

---

[226] См.: *Jena Detlef.* Maria Pawlowna. S. 310.
[227] Текущая хроника и особые происшествия. С. 162.

и по социальному положению, было нечто поразительно их объединяющее — то, что можно было бы определить как редкое сочетание либерализма и легитимизма — духовный аристократизм, проистекающий из глубокого чувства ответственности.

Мы уже говорили об одушевлявшей Одоевского на протяжении многих лет идее служения общественному благу, сочетавшейся у него с монархизмом и определенной консервативностью взглядов, о его видении крестьянской реформы в том числе и как гарантии от революционных потрясений. «Сохраним нашу старую добрую веру, полную миротворения и поэзии, сохраним нашу преданность царю сему, святому залогу русского единства и земской целости, не переймем у иностранцев ни их гражданского безумия, ни смут, ни раздора» — писал он[228].

И когда славянофилы пытаются обвинить Одоевского в отсутствии патриотизма, он пишет Хомякову: «Странная моя судьба, для вас я западный прогрессист, для Петербурга — отъявленный старовер-мистик: это меня радует, ибо служит признаком, что я именно на том узком пути, который один ведет к истине»[229].

Та же двойственность отличала и Марию Павловну. Как писала о ней уже в ее качестве великой герцогини придворная дама Жени фон Паппенхейм: «В своем новом положении Мария Павловна чувствововала себя высоко поднятой и ответственной только перед Богом. В отношении самой себя она была смиренна и лишена каких бы то ни было претензий; вся ее жизнь, все ее труды и дни сосредотачивались в герцогской обязанности благодетельствования. В отношении себя она была очень строга: каж-

---

[228] Цит. по: *Цехновицер О.* Силуэт. С. 38.

[229] Цит. по: *Голубева О.Д.* В.Ф. Одоевский. С. 87.

дый час ее до изнеможения заполненного дня имел своей целью благодеяние или долг...»[230]

Эту же установку Мария Павловна реализовала и в воспитании сына: принц должен уметь властвовать над своими слабостями, его добродетели должны быть выше, чем добродетели других, иначе никогда не будут уважать его власть и склоняться перед ней. Никогда не ставя свою социальную роль под сомнение, она считала, что та должна соединяться с духовным либерализмом, включающим в себя также и чувство ответственности, и признание прав других людей[231].

Именно эта позиция заставляет ее вместе с мужем, великим герцогом Карлом Фридрихом, в кризисные годы, в самый разгар событий августа 1848 г., которые она в своем дневнике называла «нравственной холерой», родом одержимости, порождающей одно лишь зло, встать на путь реформ, предоставить требуемые народом права, из династического чувства ответственности взять на себя всевозможные обязательства.

В этом же смысле и ее сын Карл Александр, уже ставший великим герцогом, пишет в 1855 г. своему другу Лео Хенкелю: «Понятие двора, само по себе, в высшей степени благородно. Что ты ненавидишь, что мы все ненавидим — это придворное; оно есть карикатура на первое»[232]. Слова, в которых явно слышатся интонации Марии Павловны.

---

230 Цит. по: *Jena Detlef.* Maria Pawlowna. S. 258.

231 См. подробнее: *Pöthe Angelika.* Carl Alexander. Mäzen in Weimars «Silberner Zeit». Böhler Verlag. Köln; Weimar; Wien, 1998. S. 54.

232 Письмо от 21 сентября 1855 г. См.: *Pöthe Angelika.* Carl Alexander. S. 67.

* * *

Вместо заключения

В своем дневнике Одоевский как-то записал: «Судьба нашего отечества состоит, кажется, в том, что его никогда не будут понимать иностранцы»[233].

Та же мысль — о непонимании России, точнее, неправильном понимании России Европой, пронизывает и его письма Марии Павловне: «иностранец самый правдивый, самый добросовестный, самый ученый — никогда не поймет России...», «...иностранцы мерят все русские события на свой масштаб, руководствуясь своею теориею, своими этнографическими наблюдениями — или мерят нас на масштаб Азиатский; но наш масштаб ни Западно-Европейский, ни Азиатский, но *свой»,* «...дело трудно и не может быть совершено быстро (как требуют иностранные газеты)», «в Московском университете было небольшое происшествие, которое вероятно преувеличат иностранные журналы» и т.д.

Следует ли говорить, что возмущение тем предубеждением, которое Европа испытывала в отношении к России, ее непониманием России — явление, достаточно распространенное уже с 1830-х гг. Так, В.А. Соллогуб пишет о заграничных впечатлениях своего героя в романе «Тарантас»: «Каждый день выходили в печати глупейшие насчет России брошюры и книги, написанные с какой-то лакейской досадой и ровно ничего не доказывающие, кроме бездарности писателей и опасений Европы»[234]. Мельгунов, послав статью в «Blätter für literarische Unterhaltung», поясняет в письме к Одоевскому: «Это статья полемическая, против немцев, в пользу Рос-

---

[233] Текущая хроника и особые происшествия. С. 112.
[234] *Соллогуб В.* Повести и рассказы. М.; Л., 1962. С. 262.

сии и русской литературы». О том же размышляет Герцен в дневнике 1844 г.[235]

Что касается Марии Павловны, то она наблюдала за ситуацией изнутри. Для нее все усугублялось еще и тем, что всякий дурной отзыв о России, видение в ней воплощения деспотии и варварства — что действительно стало общим местом немецкой прессы особенно после подавления польского восстания в 1830 г.[236], — воспринимались ею очень лично — как критика ее семьи, резкая и несправедливая.

Примечательно при этом, что еще в начале 1840-х гг. — в своих дневниках — она разрабатывает для своего сына Карла Александра аргументацию против европейских критиков России: Россию из-за ее гигантских расстояний вообще невозможно сравнивать с другими европейскими странами, к ней нужно применять совершенно иные масштабы, такая гигантская страна должна следовать собственной логике развития, и ее культура не должна основываться на иностранных заимствованиях и чуждых ей формах[237]. Аргументация, которая, как мы видим, почти до смеш-

---

[235] См.: *Данилевский Р.Ю.* Молодая Германия и русская литература. Л., 1969. С. 124; см. также: *Webber Mark J.* Distanz und Kritik. Das Rußlandbild der Jungdeutschen // Mechthild Keller (Hg.) West-Östliche Spiegelungen, Reihe A. Bd. 3: Russen und Rußland aus deutscher Sicht. 19. Jahrhundert: Von der Jahrhundertwende bis zur Reichsgründung (1800–1871). München, 1992. S. 590–618; *Pape Walter.* Eispalast der Despotie. Russen- und Rußlandbilder in der politischen Lyrik des Vormärz (1830–1848) // Ibid. S. 435–472.

[236] См.: *Потапенко О.А.* Общественная мысль Германии о николаевской России (1830–1850-е гг.) // Проблемы изучения памятников духовной и материальной культуры. М., 2000. Вып. 2. С. 59–65.

[237] Запись в дневнике ноября 1841 г. (ThHStAW HA A XXV. Tagebücher. Bd. 10. Bl. 13). См. об этом: *Klein Viola.* Das Jahrhundert der Verleumdung. S. 189.

ного совпадает с теми объяснениями сложности внедрения в России крестьянской реформы, которые ей предложит почти двадцать лет спустя Одоевский.

И здесь, наверное, следует обратить внимание на два момента. Как человек, воспитанный на просветительских идеалах, она видит основной источник беды в отсутствии информации (и здесь ее точка зрения полностью совпадает с Одоевским). В ее дневниках 1840–1850-х гг. постоянно мелькают размышления о незнании России, о которой «столько глупостей написано в наши дни», — а между тем она уверена, что оценка и открытие России Европой служит интересам всех здравомыслящих людей («*esprits bien faits*»).

Ее собственное противодействие клевете, распространяющейся о России, заключается прежде всего в активно проводимой ею в своем герцогстве Саксен-Веймар-Эйзенах политике приобретения и распространения научных отчетов о путешествиях по России, литературных описаний России, географических карт и данных научной статистики (что составляет основную массу ее «книжной закупочной политики»[238]).

Но одновременно она считает необходимым и самой активно вмешиваться в процесс. Еще в царствование Николая, жалуясь на «обязательную ложь газет», которую «мы должны проглатывать», поскольку «ложная информация приходит всегда быстрее, чем полная и истинная правда», — она одновременно призывает брата не давать колебаться общественному мнению, но «направлять его в нужное русло». Сама же она штудирует европейскую прессу — на предмет клеветы в адрес России, которую ее брату следует опровергать.

Так что, когда Одоевский пишет: «несомненно, что наш народ *чует* ЦАРЯ; ВАШЕМУ ИМПЕРАТОР-

---

[238] *Klein Viola.* Maria Pawlowna und die Bücher. S. 245–255.

СКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ будет понятно это выражение, но его трудно было бы объяснить иностранцам <...> Может быть, собравшись с силами, я постараюсь объяснить эту точку зрения для Немецких журналов...», — он словно вольно или невольно продолжает ту политику посредничества между Россией и Европой, которая занимала такое большое место в деятельности Марии Павловны.

И здесь мы подходим к вопросу, который был сформулирован в начале: действительно ли сам Одоевский так радужно смотрит на происходящие в России перемены, как он то излагает в письмах Марии Павловне, словно оставляя за скобками все возможные сомнения, размышления pro и contra и т.д.

Аналогичным вопросом можно задаться и в отношении Марии Павловны: действительно ли при ее несомненном уме и внутренней честности — о которой, как мы видели, писали люди очень разные — она считала ложью и клеветой всю ту критику, которая появлялась в Германии относительно ее брата Николая? Как показывает исследовательница, эта попытка Марии Павловны, доходящая «почти до паранойи», изобразить Николая как великодушного и рассудительного властителя, — при том, что отдельные ее замечания, в особенности, в дневниках, свидетельствуют о случающемся несогласии с отдельными акциями Николая — имеет политическое измерение. За ней — желание представить русского государя и в глазах общественного мнения, и — что не менее важно — в своих собственных глазах, а также и в *его* глазах, не таким, *каков он есть*, но каким он *должен быть* и каким он *мог бы быть*. И тем самым этически воздействовать идеализированной картиной и на него самого[239].

---

[239] *Klein Viola.* Das Jahrhundert der Verleumdung. S. 189.

Можно предположить, что аналогичный механизм был присущ и освещению Одоевским судеб современной России в письмах Марии Павловне, где, перефразируя слова поэта, стоило стереть «случайные черты»[240], чтобы увидеть величие происходящих процессов, и в первую очередь подготавливаемой крестьянской реформы. Тем более, что крепостное право всегда было и для Марии Павловны, и для Одоевского важнейшей проблемой как государственного строя, так и государственного имиджа России в Европе. И неслучайно оба они были в том числе детьми и аристократической маскарадной культуры, основным принципом которой является, как известно, «не столько то, что есть, но то, что хочется»[241].

---

[240] О том, что он все же видел эти «случайные черты», свидетельствует его участие два года спустя (в 1860 г.) в газетной кампании против злоупотреблений Волжско-Донского акционерного общества, о котором он с энтузиазмом писал в своих письмах 1859 г. (статья «Еще несколько слов о Волжско-Донской дороге», опубл.: Санкт-Петербургские ведомости. 1860. 4 дек.). Ср. проницательно-скептическую позицию Марии Павловны еще в 1859 г.: «Я не могу еще удостовериться в пользе столь многих Акционерных Компаний, согласна, что многие из них весьма [созданы и будут полезны] могут быть полезны; но опасаюсь, что большое число оных основано только на то, чтоб разбогатеть как можно скорее, и тем не очень надежны, я рада буду, если окажется противное».

[241] Этим, в частности, объясняется и то место, которое Одоевский в своих письмах Марии Павловне уделяет описаниям петербургских маскарадов и даже своему участию в них, казалось бы, уже несоразмерному его возрасту. О «семантике» придворных маскарадов и маскарадных шествий в Веймаре, которые, в частности, организовывал Гете, см.: *Keller M.* Goethe und Rußland. S. 603.

О Марии Павловне в Германии говорят, что ей, как никому другому, удалось соединить русскую бюрократию с саксонским порядком[242]. И в этом верная ученица Гете, она сама предельно серьезно отнеслась к своему наследию и в последнее десятилетие своей жизни создала специальную канцелярию по обработке материалов собственного архива, которые до сих пор сохраняются в Государственном архиве Тюрингии в установленном ею порядке.

При этом в своем завещании она написала: «Я желаю, чтобы письма еще ныне здравствующих людей были им возвращены, остальные же сожжены; тем не менее я даю своему сыну право их просмотреть, и в случае, если в них найдется что-то важное или интересное для Дома, он может их сохранить». Вместе с тем она строжайше повелевала, чтобы «никогда, ни сейчас ни после, эти бумаги не подлежали публикованию, и потому должно быть составлено семейное предписание, чтобы этого никогда не произошло»[243].

В соответствии с данным предписанием сын Марии Павловны Карл Александр 17 марта 1872 г. издал указ, согласно которому «все письма и бумаги, написанные Марией Павловной и ей адресованные, ни в коем случае не подлежат публикованию».

В 1894 г. по распоряжению Карла Александра наследие Марии Павловны, в целях лучшей сохранности, было передано в Тайный Главный Государственный архив, но при этом оставалось, вплоть до

---

[242] *Jena Detlef.* Maria Pawlowna. Grossherzogin an Weimars Musenhof. S. 343.

[243] *Richter Gregor.* Der Nachlass der Großherzogin Maria Pawlowna im Thüringischen Landeshauptarchiv Weimar // Archivalische Zeitschrift. Bd. 58. Böhlau Verlag. Köln; Graz, 1962. S. 121–128.

1949 г., в ведении герцогского дома. И хотя формально указ 1872 г. отменен не был, материалы фонда Марии Павловны стали открыты для исследователей и публикаторов с конца 1950-х гг.

В настоящем издании письма В.Ф. Одоевского и великой герцогини Саксен-Веймар-Эйзенах Марии Павловны публикуются по автографам и авторизованным копиям, хранящимся в Великогерцогском домашнем архиве (Großherzogliches Hausarchiv) Главного государственного архива Тюрингии в Веймаре (Thüringisches Hauptstaatsarchiv Weimar), фонд «Русская корреспонденция Марии Павловны» (Maria Pawlowna Russische Korrespondenzen, HA A XXV. R 126).

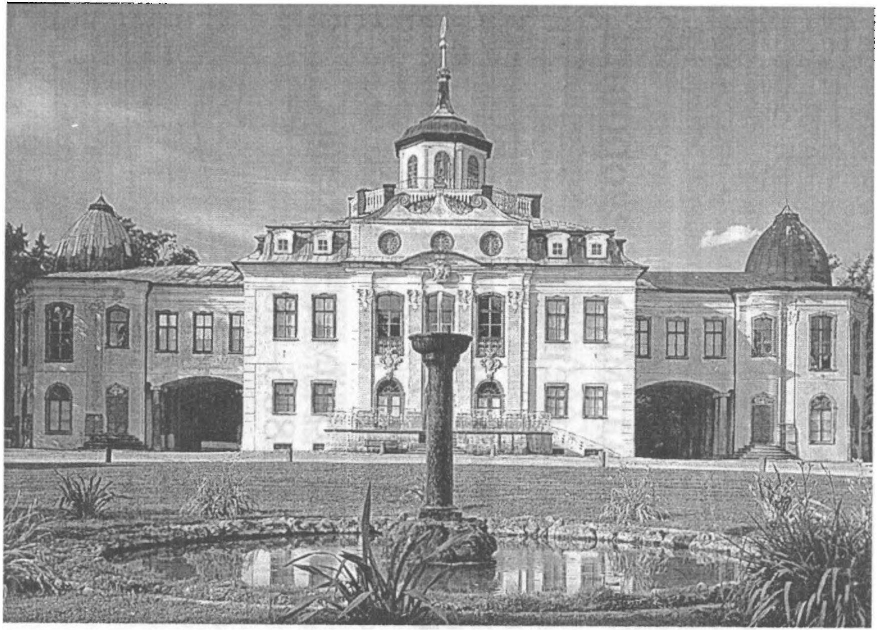
В отдельных случаях в подстрочных примечаниях к письмам приводятся не вошедшие в окончательный текст фрагменты черновых автографов и писарских копий с правкой Одоевского, хранящиеся в Национальной публичной библиотеке Петербурга, в фонде Одоевского (НПБ. Ф. 539. Оп. 1. № 14).

Местонахождение каждого письма и источник публикации указываются в примечаниях. Квадратными скобками обозначаются вычеркнутые автором места.

Екатерина Дмитриева

Князь Владимир Федорович Одоевский

Переписка с великой княгиней Марией Павловной, великой герцогиней Саксен-Веймар-Эйхенах (1856–1859)

Летняя резиденция герцогов Саксен-Веймар-Эйзенах Бельведер

* * *

Дейст. Ст. Сов. и Камергеру
Князю В.Ф. Одоевскому
в С. Петербург[1]

Князь Владимир Федорович!

Случайно узнав нежданное и печальное для меня известие о кончине старого служителя Матери моей Тайного Советника Николая Петровича Новосильцева[2], заведывающего делами моими касательно пенсий и единовременных пособий, оказываемых мною в России, на который предмет и отпускается из сумм моих, обращающихся в С. Петербургской Сохранной Казне, ежегодно нужная сумма (по 428 р. 57 к. серебр.), прошу Вас сделать мне одолжение принять от наследников Новосильцева все дела, касающиеся по сей части, и если многочисленные Ваши занятия Вам это позволят, то я весьма желала бы, чтобы Вы и впредь приняли на себя труд заведовать делами моими по сему предмету. Вы можете быть уверены, что мне будет весьма приятно, если Вы не откажете мне в моей просьбе, имев в последнем моем присутствии в России неоднократно случай пользоваться опытностию Вашею в делах и ценить вполне аккуратность, с коею Вы исполняли все возложенные на Вас поручения[3].

Между тем я с удовольствием возобновляю уверение совершенного уважения, с каковым пребываю.

Вам доброжелательная

Веймар 17/29 Октября 1856.

* * *

ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО![4]

Имев счастие получить милостивый рескрипт ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЫСОЧЕСТВА от 17/29 Октября, я поспешил принять надлежащие меры для исполнения Вашей воли.

Сего 1 Ноября Г. Министр ИМПЕРАТОРСКОГО ДВОРА Граф Адлерберг[5] официальным отношением на имя Г. Директора ИМПЕРАТОРСКОЙ Публичной Библиотеки Барона Корфа[6] уведомил, что ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОР ВСЕМИЛОСТИВЕЙШЕ соизволил на принятие мною дел о пенсиях и пособиях, бывших в заведывании Н.П. Новосильцева. Вследствие сего я немедленно вошел в сношения с Ст. Сов. Гаммером, у которого находятся означенные дела.

Отправляясь на сих днях, с ВЫСОЧАЙШЕГО разрешения, за границу, временно, для излечения от болезни, я буду иметь счастие в конце сего Ноября с. г. лично представить ВАШЕМУ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ в Веймаре как о сих делах, так и о всех поручениях, коими ВАШЕМУ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ благоугодно было меня доныне удостоить; я оставлю Петербург не прежде как по приведении в совершенную известность и надлежащий порядок дел ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЫСОЧЕСТВА, находившихся у Н.П. Новосильцева.

Осмеливаюсь присовокупить, что ящик с растениями от ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЫСОЧЕСТВА отправлен мною в Московское Общество Любителей Садоводства тотчас по получении, при чем приняты были мною все предосторожности, дабы предохранить растения от холода; но не знаю, до какой степени сии меры окажутся действительными, ибо морозы здесь начались рано и сильно.

Позвольте мне повергнуть к стопам Вашим мою глубочайшую благодарность как за милости, коими я был взыскан ВАШИМ ИМПЕРАТОРСКИМ ВЫСОЧЕСТВОМ во время пребывания ВАШЕГО в России, так и за ту высокую доверенность, которою ВАМ благоугодно меня ныне удостоить. Служить ВАМ вменяю я себе в высочайшее счастие и смею уверить ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО, что к делам ВАШИМ я приложу и сердце и все мое разумение.

С глубочайшим благоговением и совершенною преданностию имею счастие быть ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЫСОЧЕСТВА

Всеусерднейшим слугою
Кн. В. Одоевский
7 Ноября 1856.

* * *

A S. Ex. Mr. le Prince Odoevsky
à St. Pétersbourg
Weimar le 18/30 Novembre 1856[7]

Mon Prince,

Mme la Gd Duchesse Maria Pavlovna ayant appris [que Vous étiez indisposé] que vous avez l`intention d`aller à l`étranger à cause de Votre santé, a daigné me charger de Vous demander, en cas que cette nouvelle se confirme, si vous pouviez proposer a S. A. I. une personne qui voudra bien se charger pendant votre absence des affaires concernant ce payement des pensions et secours temporaires que S. A. I. accorde à plusieurs personnes en Russie. Affaires dont la direction a été confié jusqu`à présent à feu Mr de Novosiltsev.

Mme la Grande Duchesse n`ayant pas reçu jusqu`à présent de réponse à Sa lettre en date du 17/29 Octobre dernier, m`a chargé en meme tems de Vous demander si

cette lettre Vous est parvenue dans son tems, en cas contraire veuillez bien la faire réclamer à la poste et [Lui] donner un mot de reponse à S. A. I.

V.Ex. m`obligera également en voulant bien m`informer, si une caisse avec des plantes de fraises que j`ai eu l`honneur d`expédier à Votre adresse le 4/16 Octobre dernier, Vous a été remise.

En vous priant, mon Prince, de présenter mes respects à Mme la Princesse, veuillez agréer l`hommage de ma considération la plus distingée*.

* * *

ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО![8]

Повергая к стопам ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЫСОЧЕСТВА ведомость за минувший 1856 год, о

---

* *Его Превосх. Князю Одоевскому*
в Санкт-Петербурге
Веймар 18/30 ноября 1856.

Князь, Великая Княгиня Мария Павловна, узнав [о Вашем недомогании] о том, что Вы собираетесь за границу по причине Вашего нездоровья, поручила мне, в случае, если эта новость подтвердится, спросить Вас, не сможете ли Вы предложить Ее Императорскому Высочеству человека, который в Ваше отсутствие мог бы заняться делами пенсий и временных вспомоществований, которые Е. И. В. многим назначает в России и заведывание которыми до сих пор поручено было покойному г-ну Новосильцеву.

Великая Княгиня, не получив до сих пор ответа на Свое письмо от 17/29 октября, поручила мне в то же время спросить Вас, дошло ли своевременно до Вас это письмо, в противном случае соблаговолите осведомиться о нем на почте и написать [Ей] несколько строк в ответ Е. И. В.

В. Превосх. также весьма обяжет меня сообщением о том, был ли вручен Вам ящик с рассадой клубники, который я имел честь переслать на Ваш адрес 4/16 октября.

Кланяйтесь, Князь, от меня Княгине, и примите уверения совершеннейшего почтения (*франц.)*.

сумме 428 рублей 56 копеек серебром, от щедрот ВАШЕГО ВЫСОЧЕСТВА, для выдачи пенсий и пособий пожалованной[9],

с глубочайшим благоговением имею счастие быть

ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЫСОЧЕСТВА
Всепреданнейший слуга
Князь В. Одоевский
С.Петербург
Января 9го дня
1857 года.

* * *

Действ. Ст. Сов. Князю В.Ф. Одоевскому в Ницце[10]

Князь Владимир Федорович!

Получив ныне одобрение от ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА о назначении Моем «почетным Членом Российского Общества Любителей садоводства в Москве, я спешу Вас о сем уведомить, зная участие, которое Вы принимали по сему делу. Я надеюсь, что Вы прибыли с Вашею супругою[11] благополучно в Ниццу, и желая Вам обоим всякого благополучия, прошу Вас принять уверение особенного уважения, с каковым пребываю Вам доброжелательная

опробовано
Веймар
3/15 Марта 1857.

* * *

Madame,[12]

Arrivés à Nice, nous n`avons pas osé importuner VOTRE ALTESSE IMPERIALE par une missive directe, ne sachant au juste rien sur ce qui pourrait particulièrement

intéresser VOTRE ALTESSE IMPERIALE, je me suis borné à écrire à Mr le Baron de Filzthum, par l'entremise de notre compatriote Mr de Boulitschen (partant de Paris pour Weymar) pour nous mettre à Vos pieds et Vous exprimer tous les sentiments de reconnaissance et de sincère devouement dont nous sommes pénétrés pour VOTRE ALTESSE IMPERIALE; je ne sais si Mr le Bn de Filtzthum a déjà cette lettre en mains.

Nous avons reçu ici l'accueil le plus gracieux de la part de SA MAJESTE L'IMPERATRICE[13] qui a daigné plusieurs fois nous faire l'honneur de nous inviter chez Elle pour les diners et soirées, et a bien voulu nous témoigner, à moi et à ma femme, une grâce toute particulière, que nous ne pouvons attribuer qu'aux bonnes paroles de VOTRE ALTESSE IMPERIALE en notre faveur, qui nous imposent un nouveau devoir de gratitude envers VOUS, MADAME, à ajouter à tous les autres que nous avons contracté envers VOTRE AUGUSTE PERSONNE.

Sa MAJESTE parait jouir ici de la meilleure santé, du moins depuis longtemps je ne L'ai vu aussi forte et aussi causante, SA MAJESTE fait de longues promenades en voiture et à pieds, et reçoit du monde le jour meme. Que le bon Dieu veuille à ce que ce mieux se soutient.

Jusqu'à présent rien n'était décidé, mais à l'heure qu'il est, le depart de SA MAJESTE paraît definitivement fixé au 11 Avril nouv. st.[14]; l'IMPERATRICE SERA a ce qu'on dit, accompagnée par Mme La Gde Dsse OLGA[15] et par Mr le Gr Duc CONSTANTIN, qui nous a quitté il y a quelques jours pour faire la tournée des ports de la Méditerranée[16] et qui doit revenir aujourd'hui, je pense. Ensuite il est question d'un voyage de SA MAJESTE à Wiesbaden, où Mde la Gde Dsse HELENE[17] irait la rejoindre à la mi-Juin. Voila les *ont-dit* que j'ai pu recueillir en menant ici une vie très retirée pour soigner ma santé, et que j'ose porter à la connaissance de VOTRE ALTESSE IMPERIALE, sans les garantir.

Nous avons été assez heureux pour trouver une délicieuse villa (Villa Debray), et à très bon marché, dans la proximité de la Villa Bermond[18], occupée par S. A. I. Mme la Gde Dsse HELENE, que nous avons le bonheur de voir journellement. Le beau tems dont nous jouissons ici parait avoir mis un terme à ses souffrances, du moins, son terrible paroxysme de nevralgie, grâce à Dieu, ne se renouvelle pas depuis quelque tems. SON ALTESSE IMPERIALE ne se plaint pas que d'un peu de faiblesse, peut-être occasionnée par le traitement médical qu'Elle continue encore; au reste ce n'est que depuis quelques jours que Mme la Gde Dsse s'est hasardée de se promener à pieds, car malgré le soleil et des pluies chaudes très rares, il nous arrive de tems en tems des raffales de vent qui ne peuvent convenir au genre de maladie de S. A. I.

Fort de l'intérêt que VOTRE ALTESSE IMPERIALE daigne porter à ma chétive personne, je prends la hardiesse d'ajouter que quoique je n'ai pas encore commencé ma cure, je me sens complètement rajeuni; l'air seul d'ici me fait un bien infini; voila déjà quelques jours que je n'ai pas eu mes quintes de toux journalières qui me tourmentaient tant et me rendaient tout travail si difficile; j'en suis tout étonné — cela m'arrive *pour la première fois depuis six ans!..* mes pieds sont encore très faibles, mais j'espère que les bains de mer et la vie calme que je mène ici, m'enleveront aussi cette infirmité si désolante et, à mon retour en Russie, me permettront encore de servir mon bien-aimé SOUVERAIN, ainsi que VOTRE ALTESSE IMPERIALE.

Je supplie VOTRE ALTESSE IMPERIALE de vouloir bien nous mettre, moi et ma femme, aux pieds de LEURS ALTESSES ROYALES MONSEIGNEUR LE GRAND DUC ET MADAME LA GRANDE DUCHESSE[19]; le souvenir de la grâce insigne avec laquelle LEURS ALTESSES ROYALES ont daigné nous accueillir ne s'effacera jamais de nos coeurs reconnaissants et je me croirai au comble de mes

voeux, si jamais je suis admis à l'honneur de LEURS prouver mon sincère dévouement dans la mesure de mes moyens, mais bien réélement.

Conservez, MADAME, la bienveillance dont VOUS daignez nous honorer, et veuillez être persuadée, que VOUS ne la produiguez pas à des ingrats, mais à des fidèles et loyaux serviteurs qui savent apprécier VOS bienfaits et employeront tous leurs efforts pour mériter VOS bonnes grâces dans telle occasion que cela soit.

J'ai l'honneur d'être, MADAME, avec la plus profonde vénération et devouement sans bornes

De VOTRE ALTESSE IMPERIALE
Le très humble et très obéissant serviteur
Prince W. Odoevsky
18/30 Mars 1857
Nice en Sardaigne
Villa Dabray
Chemin St-Etienne*.

---

* Милостивая Государыня!

Прибыв в Ниццу, мы не осмелились беспокоить Ваше Императорское Высочество немедленным посланием; не ведая в точности, что может в особенности интересовать Ваше Императорское Высочество, я ограничился тем, что написал барону фон Фильцтум, пользуясь посредничеством нашего соотечественника Г. Булищена (отправляющегося из Парижа в Веймар), чтобы повергнуть нас к Вашим стопам и выразить Вам чувство признательности и искренней преданности, которую мы испытываем к Вашему Императорскому Высочеству; не знаю, получил ли уже господин барон фон Фильцтум это письмо.

Мы были приняты здесь самым любезным образом Ее Величеством Императрицей, которая соблаговолила оказать нам честь и пригласить множество раз к Себе на обеды и ужины, и выказала нам, мне и моей жене, особую благосклонность, которую мы можем приписать лишь добрым словам, высказанным Вашим Императорским Высочеством в наш адрес, что побуждает нас в очередной раз испытать необходимое чувство благо-

дарности к Вам, сударыня, добавляющееся к той благодарности, которую мы и ранее всегда испытывали к Вашей Августейшей Персоне.

Ее Величество, кажется, чувствует здесь себя лучше, во всяком случае, уже давно я не видел Ее столь окрепшей и разговорчивой, Ее Величество совершает длительные прогулки в карете и пешком и принимает у себя в тот же день. Дай Бог, чтобы это улучшение продолжалось.

До сих пор ничего не было еще решено, но как раз в настоящий момент отъезд Ее Величества окончательно намечен на 11 апреля нового стиля; Императрицу будет сопровождать, как говорят, Великая Княгиня Ольга и Великий Князь Константин, который покинул нас несколько дней тому назад, чтобы осмотреть порта Средиземноморья, и который должен вернуться, кажется, сегодня. Предполагается затем поездка Ее Величества в Висбаден, куда Великая Княгиня Елена приедет к Ней в середине Июня. Вот те *слухи,* которые я смог собрать, ведя, для поправки своего здоровья, здесь жизнь весьма уединенную, и которые я осмеливаюсь довести до Вашего сведения, Ваше Императорское Высочество, не гарантируя при этом их абсолютной истинности.

Мы были счастливы найти здесь очаровательную виллу (Вилла Дебре), и очень недорогую, в непосредственной близости от Виллы Бермонд, занимаемой Ее Императорским Высочеством Великой Княгиней Еленой, которую мы имеем счастье видеть ежедневно. Прекрасная погода, которой мы наслаждаемся здесь, кажется, положила конец ее страданиям, по крайней мере, ее страшные приступы невралгии, благодаря Богу, с некоторого времени больше уже не возобновляются. Ее Императорское Высочество жалуется лишь на некоторую слабость, вызванную, по-видимому, медицинским лечением, которое Она все еще продолжает; в остальном, Великая Княгиня впервые осмелилась совершить пешую прогулку всего лишь несколько дней назад, потому что несмотря на солнце и очень редкие теплые дожди, время от времени здесь бывают сильные порывы ветра, которые вредны при болезни Ее Императорского Высочества.

Поскольку Ваше Императорское Высочество соизволяет проявлять интерес к моей жалкой персоне, я осмеливаюсь добавить, что несмотря на то, что я еще не начал моего лечения, я чувствую себя совершенно помолодевшим; один здешний воздух приносит мне неимоверно пользы; вот уже как несколько дней, я избавился

* * *

A Mr le Prince Odoevsky à Nice[20]

Mr le Prince Odoevsky!

J`ai été très contente d`apprendre par votre lettre du 18/30 Mars, que vous êtes arrivé heureusement à Nice et que vous paraissez être satisfait de votre séjour, je

---

от моих ежедневных приступов кашля, которые меня так мучили и делали столь тяжелой всякую работу; мне это очень странно — со мной это случилось *впервые за шесть лет!..* ноги у меня еще очень слабы, но я надеюсь, что морские купания и спокойная жизнь, которую я здесь веду, освободят меня от этого столь удручающего изъяна, и, по моем возвращении в Россию, позволят мне продолжать служить моему обожаемому Государю, а также Вашему Императорскому Высочеству.

Я умоляю Ваше Императорское Высочество повергнуть нас, меня и мою жену, к стопам Их Королевских Высочеств Великого Герцога и Великой Герцогини; воспоминание о невероятной любезности, с которой Их Королевские Высочества Соблаговолили принять нас, никогда не изгладятся из наших благодарных сердец, и венцом моих желаний я буду почитать тот момент, если когда-нибудь буду иметь честь доказать Им мою сердечную преданность, по мере моих возможностей, но непритворно.

Сохраняйте, Сударыня, благосклонность, которой Вы благоволите оказывать нам честь, и будьте уверены, что Вы расточаете ее не неблагодарным, но верным и преданным слугам, которые умеют ценить Ваши благодеяния, и которые, как бы не складывались обстоятельства, приложат все усилия, чтобы заслужить Ваши милости.

Имею честь, Сударыня, пребывать с глубочайшим уважением и беспредельной преданностью

Вашего Императорского Высочества
Нижайшим и покорнейшим слугою
Князь В. Одоевский

18/30 марта 1857.
Ницца, Сардиния
Вилла Дебре
Проход Сент-Этьен *(франц.).*

souhaite que le climat du midi et la vie calme puissent retablir complètement Votre santé. Je vous remercie infiniment pour les nouvelles que vous me donnez de l`Impératrice et la Grande Duchesse Hélène, nouvelles qui m`ont d`autant plus charmé, qu`elles sont Dieu merci très favorables. Mon fils et ma belle-fille à qui j`ai fait part de votre souvenir, me chargent tous deux de bien de choses pour vous. Veuillez faire bien mes compliments à Mme Votre épouse et croire aux sentiments d`estime avec lesquels je suis Votre affectionnée

Approuvée
Weimar
1/13 avril 1857*.

* * *

ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО![21]

Осмеливаюсь представить на ВАШЕ милостивое благоусмотрение несколько строк, внушенных мне трогательным праздником 3 го и 4 го Сентября[22].

---

* *Князю Одоевскому в Ницце*

Князь Одоевский!

Я была очень рада узнать из Вашего письма от 18/30 марта о том, что Вы благополучно прибыли в Ниццу и что Вы довольны Вашим пребыванием в ней, желаю Вам, чтобы полуденный климат и спокойная жизнь помогли полностью восстановить Ваше здоровье. Я бесконечно благодарна Вам за известия, которые Вы мне сообщаете об Императрице и Великой Герцогине Елене, которые тем более меня обрадовали, что, благодаря Богу, все они очень хорошие. Мой сын и моя невестка, которым я передала от Вас привет, велели мне оба передать Вам много пожеланий всего хорошего. Кланяйтесь от меня Вашей супруге и будьте уверены в уважении, с каковым я пребываю Вам благосклонная

Одобрено
Веймар
1/13 апреля 1857 *(франц.)*

Барон Мальтиц[23] взял на себя благосклонный труд перевести эти строки по-Немецки, чтобы напечатать их в Sonntagsblatt[24] — но я не смею сего сделать без дозволения ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЫСОЧЕСТВА.

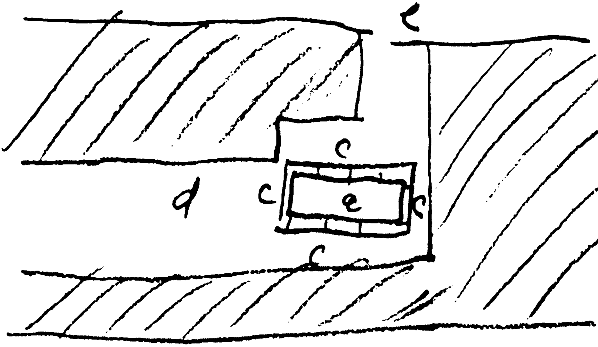
Преданнейший слуга
Князь В. Одоевский

О возобновлении воздуха в комнатах[25]
(по наблюдениям архитектора Свиязева[26])

В летнее время воздух успешно возобновляется посредством окон, расположенных на двух противоположных стенах, если когда воздух притекает в окно и истекает в домовую трубу. Но такой способ вентиляции производит сквозное течение воздуха и сопряжен с опасностию для здоровья, хотя гораздо менее, чем зимою при открытой форточке и топящемся камине. Но зимою достаточно притекает в комнату воздуха во время топки печей через малые щели окон и при отворянии наружных дверей. Если комната, в которой топится печь, удалена от них, то воздух протекает в нее в нагретом состоянии, проходя через другие комнаты. По этой причине гораздо безопаснее помещать форточку в верхнем стекле окна. Притекающий в нее воздух падает на пол в виде каскада, и если окно высоко, то, падая, смешивается с массою теплого воздуха. Во всяком случае, безопаснее вставлять в фортку рамки, обтянутые частию медною спукой или серпянкой[27]. Так как домовая кирпичная труба долго сохраняет в себе тепло после топки печи и поэтому имеет остаточную тягу, то весьма полезно сделать в комнате между вьюшкой или задвижкой, удерживающею в печи тепло, и между домовой трубой небольшую дверцу или душник в поперечном сечении до 9 квад. вершка (или 25 кв. см.). Душник можно держать постоянно открытым, не выпускать тепло из печи, если необходимо в комнате по-

стоянное возобновление воздуха. Если в душнике не замечается тяги, т.е. если в него не затягивает угла тонкого платка или пламени свечи, то надобно открыть форточку. Но гораздо безопаснее зимою впускать в комнату атмосферный воздух в нагретом состоянии. Это можно сделать таким образом:

В трубе а печи, продолжительно топимой, например камина, очага и т. п., надобно постелить из кровельного железа коробóк b, вышиною до 2-х и более аршин, как дозволит место в комнате, и обделать его со стороны дыма тонким кирпичом, нисколько не уменьшая поперечного сечения трубы. Около коробкá во всю его вышину оставить свободное пространство с, шириною до 1–2 вершка.

В это пространство провести в стене или под полом атмосферный воздух каналом d, наравне с нижнею плоскостию пустого пространства, а в самом верху его поставить душник е. Таким образом холодный воздух, прикасаясь к нагретому дымом трубы коробкý b, сам нагревается и вытекает в комнату через душник е в нагретом состоянии, замещая в ней вытекший через вентилятор или форточку воздух и нагревая в то же время и комнату[28].

* * *

Действ. Ст. Сов. Князю В.Ф. Одоевскому
в С. Петербург[29]

Князь Владимир Федорович!

Препровождая при сем к Вам два перстена, прошу Вас сделать мне одолжение передать их по принадлежности, а именно: один — Статс. Сов. Гаммеру в знак моей признательности за труды его, которые он посвятил делам моим, во время покойного Тайн. Сов. Новосильцова, а второй — Надв. Сов. Путилову, служащему в Морском ведомстве, за присланное мне сочинение его «Сборник известий, относящихся до прошедшей войны», изъявив также и ему мою благодарность за сие доставление[30].

Мне приятно возобновить Вам при сем случае уверение особенного уважения, с каковым пребываю вам доброжелательная

Опробовано
прося передать Княгине мой поклон.
Веймар 17/29 Декабря 1857.

* * *

A Mr le Prince Odoevsky
Cons. d`Etat actuel
à St. Petersbourg
Weimar
Le 16/28 fevrier 1858[31]

Mon Prince,

Mme la Gr. Duchesse Marie Pavlovna m`a chargé de transmettre à V. Ex. la lettre ci-jointe du Chantre de la Chapelle de S. A. I., Iwan Dworetzky, avec la prière de

vouloir bien faire prendre des informations concernant le père du dit Chantre qui se trouve à Gloukhow[32] dans une position à ce qu`il paraît très gênée et lui accorder un secours pecuniaire sur la cassette de S. A. I. du montant que V. Ex. jugera suffisant.

En même tems Mme la Gde D. n`ayant point reçu depuis quelque tems des nouvelles de votre part, vous fait prier de Lui en donner, comme Elle vous l`avait demandé dans une des lettres précédentes.

Veuillez aussi me faire savoir, si vous avez reçu les deux bagues pour Mrs Hammer et Poutiloff que j`ai eu l`honneur de Vous faire parvenir avec la lettre de S. A. I. en date du 17/20 Decembre 1857.

Avec la prière, de vouloir bien présenter mes respects à Mme la Princesse, agréez, Mon Prince, avec bonté l`expression de ma haute considération*.

---

* *Князю Одоевскому*
Действ. Статскому Советнику
в Санкт-Петербурге
Веймар
16/28 февраля 1858

Князь,

Великая Герцогиня Мария Павловна поручила мне передать Вашему Превосходительству прилагающееся при сем письмо певчего Церкви Ее Императорского Высочества Ивана Дворецкого с просьбой навести справки об отце вышеозначенного певчего, находящемся в городе Глухове в состоянии, по всей видимости, крайне стесненном, и оказать ему денежную помощь из средств Ее Императорского Высочества в размере, который Ваше Превосходительство найдете достаточным.

Вместе с тем Великая Герцогиня, не имея уже некоторое время от Вас никаких известий, просит Вас давать о себе знать, как Она о том просила Вас в одном из своих предыдущих писем.

Соблаговолите также сообщить мне, получили ли Вы два перстня для Гг. Гаммера и Путилова, которые я имел честь пре-

* * *

ВСЕМИЛОСТИВЕЙШАЯ ГОСУДАРЫНЯ![33]

Честь имею почтительнейше донести ВАШЕМУ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ, что получив пожалованные ВАМИ два перстня, один из них Статскому Советнику Гаммеру, я передал тотчас же с наблюдением установленных формальностей; что же касается до Г. Путилова, то его найти было весьма затруднительно, ибо он оставил службу и в месте его служения было даже неизвестно, где он находится. Однако же на сих днях я отыскал его и вручил ему пожалованный ВАШИМ ИМПЕРАТОРСКИМ ВЫСОЧЕСТВОМ перстень, под его расписку. Оба лица повергают к стопам ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЫСОЧЕСТВА их глубочайшую благодарность за милостивейшее ВАШЕ пожалование.

При сем я беру смелость донести ВАШЕМУ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ, что всегда, когда только ВАМ будет угодно иметь сведения о лицах, особенно в тех случаях, когда ВЫ изволите иметь в виду удостоить их ВАШИМИ милостями, я всегда могу найти возможность представить об них ВАМ *предварительно* все те подробности, какие ВЫ изволите признать нужными. Сие нисколько не затруднит меня. Иногда может случиться, как с Г. Путиловым, что отсутствием сих лиц замедлится мое донесение, но как бы то ни было, я найду всегда средства собрать об них сведения — лишь бы они находились в России.

ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО изволили интересоваться теми молодыми людьми, которые имели счастие находиться при ВАШЕМ ИМПЕРАТОР-

---

проводить Вам с письмом Ее Императорского Высочества от 17/20 декабря 1857.

Передавайте мои приветы Княгине и примите благосклонно, Князь, выражение моего глубокого уважения (*франц.*).

СКОМ ВЫСОЧЕСТВЕ камер-пажами в Москве, а именно: Графом Татищевым и Смиттеном[34].

По собранным мною достоверным справкам, Граф Татищев произведен в Прапорщики Лейб-Гвардии в Преображенском Полке; он служит отлично и все начальники им довольны.

Смиттен, по слабости здоровья, выпущен из Корпуса для определения к Статским делам, с чином Коллежского Секретаря, и, по увеличившемуся его нездоровью, уволен за границу в Германию, Швейцарию и Италию.

ВАШЕМУ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ было угодно милостиво спрашивать о моем здоровье; оно, казалось, весьма поправилось в чужих краях, но здесь я снова беспрестанно хвораю, и множество работы, которая накопилась во время моего отсутствия, особливо к концу года — для окончания всех дел, а в начале года — для представления отчетов, как по делам, так и денежных — не дали мне возможности заняться моим здоровьем как бы следовало. Конец и начало года всегда самое тяжелое время для нас чиновников; но что же делать! — если служить, так служить, пока есть силы. Впрочем, мне теперь гораздо лучше, может быть уже и потому, что с окончанием важнейшей части дел я несколько успокоился духом.

У меня есть много интересного для донесения ВАШЕМУ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ, но я ожидаю первого курьера для отправления ВАМ заготовленного донесения. Заранее прошу у ВАС великодушного прощения в том, что сие донесение, которое вероятно ВЫ на днях изволите получить, будет весьма длинно.

Осмеливаюсь почтительнейше просить ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО уверить ИХ ВЕЛИКОГЕРЦОГСКИЕ ВЫСОЧЕСТВА, что я и моя жена, мы сохраняем всегда благодарную память за то милостивое

внимание, которым ИМ угодно было удостоить нас в Веймаре.

С глубочайшим уважением и нелицемерною преданностию честь имею быть

ВСЕМИЛОСТИВЕЙШАЯ ГОСУДАРЫНЯ
ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЫСОЧЕСТВА
Всепокорнейшим слугою
Князь В. Одоевский
27 февр. 1858.
С. Петербург.

* * *

ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО![35]

К моему обычному донесению собственно о делах, которые ВАШЕМУ ВЫСОЧЕСТВУ благоугодно было мне вверить[36], честь имею присовокупить, что ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОР[37] изволил повелеть мне: составлять те известия о России, какие представлялись ВАМ от Графа Олсуфьева[38] и Графа Шувалова[39].

Считая за счастие быть удостоенным столь лестного для меня поручения, я осмеливаюсь просить ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО великодушно простить меня, если известия, мною сообщаемые, будут не столько удовлетворительными как те, которые могли быть доставляемы ВАМ лицами, более меня опытными, и которые в самом положении их в обществе могли найти случай и удобства сделать сии известия более для ВАС интересными.

На первое время в выборе предметов известий я постараюсь сообразоваться с теми вопросами, которые ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО изволили мне делать в тех частых и долгих беседах о всегда дорогой

ВАМ России, коих ВАШЕ ВЫСОЧЕСТВО изволили меня удостаивать в Москве и в Веймаре, о чем благодарная память никогда не изгладится в моем сердце. Впоследствии я бы осмелился просить ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО указать мне те предметы, на которые я должен буду обращать большее внимание.

В сем письме я ограничусь лишь известиями о здоровье ИМПЕРАТОРСКОГО семейства.

Третьего дня я имел честь быть приглашенным на маленький вечер у ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА. Играли трио Вебера[40] (в Sol mineur) и Септуор Бетховена[41]. В нем участвовали Львов[42] и Граф Виельгорский*[43]. ИМПЕРАТРИЦА МАРИЯ АЛЕКСАНДРОВНА[44] слушала эту музыку с большим удовольствием. ГОСУДАРЬ также изволил заходить по временам в музыкальную залу; сколько я мог заметить, ЕГО ВЕЛИЧЕСТВУ весьма понравилось Andante Септуора[45]; я с радостью заметил, что вид ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА — здоровый и светлый, несмотря на огромные труды, которым ГОСУДАРЬ предается[46]. На вечере были ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ КОНСТАНТИН НИКОЛАЕВИЧ[47] и Герцог Мекленбургский[48].

Несколько времени тому назад мы с женою имели счастие быть приглашены к ГОСУДАРЫНЕ ИМПЕРАТРИЦЕ АЛЕКСАНДРЕ ФЕДОРОВНЕ; кроме нас был только Граф Виельгорский, и *ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВО изволила* принимать участие в весьма живом разговоре, в продолжение около 3-х часов, без малейшего утомления.

Впоследствии ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВО была нездорова, но то было простое действие простуды. Теперь ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВУ лучше.

---

* На вечере были сверх того: Гр. Адлерберг (отец), Гр. Нессельрод, Бар. Ливен, Сумароков, Бар. Мейендорф (Берлинский), Гр. Адлерберг (сын), молодой Мансуров, недавно возвратившийся из Палестины.

Вообще в настоящую минуту все ЧЛЕНЫ ИМПЕРАТОРСКОГО СЕМЕЙСТВА, благодаря Бога, находятся в удовлетворительном состоянии здоровья, были лишь нездоровы гриппом: ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ КОНСТАНТИН НИКОЛАЕВИЧ и Герцог Мекленбургский; у обоих ВЕЛИКИХ КНЯЗЕЙ НИКОЛАЯ и МИХАИЛА[49] НИКОЛАЕВИЧЕЙ грипп продолжается, но обоим лучше. ВЕЛИКАЯ КНЯГИНЯ ЕКАТЕРИНА МИХАЙЛОВНА[50], не выезжавшая во время болезни СВОЕГО супруга, была в последний день масленицы на прекрасном бале ВЕЛИКОЙ КНЯГИНИ МАРИИ НИКОЛАЕВНЫ[51].

ВЕЛИКАЯ КНЯГИНЯ АЛЕКСАНДРА ИОСИФОВНА[52] мало выезжает — по СВОЕЙ беременности, но, по всем признакам, это положение благодетельно действует на ЕЕ здоровье.

К сожалению, по письмам из Рима, здоровье ВЕЛИКОЙ КНЯГИНИ ЕЛЕНЫ ПАВЛОВНЫ незначительно укрепляется; это мне тем более прискорбно, что на днях я должен был отправить к ЕЕ ВЫСОЧЕСТВУ огромные тетради по делам, которые ЕЙ угодно было мне вверить, а я знаю, что занятия всегда усиливают нервический припадок ЕЕ ВЫСОЧЕСТВА.

В следующем за сим непосредственно донесении я буду иметь честь коснуться разных предметов, какие по моему мнению могут интересовать ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО.

С глубочайшим уважением и нелицемерною преданностию имею честь быть

ВСЕМИЛОСТИВЕЙШАЯ ГОСУДАРЫНЯ
ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЫСОЧЕСТВА
всепокорнейшим слугою
Князь В. Одоевский
1/12 Марта 1858.
№ 1.

* * *

Действ. Статс. Советн.
Князю В.Ф. Одоевскому[53]

Князь Владимир Федорович!

Я получила на днях письма Ваши от 27 Февраля и 1/13 Марта с. г., и радуюсь, что Вам поручено вести переписку со мною по повелению ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА для доставления мне верных и регулярных сведений из России, а также что сей выбор пал именно на Вас. Я с удовольствием прочла подробности, которые Вы мне сообщаете о ЦАРСКОЙ ФАМИЛИИ и которые, Слава Богу, довольно утешительны, несмотря на то, что ИМПЕРАТРИЦА АЛЕКСАНДРА ФЕДОРОВНА и ВЕЛИКИЕ КНЯЗЬЯ были нездоровы гриппом.

Я очень желаю, чтобы занятия Ваши дозволяли Вам писать мне часто и подробно; нынешние обстоятельства, касающиеся до России, должны возбуждать внимание каждого Русского, и Вы можете себе представить, что мое участие к ее судьбам не уменьшается, но, напротив того, все мое желание склоняется еще более к молитвам для ее добра и счастия, пишите мне о том, что происходит там, где природные чувства мои и благодарность меня привязывают.

Сожалею, что здоровье Ваше опять испортилось, но надеюсь, что оное с наступающею весною поправится, или же Вы приедете опять к водам и сюда.

Сын мой и невестка, коих я уведомила о доброй памяти, которую Вы и Ваша супруга сохраняете о пребывании Вашем в Веймаре, просили меня передать Вам их поклон. Благодаря Вас за все Ваши сообщения, я прошу, если занятия Ваши препятствуют Вам писать подробно, то по крайней мере не оставить меня извещать вкратце о важнейших происшествиях, которые должны меня интересовать. Поклонитесь

супруге Вашей от меня, мне приятно возобновить Вам и при сем случае уверение совершенного уважения, с каковым пребываю Вам

Доброжелательная
Веймар
11/23 Марта 1858.

* * *

ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО![54]

Повергая к стопам ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЫСОЧЕСТВА ведомость за минувший 1857-й год о сумме 428 руб. 56 коп. сереб., от щедрот ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЫСОЧЕСТВА для выдачи пенсий и пособий мне вверенной, имею счастие всенижайше донести, что в остатке от оной состоит 25 руб. 44 коп. сер., которые я сохранил с тою целию, если ВАШЕМУ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ представятся другие случаи бедности, не терпящие отлагательства.

С глубочайшим благоговением имею счастие быть

ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЫСОЧЕСТВА
Всепокорнейшим слугою
Князь В. Одоевский
С.Петербург
Февраля 1/13 дня 1858 года.

* * *

ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО![55]

После известий (в донесении моем под № 1) о здоровье ИМПЕРАТОРСКОГО Семейства, я считаю долгом сказать несколько слов о том, что в настоящую минуту занимает все умы и все сердца в России, т. е. о том,

что в официальных актах так счастливо названо: *улучшением крестьянского быта*. ВАШЕМУ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ известны Правительственные меры, коими должно совершиться это великое дело; я постараюсь изложить лишь общее впечатление, ими произведенное. ВЫСОЧАЙШИЙ Рескрипт 5-го Декабря 1857-го года есть заключительный акт более 200 статей закона, направленных против *злоупотреблений крепостного состояния**. *Плод был так зрел*, что без особого манифеста или другого положительного повеления, достаточно было ВЫСОЧАЙШЕГО *дозволения рассмотреть* это дело, словом: достаточно было прикоснуться к этому вопросу — для того, чтобы он разрешился в главном своем основании. Этим замечательным явлением доказывается, что Россия спасена от великого бедствия мудрою решимостью ГОСУДАРЯ[56]. Лекарство явилось за минуту пред кризисом и — кризис сделался невозможным.

Первым результатом этой великой меры было: усиление ГОСУДАРЕВА могущества в такой степени, до которой оно никогда не достигало. В общей любви к ГОСУДАРЮ слились и выгоды крестьянского сословия и убеждения всех, кто только умеет мыслить и чувствовать. И ум и физическая сила, и тело и дух России, сомкнулись в руке ГОСУДАРЯ. Бессмертное дело не остановится в своем развитии, в том не мое одно убеждение, но общее во всех классах.

Остаются подробности. Здесь я считаю долгом просить ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО не смущаться толками, которые встречаются в иностранных журналах, даже самых нам благожелательных. Позвольте мне повторить здесь то, что я уже имел однажды счастие выражать пред ВАШИМ ИМПЕРАТОРСКИМ ВЫСОЧЕСТВОМ: иностранец самый правди-

---

* В одном IX томе Свод зак. о состояниях, ст. 796 по 1096.

вый, самый добросовестный, самый ученый — никогда не поймет России, ибо западное образование не изучило тех стихий, из коих образовалась Русская земля; иностранцы мерят все Русские события на свой масштаб, руководствуясь своею теориею, своими этнографическими наблюдениями — или мерят нас на масштаб азиатский; но наш масштаб ни западноевропейский, ни азиатский, но *свой*. В этом непонимании России участвуют многие причины: не одно незнание языка, но обширность России, многообразность климатов, местностей, разные степени образования и тысячи других условий быта; каким образом все это подводится к одному знаменателю в душе Русского человека, — этого не поймет никто, не родившись Русским; да правду сказать, сама Русская наука еще не изучила этого разнообразного единства; мы сами его понимаем лишь инстинктивно. Иностранцам кажется, что если все так убеждены в необходимости какой-либо государственной меры, то она, в течение краткого времени, может развиться во всей подробности. Они забывают, что в России *нет предмета не многослойного*. Говоря с Немецкими учеными, мы раз коснулись самой простой вещи: бывшие в России жаловались на дурную мостовую в Русских городах, тогда как мостовые в Европе — дело не весьма трудное; в ответ, я предложил им рассмотреть этот предмет как чисто физическое явление, т. е. обратив внимание на все его условия; когда мы высчитали действие на физические тела *продолжительного* мороза, не известного на Западе, и разные явления при сем происходящие, которых не найдешь ни в одном курсе физики, тогда мои совестливые ученые сознались, что, действительно, мостовая в Северной части России есть такая *физическая проблема,* которая еще не может быть определительно решена — в настоящем состоянии Европейской науки.

Этот простой пример применяется ко всякому вопросу в России, а тем более к предметам первой важности. Всякое дело мы должны изучать, как оно есть само по себе, и западные теория и практика в большей части случаев служат нам только для того, — чтобы указать нам, чего мы у себя еще не знаем.

Иностранные журналы, правда, упоминают иногда о времени, которое нужно для того, чтобы известия из Петербурга могли достигнуть в крайние Губернии и обратно, но я нигде не видел, чтобы они принимали в расчет другого рода расстояний, а именно от наших Уездных городов к Губернским; едва ли они обратили внимание на то, что весьма мало у нас Уездных городов, которые бы находились от Губернского города в расстоянии менее 100 верст (около 15 миль); эти расстояния простираются иногда более, нежели на 300 верст (как, например: Ветлуга от Костромы), более, нежели на 600 верст (как, например: Крохино от Новгорода), наконец даже более 1000 верст, как, например: Гурьев от Оренбурга; не говорю об областях Сибирских, где, как, например, Средне-Колымск находится от Губернского города Якутска в 2,540 верстах; к сему должно присоединить и расстояния от поместий до Уездного города; я имел вотчину в Ветлужском уезде, которая отстояла от Уездного города в 80 верстах, а от Губернского в 410 верстах! Этого рода неудобство, вместе со многими другими, уничтожаются благодетельным действием железных дорог[57]; но до распространения их — эти неудобства *существуют*, и, естественно, осложняют все внутренние распоряжения; к сему должно прибавить, что помещики собираются в городе лишь в *определенное* время для Дворянских съездов. Все эти обстоятельства — неизвестны иностранным журналам, которые в медленном получении отзывов от дворян разных Губерний видят какое-то противудействие благословенной мере Пра-

вительства. Пусть они успокоятся; отзывы идут один за другим — сообразно времени и местностям.

Вопрос труден — в том нет никакого сомнения, тем более что это не один вопрос, а столько же вопросов, сколько в России местностей; здесь, вопреки Гакстгаузену[58], — и Staats-Frage*, и сверх того, как он справедливо заметил, и Local-Frage**.

ГОСУДАРЬ мудро обозначил две грани, общие, безусловные:

1. сохранение помещиками права на землю;

2. отделение участка земли для крестьян.

За сим — все другие условия предоставлены *местному усмотрению;* а сии условия могут быть бесчисленны: по разнообразию сельских и других промыслов, по количеству земли на душу, по климату, наконец, даже по местным нравам и обычаям.

Сообразить все сии различные условия так, чтобы они удовлетворяли местным потребностям в границах двух вышеозначенных спасительных начал, положенных в основании всей меры, — есть без сомнения дело высшей важности, но не только невозможное, но которое, по всем признакам, потребует даже меньше времени, нежели как предполагали; эту, впрочем, личную мне надежду, я основываю на общем убеждении в необходимости и в неизбежности меры, на общей выгоде *для всех* скорее покончить все дело, и вообще на здравом смысле и сметливости нашего простого народа, которая, в этом отношении, ставит его выше всех других. Я знаю, что в чужих краях не только иностранцы, но даже и Русские опасались, чтобы объявление о новой мере не произвело каких беспорядков. — Это опасение имело бы основание — если бы эта мера была еще отложена на определенное вре-

* вопрос государственный (*нем.*).

** вопрос локальный (*нем.*).

мя. — Но, к счастию, мера, как я имел честь выше сказать, была принята вовремя — и умно введена; народ спокоен, и думает только о том: как ему повыгоднее заключить условия с землевладельцами. Народ знает, что об его участи заботятся, что САМ ГОСУДАРЬ предстательствует в Комитет *по крестьянскому делу*[59], и народ ждет с уверенностию; он понял вполне, что его дело *в хороших руках,* а что нетерпением, тревогой — он лишь отдалит от себя то счастие, которого ждал многие годы. Даже, по замечаниям некоторых откупщиков, там, куда достиг рескрипт — употребление водки уменьшилось, и крестьяне говорят, что надобно теперь приберегать деньги — для покупки земли. Из всего этого ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО изволите заключить, что опасения — не имеют основания. La sous-nappe de sureté a été ouverte en tems utile*.

Между некоторыми дворянами есть лишь недоумение в том: как приложить меру к своим частным выгодам. Это недоумение происходит от того:

1-ое, что дворяне, *не жившие* в своих поместьях, не знают крестьянского быта и все их хозяйство ограничивалось лишь получением и проживанием оброка;

2-ое, что дворяне, *жившие* в своих поместьях и привыкшие производить все работы крепостными людьми, не изведали на опыте выгод наемного труда.

И, наконец, 3-е, от того, что весьма немногие из тех и других занимались политическою экономиею, а между тем лишь одна наука может, в настоящую минуту, разрешить возникающие на практике вопросы.

Но все это — не важно — и есть — дело времени, собрания в Губернских Дворянских Комитетах[60] разъяснят для неопытных многое, что им еще кажется темным. Дозволение писать об этом предмете еще более разъяснит разные стороны вопросов и приведет

---

* Соломка была подстелена вовремя (*франц.*).

разнообразные мнения к единству. Статьи по сему предмету, появляющиеся и в журналах, и отдельными книжками, пишутся вообще весьма благоразумно и осторожно, трактуют предмет не с политической, но с чисто экономической точки зрения, и многие из них весьма замечательны, в особенности по находящимся в них данным, бывшим доселе неизвестными или недовольно разъясненными.

Вообще, в настоящем положении дел, нельзя не видеть гармонии правительственных действий; одна мера отвечает другой и способствует ей; этим мы обязаны премущественно личному предстательству ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА в Совете Министров; я не могу выразить вполне того глубокого впечатления, которое было произведено во всей России одним слухом о сем намерении ГОСУДАРЯ, а тем более — стойким исполнением сей полезной мысли.

Крестьянскому делу отвечает дозволение писать об нем; дозволению в литературе нападать на судебные и административные злоупотребления отвечают — работы, предпринятые Правительством для улучшения судопроизводства; учреждению по полкàм хозяйственных Комитетов соответствует дозволение писать о разных предметах по части комиссариатской и провиантской и вообще о предметах военного дела; вровень с тем идут частичные улучшения, непонятные для иностранцев, но весьма для нас важные, как, например: облегчения для вступления в должности *несмотря на чины,* что всеми было принято как приготовление к другой, более значительной и благодетельной мере. Присоедините к этому: отмену должностей Генерал-Губернаторов[61] в некоторых Губерниях, учреждение должности главного инспектора железных дорог — два события, имеющие один смысл: упрощение делопроизводства; учреждение польско-прусской железной дороги, ежедневно возникающие

товарищества и компании по всем родам промыслов; появление журналов, большею частью серьезного содержания, в особенности по разным отраслям положительных наук; опыты, производимые *широкою рукою,* над прививанием скотской чумы, — блистательно оправдывающиеся и обещающие нам в будущем совершенное избавление России от эпизоотии[62], столь вредной главным отраслям нашего сельского хозяйства и вывозной торговли, — наконец, в другой сфере, но по части медицинской же полиции — строгий надзор, обращенный на положение учеников и учениц, находящихся у мастеровых, — и ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО изволите получить хотя слабый очерк того благодетельного и разумного движения, которое ныне распространено во всей России. В этом очерке я упустил многое, боясь утомить ВАШЕ внимание и напрасно повторять то, что ВАМ, может быть, уже известно из газет. Впоследствии я осмелюсь быть более подробным по тем предметам, на кои ВАШЕМУ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ угодно будет мне указать — сколько то позволяет мое разумение.

Заключу этот отдел моего письма тем, чем я его начал. Невыразим энтузиазм, возбуждаемый новыми правительственными мерами и их разумным сопряжением; не только в больших публичных собраниях, но и в частных, семейных кружках пьют за здравие ГОСУДАРЯ; произнесение Его имени производит восторг искренний, полный любви, которого надобно быть свидетелем, чтобы вполне оценить его.

Народ говорит: «дай Бог здоровья батюшке ГОСУДАРЮ, что подумал о нас», люди грамотные применяют к ГОСУДАРЮ слова Псалма: «Возлюбил еси правду и возненавидел еси беззаконие; сего ради помаза тя Бог твой»[63]; люди высшего образования видят в настоящих действиях Правительства зародыш успехов просвещения, а с тем вместе коммерции и про-

мышленности, разработку сокровищ непочатых в России, утверждение неподкупного правосудия, упрощения канцелярских форм, правду — и в результате: умножение всех сил государства, умножение богатства земли и государственных доходов, — словом, зародыш благосостояния, которого величие заранее нельзя и измерить.

Эти мысли и чувства оживляют всех и каждого и выражаются при всяком удобном случае.

С другой стороны — взятие Аргунского ущелья[64] доказывает, что Русское оружие не дремлет.

Наша Литература, как я имел честь выше сего заметить, получила более серьезное направление; впоследствии, когда я буду иметь для нее больше места в моем письме, я осмелюсь войти в некоторые подробности; на сей раз ограничусь указанием лишь на две важные книги, недавно вышедшие:

1. *О климатах России* — сочинение Академика Веселовского[65]; огромный, in 4°, полный важных данных и выводов; между прочим, в нем любопытно вычисление, которым положительно доказывается, что в Петербурге, в течение последних 50-ти лет, число дождливых дней и самое количество дождя уменьшилось, так что от 1783 по 1792-й (по наблюдениям знаменитого Эйлера[66]) было 168 дождливых и снежных дней, в 1823–1835-й количество таких дней уменьшилось до 161, от 1837 по 1852-й год, средним числом, было лишь 131 дождливых или снежных дней; самое количество выпавшей воды уменьшилось от 22-х до 17-ти процентов.

2. *Девятая ревизия* — сочинение Академика Кеппена[67]; эту важную и любопытную книгу я беру смелость принести в дар Веймарской Библиотеке — при первой возможности.

Обе книги вполне заслуживают внимание Немецких ученых.

По окончании морозов, я буду иметь честь отправить к ВАШЕМУ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ семена весьма полезного растения, дикорастущего в Южной России; это растение — одно из доказательств, что мы начали наконец обращать внимание на то, что у нас под рукою. Оно по-русски называется чилим; нечто среднее между каштаном и орехом; оно весьма плодовито и не требует никакого ухода; его употребляют как лакомство, а между тем из него варят суп, или кашу, очень вкусную и питательную. ВАШЕ ВЫСОЧЕСТВО изволили обращать мое внимание на супы для бедных в Веймаре; нет сомнения, что чилим будет прекрасно расти в Германии и доставит новый род пищи для бедных[68].

На днях открывается выставка Академии художеств, и я не премину, хотя в кратких словах, описать, что в ней будет замечательного. Между тем, в числе наших живописцев, — есть чудо: Беляков[69] — живописец *безрукий,* родившийся, по странной игре судьбы, с руками *лишь по локоть,* и с огромным талантом к живописи; кисть он держит обоими *локтями;* он еще учится в Академии, где уже получил три медали; большая картина его «Бабушка со внучками» обратила внимание ГОСУДАРЯ на последней выставке.

Исаакиевский собор окончен; его освящение назначено 30-го Мая, т. е. в день святого Исаакия и рождения ПЕТРА ВЕЛИКОГО[70]. Здесь — великолепие, — которому равного не найдется в Европе; мне не удалось быть при его ночном освещении; видевшие говорят, что богатство и изящество отделки производит поразительное действие[71].

Петербург веселится в полном смысле слова. До поста — балы за балами — во всех классах общества; замечательнейшие были: у Анненкова, Графа Панина[72], Князя Долгорукова[73], Графа Орлова-Давыдова[74], у Английского Посланника, у Авроры Карамзи-

ной[75]. — Вошли в большую моду сценические представления; все гостиные обращаются в театры; где — кулисы, где — просто ширмы, но везде играют комедии, водевили, оперетки, иногда — с грехом пополам, — иногда с большим талантом. Масленица была шумнее обыкновенного; народ веселился под качелями как никогда; — хорошая погода благоприятствовала его веселью; к Великому посту все утихло, и с тем вместе начались морозы, постоянно державшиеся около 16°R. К числу счастливых новостей принадлежат горы, устроенные на Марсовом поле[76] для солдат; — как качаются от души!

Со 2-й недели начались рауты и концерты, которым несть числа. Замечательнейшие из них ПРИДВОРНОЙ КАПЕЛЛЫ[77]; здесь играют музыку БАХА[78] и БЕТХОВЕНА, и я с радостию замечаю, что в зале нельзя поворотиться от стечения слушателей, хотя в эти концерты и не допускается бесчеловечная музыка ВЕРДИ[79]. Рауты были у ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЫСОЧЕСТВА ПРИНЦА ОЛЬДЕНБУРГСКОГО[80]; затем повторяются у Князя Горчакова, Министра иностранных дел[81]; у Графини Разумовской[82]; у Английского посланника; на днях готовится раут в великолепном доме Графини Борх[83].

По моим весьма глубокомысленным наблюдениям — *кринолины* несколько поуменьшились[84]; on les pousse encore jusqu'au fanatisme, mais pas au désespoir, comme l'année passée*; в гостиных сделалось просторнее, и архитекторы отложили пока в сторону проекты о расширении дверей. Другое важное замечание: дамские шляпы участвуют в общем прогрессе человечества[85] и *двинулись вперед,* словом, имеют намерение действительно прикрывать голову, что у нас право не

---

* их доводят до фанатизма, но не до отчаяния, как в прошлом году (*франц.*).

безделица; этой зимой одна девушка, простояв на морозе, с фантомом шляпки на голове, возвратилась домой с белой горячкой; с ней случилась болезнь небывалая: застужение мозга.

Этим шляпкам вместе с кринолинами наши дамы обязаны беспрестанными простудами, — хотя грипп вообще у нас бывает слаб, благодаря нашим печам, которые с каждым днем совершенствуются; ВЫ изволили однажды заметить мою особенную страсть — к печам и вентиляторам[86]; я вполне торжествую; с легкой руки нашего ученого Свиязева улучшения идут за улучшениями. Сведя здесь мои заметки в чужих краях в зимнее время, — я вычислил и весьма верно, что я в моих печах употребляю топлива менее пятой части того, что употребляется в Германии и во Франции, и получаю никогда не менее 14–15°R; притом, печек я никогда не закрываю и потому топлю чем угодно: дровами, каким-то углем, торфом, а мой вентилятор в течение десяти минут уносит весь воздух из столовой, нисколько не охлаждая ее. В этом я уверяюсь ежедневным опытом — и потому, к лету, освободившись немного от служебных дел, я намерен написать по-Немецки, или по-Французски небольшую брошюру *«О Русских печах»*[87] для моих Германских приятелей, на которых я так сильно нападал за то, что несмотря на их ученость, пред которою я благоговею, они не могли мне указать даже модели, даже плана печи или вентилятора, которые бы соответствовали рациональным законам новейшей физики и химии. — Я осмеливаюсь писать о сем к ВАШЕМУ ВЫСОЧЕСТВУ потому, что ВАМ не раз угодно было интересоваться моими учеными и литературными трудами; по той же причине, я беру смелость приложить к книге Кеппена мой ответ Альфонсу Карру[88], где я, по мере сил, ратую за Русскую науку; эту книжку, напечатанную в Ницце, я получил лишь весьма недавно[89].

Позвольте обратиться к Петербургской жизни. В числе концертов был один весьма замечательный — 17-тилетней пьянистки Ингеборги Штарк[90]; несмотря на свое скандинавское имя, она — чисто Русская, родилась и образовалась в России; в ее концерт Михайловский театр[91] был полон с верху до низа. — Она не только отличная пьянистка — в роде Клары Вик[92] — но одарена истинною музыкальною гениальностью; к тому же обладает чудесным голосом, на который я ей советую обратить исключительное внимание; чтобы сделаться знаменитою певицею, что ей легко, при ее таланте и красивой наружности, и наконец при некотором достатке. К весне она отправляется в чужие края для дальнейшего образования и намерена быть в Веймаре, чтобы поучиться у ВАШЕГО славного Листа[93], что я ей также советую. — Но все концерты теперь потускнели от приезда комика Левассора[94] и фокусника Кастона; они овладели всеми вечерами. Кастон в особенности занимателен; он выдает себя за магнетизера, драматурга, великого математика и все это басни, он даже — не математик, как я имел случай подметить, — но фокусник, какого, смело можно сказать, еще не бывало.

Неизбежное следствие всех этих балов, раутов, концертов, комедий, кринолин, шляпок и фокус-покусов — есть сотни свадьб: — Графиня Панина, дочь Министра юстиции[95], выходит замуж за Графа Левашева[96]; моя племянница Саша Александрова за моего же родственника Князя Львова[97] (племянника Княгини Екатерины[98] — фрейлины ВЕЛИКОЙ КНЯГИНИ ЕЛЕНЫ ПАВЛОВНЫ); Княгиня Маргарита Долгорукова — за Графа Штейнбока; Пашкова, фрейлина при ВЕЛИКОЙ КНЯГИНЕ АЛЕКСАНДРЕ ПЕТРОВНЕ[99] — за Князя Владимира Галицына; молодой 20-тилетний Граф Борх женится на 18-тилетней Чичериной; наконец фрейлина Оффенберг[100] выходит за Кеннерица,

что я думаю уже известно ВАШЕМУ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ.

Этим известием оканчиваю мое письмо, пугаясь длинности его, и прося ВАШЕ ВЫСОЧЕСТВО великодушно простить меня за этот *первый* опыт. Счастливым себя почту, если сообщаемые мною известия заставят ВАС иногда улыбнуться, иногда — *весело задуматься...* Впоследствии я буду руководствоваться указаниями ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЫСОЧЕСТВА на те предметы, которые наиболее привлекают ВАШЕ внимание[101].

С глубочайшим уважением и нелицемерною преданностию имею честь быть

ВСЕМИЛОСТИВЕЙШАЯ ГОСУДАРЫНЯ
ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЫСОЧЕСТВА
всепокорнейшим слугою
Кн. В. Одоевский.
5/17 Марта 1858.
СПб.
№ 2.

* * *

Действ. Статс. Советн.
Князю В.Ф. Одоевскому[102]

Князь Владимир Федорович!

Доставленное мне письмо от 5/17 Марта, в котором Вы так подробно описываете разные предметы, крайне меня интересовало, и Вы можете себе представить, с каким вниманием я прочла статьи, относящиеся к России и касающиеся до нынешнего ее преобразования, я спешу изъявить Вам полнейшую признательность за труды, принесенные Вами при составлении сего описания. — Что Вы мне пишете о

Государе, меня от души радует, дай Бог ему окончить сие важное, но вместе с тем трудное предприятие к удовольствию всех своих подданных.

Я Вам буду благодарна за семена чилима, которые Вы намерены прислать, и мне приятно будет, если растение это окажется так полезным, как Вы полагаете, в той надежде, что оное в здешней стране будет хорошо плодиться и сим содействует обеспечению насчет пропитания бедного народа.

Прошу Вас уведомить меня касательно Максимилиановской лечебницы[103], [Вы знаете] Вам известно, что подобные заведения меня всегда занимают и что посетила ее с вниманием и признала ее весьма полезною.

Вы так хвалите Ваш вентилятор, который в течение 10 минут уносит весь воздух из комнат, нисколько не охлаждая ее, что я намерена завести таковые здесь; посему сделайте одолжение и доставьте мне описание и рисунок или образец оному.

Мне приятно было получить известия о Пажах, которые находились при мне в Москве, я рада, что паж Татищев вступил в военную службу и с рвением исполняет свою должность, жалею что Смиттен слаб здоровьем, но должно полагать, что в его летах южный климат будет ему полезен.

Я также получила препровожденную при письме Вашем от 1/13 Февраля ведомость о сумме 428 р. 56 к. сер., назначенной на выдачу пенсий и единовременных пособий за 1857 год, и благодарю Вас за сие доставление[104].

Я пользуюсь сим случаем возобновить Вам уверение особенного уважения, с каковым всегда пребываю Вам всегда

Доброжелательная
Опробовано
Веймар
16/28 Марта 1858.

Его Сиятельству Князю В.Ф. Одоевскому в С. Петербург[105]

Милостивый Государь
Князь Владимир Федорович,

Честь имею препроводить при сем к В. Сият. записку певчего при Церкви ЕЕ ВЫСОЧЕСТВА Дворецкого[106] касательно отца его, который желает снова вступить в службу на ваканцию смотрителя Глуховского Богоугодного заведения. ЕЕ ВЫСОЧЕСТВО приказала вместе с сим уведомить Вас, М.Г., что если Вам будет возможно содействовать по сему делу каким-либо образом, то просит Вас это сделать, но ГОСУДАРЫНЯ ВЕЛИКАЯ КНЯГИНЯ не желает, чтоб имя ЕЕ Вами было поименовано (по сему делу), потому что не может оказать протекцию особе, которую вовсе не знает.

Честь имею быть с истинным почтением и таковою же преданностию

В. Сият.
Спб 3е/15е Апреля 1858.

* * *

№ 3.

ВСЕМИЛОСТИВЕЙШАЯ ГОСУДАРЫНЯ![107]

ВАШЕМУ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ известно как о бывшем нездоровьи ВЕЛИКОЙ КНЯГИНИ ЕКАТЕРИНЫ МИХАЙЛОВНЫ, так и о том, что теперь, слава Богу, опасность миновалась, ЕЕ ВЫСОЧЕСТВО встает уже с постели, но ЕЙ должно еще весьма беречься от простуды и, может быть, воспользоваться летним временем для лечения на водах. Опасность действи-

тельно была большая; боялись воспаления в легких. В то же время Герцог Мекленбургский был также болен весьма сильным гриппом, чем увеличивалось беспокойство обоих супругов.

ВАШЕМУ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ также вероятно известно из газет, что на Страстной неделе ИХ ИМПЕРАТОРСКИЕ ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ приобщались Св. Тайн. ИМПЕРАТРИЦЕ АЛЕКСАНДРЕ ФЕДОРОВНЕ, которая вставала во время говенья рано, и особенно в день причащения, в конце обедни сделалось дурно, но, слава Богу, это не имело никаких последствий, ибо это было только действие усталости и того, что ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВО в день причащения, разумеется, ничего не кушала.

За сим как ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОР, так и другие члены ИМПЕРАТОРСКОГО семейства, благодаря БОГА, находятся в вожделенном здравии, хотя ГОСУДАРЬ много трудится; теперь отъезд Князя Орлова[108] увеличит еще более личный труд ГОСУДАРЯ.

Маленькие музыкальные вечера, о которых я уже имел честь писать ВАШЕМУ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ под № 2-м, повторились еще несколько раз, и я имел счастие быть на них приглашенным; музыка Гайдна, Моцарта, Бетховена, Мендельсона продолжает нравиться ИХ ВЕЛИЧЕСТВАМ. Полагая, что ВАШЕМУ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ будет угодно знать подробности, я имею честь приложить при сем программу двух из таких вечеров[109]. Дети Рачеки обратили общее внимание; тут видно не механическое приготовление обыкновенных enfants progiges*, но истинный талант, в особенности замечаемый в меньшем из детей, которому не более 9-ти лет.

ВАШЕ ВЫСОЧЕСТВО позволили мне перейти к другим известиям. Вам, вероятно, известно уже назначе-

---

* вундеркиндов (*франц.)*.

ние двух новых Министров: Княжевича[110] — Министром финансов на место Брока[111], и Ковалевского[112] — Министром народного просвещения на место Норова[113]. Оба эти назначения приняты в публике с большим сочувствием, и от новых Министров многого ожидают. Княжевич опытный в финансовом деле человек, был правою рукою Канкрина[114] и всю свою жизнь занимался этою частию. Ковалевский — брат путешественника в Китае[115], был попечителем Московского Университета, где благоразумными распоряжениями, твердым и благородным характером снискал всеобщую любовь и уважение. О других переменах в лицах, о чем ходят слухи, не смею говорить, ибо нет ничего достоверного.

На следующее четырехлетие система винных откупов[116] остается прежняя, но, по всей вероятности, это будет в последний раз; на будущее время будут изысканы другие способы для замены сей важной отрасли государственных доходов иными средствами, к чему послужит удобством развивающаяся ныне в невероятной степени разнообразная промышленность России; дабы ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО могли, без большого труда, получить понятие о сем развитии, я составил из подлинных уставов и других актов список торговых и промышленных компаний, образовавшихся или получивших новое распространение в последнее время, с означением *цели* сих компаний, их основного *капитала* и *времени учреждения*[117]. Я не смею думать, чтобы список сей был совершенно полон, ибо я поместил в нем лишь те компании, о коих я мог собрать *верные* сведения, что было не совсем легко по разнообразию сих компаний и по разным местностям, где они действуют. Впоследствии, если окажется нужным, я буду иметь счастие представить ВАШЕМУ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ дополнение к прилагаемому при сем списку.

Дело об улучшении крестьянского быта подвигается вперед; боясь повторять то, что ВАШЕМУ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ известно уже из газет, я не буду исчислять тех Губерний, коих Дворянство приступило к образованию Губернских Комитетов, но приму смелость обратить внимание ВАШЕ на отношение Министра внутренних дел от 17-го Февраля за № 104-м к С. Петербургскому и другим Генерал-Губернаторам, и которое ВАШЕ ВЫСОЧЕСТВО уже, вероятно, прочли в газетах; сей акт весьма важен. Подтверждая мудрое начало, положенное ГОСУДАРЕМ ИМПЕРАТОРОМ всему делу, а именно: *обеспечение помещикам поземельной их собственности, а крестьянам прочной оседлости и надежных средств к жизни и к исполнению их обязанностей,* сей акт облегчает помещикам разрешение существенного вопроса относительно *усадьб крестьянских,* которых значение и пространство весьма разнообразно в разных местностях как по количеству земли, так и по роду промыслов и вообще по быту крестьян.

Как я уже имел счастие писать к ВАШЕМУ ВЫСОЧЕСТВУ, дело трудно и не может быть совершено быстро (как требуют иностранные газеты), но в успехе его не может быть ни малейшего сомнения. Образ действия нашего простого народа в эту минуту истинно превосходит всякое изумление; теперь, когда на всех пунктах России толкуется о самом жизненном для крестьян вопросе, они совершенно спокойны и терпеливо ждут решения своей участи; в истории не найдется другого подобного примера, он показывает: во-первых, каким здравым смыслом наградил Господь Бог Русского человека[118], а во-вторых, указывает на ту, так сказать, магнетическую связь, которая в России соединяет ЦАРЯ с народом. Конечно, простой народ не может всегда понимать действий Правительства, но это несомненно, что наш народ *чует* ЦАРЯ;

ВАШЕМУ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ будет понятно это выражение, но его трудно было бы объяснить иностранцам; здесь именно та точка зрения, без которой они никогда не поймут явлений, происходящих в России. Может быть, собравшись с силами, я постараюсь объяснить эту точку зрения для Немецких журналов, так, чтобы она могла сделаться понятною для иностранцев и дать тон тому, что печатается о России и где нет конца *непониманию.* В Journal des Débats Вы, вероятно, изволили прочесть статью, которую написал St. Marc Girardin[119], — статью умную умного человека, но ВЫ, вероятно, изволили заметить, как неудачно он старается угадать закрытые для него стороны Русской жизни; например, он и другие никак не могут сладить с *общинным владением*[120], вероятно, смешивая его с *общинною собственностью*[121], что по западным понятиям совершенно одно и то же, и в чем, по Русским, огромная разница*.

Спокойным положением крестьян доказывается также, к чести наших помещиков, что крепостной быт у нас, несмотря на его злоупотребления, несмотря на его анормальное юридическое состояние и явный вред в экономическом отношении, никогда не был столь тяжелым для крестьян, как другого вида рабства в Европе.

Улучшения вообще не останавливаются в России: в числе внутренних мер едва ли замечено иностранными газетами новое распоряжение о том, чтобы торговцы для получения позволения на открытие заведений обращались предварительно сами к приставам

---

* Если это письмо мне удастся отправить с курьером, то я буду иметь честь вложить в пакет — для Веймарской библиотеки — два первых нумера нового журнала: «Сельское благоустройство», где весьма серьезно, учено и добросовестно излагаются разные любопытные данные по настоящему вопросу.

исполнительных дел, — что прежде делалось через Думу. Это административное распоряжение весьма важно; им сокращается и переписка и время — дело столь значительное во всем, а особливо в промышленном быте.

В другой сфере дел, с глубоким сочувствием было принято ВЫСОЧАЙШЕЕ разрешение на отделение из инвалидного капитала 500 тыс. руб. сереб. в распоряжение Кавказского наместника[122] для вспомоществования офицерам Кавказской армии, *в таких случаях, когда они будучи легко ранены, оставляют службу без права на пенсии.*

Равным образом приняты весьма мудрые меры относительно Новороссийского края, где, *сообразно различным нуждам жителей* более или менее потерпевших от войны, весь край разделен на *три* разряда; этим доказывается, что Правительство не ограничивается одними общими мерами, столь часто бесплодными по их неопределенности, но входит в существенные подробности.

К числу новых промышленных предприятий должно присоединить открытие пароходства на Двине, которое, по всей видимости, откроется в нынешнем году. Важность этого дела доказывается тем, что по Двине двигаются ежегодно грузы до 10 миллионов пудов, тогда как из Архангельского порта, т. е. против течения сплавливается не более 400 тысяч пудов.

Вообще значение у нас пароходства важно в высшей степени. ВАШЕМУ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ, вероятно, будут интересны следующие цифры:

Первый пароход на Волге (построенный в Роттердаме!) появился в 1847 году[123].

В 1856-м году на Волге уже было более 125 пароходов.

Угодно ли ВАМ знать: сколько еще *недостает* пароходов на Волге для поднятия ежегодного груза? В

течение 1806-ти дней навигации по Волге проходит более 24-х тысяч разных судов, с грузом 150-ти миллионов пудов и ценностию более, нежели в 200 миллионов рублей серебром, то есть почти на 800 миллионов ассигнационных рублей или франков; если положить груз каждого парохода в 100 тысяч пудов, то на Волге, при настоящем положении промышленности и при медленном движении обыкновенных судов, нужно сверх следующих 125 пароходов еще *более 800 новых пароходов*. Великая будущность ожидает Россию, а жизнь, ныне данная Просвещению и его всегдашним спутникам: торговле и промышленности, приводит к убеждению, что эта надежда не напрасная. Дай Бог только здоровья нашему ГОСУДАРЮ; светло ОН смотрит на вещи и не смущается толками приверженцев рутины. КОНСТАНТИН НИКОЛАЕВИЧ верно и усердно ГОСУДАРЮ помогает; ЕГО ВЫСОЧЕСТВО лучший ГОСУДАРЕВ слуга. В одном из будущих писем я постараюсь изложить деятельность КОНСТАНТИНА НИКОЛАЕВИЧА по Морскому министерству[124], сколько это мне может быть известно.

Наша ученая литература обогатилась еще тремя замечательными книгами, хотя в разных родах.

Первая из них «Записки о Малороссии» Кулиша[125] 2 тома in 8° — в них появляются в первый раз в печати[126] весьма интересные песни, сказки и разные легенды Малороссиян с переводом на Русский язык и даже с музыкой.

Две другие в ином роде: они принадлежат к *полемическому* Богословию и служат громовым ответом на беспрестанные нападения папистов на нашу Церковь. Давно пора было нам выйти из безмолвия по сему предмету. Одна из книг — весьма пространная в двух томах in 8°: «Об отношениях Римской Церкви к Христианскому миру» — сочинения Гречулевича[127].

Другая небольшая «О происхождении и составе Римско-Католической Литургии и отличии ее от православной» — сочинение Бобровницкого*[128]. Эта маленькая книжка так интересна, что я не могу воздержаться, чтобы не представить ее ВАШЕМУ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ. В этой книге, как равно и в «Сельском благоустройстве»[129], я позволил себе положить заметки при статьях или при местах наиболее замечательных, дабы напрасно не утруждать Ваше внимание[130].

С сим же курьером имею честь представить обещанные мною семена чилима[131], а в сем конверте описание этого растения с латинскими терминами для удобства Ваших ученых садовников. Весьма вероятно, что это растение находится в Веймаре в диком состоянии; но как оно растет в воде, то, может быть, его не заметили, потому более, что плоды его, употребляемые в пищу, как только сделаются *бурыми* (fauve, falb, rothfalb), так тотчас *опускаются на дно воды,* следственно надобно хорошо знать ту минуту, когда их собирать. Сажать его очень просто: посылаемые орехи, как они есть, надобно *завернуть в мягкую глину и бросить в пруд;* в Июне листья поднимутся на верх воды, а с ними цветы и плоды.

В том же ящике я положил несколько зерен до сих пор, как кажется, неизвестного в Европе растения, присланного в С. Петербург с границы Китая; оно называется: Dioscorea batatas; это особый род картофеля, имеющего вкус земляной груши. Посылаемые *семена* надобно посеять, как сеются *семена* картофеля, и потом рассаживать, как садится картофель.

Письмо сие уже было почти кончено, когда я удостоился счастия получить письмо ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЫСОЧЕСТВА от 16/28 Марта. Позвольте

---

* нашего священника в Неаполе, если не ошибаюсь.

мне повергнуть к стопам ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЫСОЧЕСТВА мою глубочайшую душевную признательность как за это письмо, так и за то, которое ВЫ благоволили писать ко мне 11/23 Марта. Меня глубоко тронуло благосклонное воспоминание ВАШЕ о Максимилиановской лечебнице для приходящих. Честь имею ВАМ донести, что это заведение процветает. В сем году мы присоединили к нему особое *Отделение постоянных кроватей* с отдельными комнатами для больных и с участием сестер Крестовоздвиженской общины[132]. Имею честь приложить при сем несколько экземпляров описания устройства этого Отделения. В настоящую минуту не только все места у нас заняты, но не знаем, что делать со множеством желающих поступить в это заведение. Теперь установившись в хозяйственном и финансовом отношении, мы намерены приняться за *ученую пользу,* которую может приносить лечебница, а именно: издавать историю поступающих к нам больных *по числу и роду болезней сравнительно с метеорологическими наблюдениями;* по огромному количеству поступающих к нам больных (до 8 тысяч ежегодно); эти сведения будут, надеюсь, не бесполезны для Европейской науки, ибо они перейдут и в Немецкие журналы.

ВЫ изволите видеть, что меня всегда занимает мысль о соединении нашей Русской науки с Европейскою. По сему поводу я осмеливаюсь приложить при сем небольшую брошюрку, написанную и напечатанную в Ницце и лишь недавно мною здесь полученную, которую я вынужден был написать в ответ Альфонсу Карру по следующему случаю: в прошедшем году, едва ИМПЕРАТРИЦА выехала из Ниццы, которую она истинно облагодетельствовала[133], — как в тамошнем журнале «Avenir de Nice» появилась насмешливая статья об России[134], перепечатанная из одного Парижского журнала, которая раздосадовала нас всех Рус-

ских; на эту статью был написан ответ в другом тамошнем журнале: «Il Nizzardo» — не мною, но всеми нами, и потому мы подписали под ответом: abonné russe*. Оказалось, что статья в «Avenir de Nice», возбудившая наше негодование, была написана задушевным другом Альфонса Карра, и знаменитый писатель счел долгом вступиться за своего отсутствующего друга, что он сделал весьма умно и ловко[135]. Он был убежден, что никто, кроме меня не мог написать этого ответа; мешая эпиграммы с комплиментами, он обвинил нас Русских в том, что хотя мы и знаем Французский язык, но, как иностранцы, не могли понять, что статья, помещенная в «Avenir de Nice», не иное что, как невинная шутка (une charge), и, напомнив, что будучи членом Французской Камеры депутатов, он провел закон о том, чтобы всякая журнальная статья была подписана *чьим-нибудь именем,* нападал на abonné russe, зачем он в ответе не подписал своего прекрасного имени (son beau nom), а только abonné russe[136]. — Такой вызов не мог остаться с моей стороны без ответа; как мне ни скучно было пускаться в полемику, и как ни трудно мне это было, не имея с собою почти никаких книг об России, я однако же был рад, что мог завести дело с таким умным человеком, как Альфонс Карр, и иметь случай высказать то, что так часто необходимо высказывать иностранцам об России[137]. Вот повод той брошюрки, которую имею честь при сем приложить[138] и которая теперь может иметь интерес лишь для Русских; в минуту своего появления она сделала в Ницце большой эффект; итальянцы благодарили меня за нее, бросали мне в коляску анонимные стихи, одним словом, всеми средствами хотели показать, что они также были приведены в негодование статьею парижского журнала.

---

* русский подписчик (*франц.*).

Осмеливаюсь писать обо всем этом ВАШЕМУ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ, потому что этот случай относится не до одного меня, но имеет общее значение.

Я не премину исполнить приказание ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЫСОЧЕСТВА относительно доставления к Вам рисунка вентилатора; но долгом считаю донести, что вентилаторы, мною употребляемые, не имеют ничего *механического,* а соединены с устройством печей по системе нашего знаменитого архитектора Свиязева, о котором я имел счастие касаться в разговорах с ВАШИМ ИМПЕРАТОРСКИМ ВЫСОЧЕСТВОМ.

ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО изволите меня спрашивать об моем здоровьи и о том, не намерен ли я и в нынешнем году съездить в чужие края. К сожалению, хотя Эмс и весьма помог мне в прошедшем году, но, простудившись при самом въезде в Россию, я издержал в нынешнюю зиму всю мою провизию здоровья, накопленную в прошедшем году, а недавно докончил меня грипп, по причине которого я не мог выходить три недели из дому. По сему я имею намерение в мае отпроситься на два месяца в Эмс и на обратном пути явиться в гостеприимный Веймар[139], чтобы повергнуть к стопам ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЫСОЧЕСТВА мою душевную признательность за все Ваши милости и доверенность, которую за счастие сочту постараться поддерживать *по мере сил моих.*

Оканчиваю письмо мое новейшими известиями:

ИМПЕРАТРИЦА АЛЕКСАНДРА ФЕДОРОВНА совершенно поправилась здоровьем.

Сего дня жена моя имела счастие быть у ГОСУДАРЫНИ ВЕЛИКОЙ КНЯГИНИ ЕКАТЕРИНЫ МИХАЙЛОВНЫ и, к крайнему своему удовольствию, нашла, что ЕЕ ВЫСОЧЕСТВО нисколько не изменилось после СВОЕЙ болезни, так что не осталось никаких следов; ОНА свежа и полна как будто не была больною. Впрочем,

ЕЕ ВЫСОЧЕСТВО сказывала мне, что Герцог вчера писал к ВАШЕМУ ВЫСОЧЕСТВУ длинное письмо; но независимо от того поручила мне свидетельствовать от имени ЕЕ ВЫСОЧЕСТВА душевное ВАМ почтение.

Жена моя повергает себя к стопам ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЫСОЧЕСТВА. Завтра она на службе, в качестве действительного члена Женского патриотического общества, присутствует в заседании сего Общества, которое в первый раз будет у ВЕЛИКОЙ КНЯГИНИ АЛЕКСАНДРЫ ПЕТРОВНЫ. ВАШЕМУ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ, вероятно, известно, что АЛЕКСАНДРА ПЕТРОВНА весьма серьезно вникает в заведения, ЕЮ покровительствуемые; — ОНА недавно, вместе с дамами Патриотического общества, объездила все школы в разных отдаленных частях города, и вообще весьма внимательно и дельно занимается этим предметом.

В начале Мая мы ждем сюда ВЕЛИКУЮ КНЯГИНЮ ОЛЬГУ НИКОЛАЕВНУ, которая изволит ехать через Киль.

С глубочайшим уважением и нелицемерною преданностию имею честь быть

ВСЕМИЛОСТИВЕЙШАЯ ГОСУДАРЫНЯ
ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЫСОЧЕСТВА
всепокорнейшим слугою
Кн. В. Одоевский.

4/16 Апреля 1858. Полночь. Сию минуту я возвратился с небольшого вечера, бывшего у ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА.

ВАШЕМУ ВЫСОЧЕСТВУ приятно будет узнать, что на сем вечере изволила быть ИМПЕРАТРИЦА АЛЕКСАНДРА ФЕДОРОВНА до самого конца, т. е. до 11 1/2 час. веселая и здоровая. Был и В.К. Константин Николаевич и Мария Максимилиановна[140]; равно Принц Петр

Ольденбургский. Императрица Мария Александровна также, слава Богу, здорова. ГОСУДАРЬ, узнав, что мое письмо к ВАШЕМУ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ готово, изволил приказать Своему курьеру Краузе взять его у меня; он будет сию минуту и потому пишу сии строки весьма поспешно. Если что из упомянутого в сем письме не войдет в его сумку, то буду иметь честь дослать с курьером Берлинским, отправляющимся на сих днях. Честь имею приложить программу сегодняшнего вечера[141].

Чилим плавающий[142]
(Trapa *natans,* Linn)

Синонимия. Растение сие называется по-Немецки gemein oder schwimmende Wassernuß, oder Stachelnuß; по-Французски, Macre, Chataigne d`eau, Truffe d`eau; в аптеках некогда были Aquaticae nuces, Trubi aquatici.

Систематическое определение. Род растений, называемых чилимом (Trapa), относится по линнеевой системе к четвертому классу и первому отряду сего класса (Tetrandia monogynia), а по естественной системе принадлежит к семейству онагровых растений (Onagrae, Adans. Juss.) В первой приписываются ему следующие признаки.

Catyx 4-fidus. Corolla 4-petala. Stamina receptaculo inserta. Stylus simplex. Nux 4-angularis. Cotyledonis crassissimae. Spreng. — Чашечка четырехрасщепная. Венчик четырехлепестный. Тычинки, прикрепленные к плодовместию. Маточник простой. Орех четырехугольный. Семенные доли весьма толстые.

Порода плавающего чилима имеет в той же системе следующие отличия.

Nucubus 4-cornibus, cornibus rigidis, folues rhomboideis dentatis glabris. Spreng. — Орехи четырерогие, с рогами жесткими; листы ромбоидальные, зубчатые, гладкие.

Плавающий чилим есть однолетнее растение, произрастающее в стоячих, но не гнилых водах всех умеренных и теплых стран Европы и Азии. В некоторых странах разводят его для плодов даже искусственно, *погружая зрелые семена в кусках размягченной глинистой земли на дно садовых прудов* и т. п. (NB). Цветет он в Июне и Июле, а плоды созревают в Августе и Сентябре. *Как скоро плоды сделаются бурыми, то их немедля надобно собирать; иначе они упадут на дно воды.* (NB).

Орехи или плоды плавающего чилима содержат внутри белое, сердцеобразное плотное ядро, которое имеет сладковатый каштановый вкус и употребляется в пищу как сырое, так вареное или печеное. В нем содержится много мучнистого и масляного вещества, а потому оно сытно или питательно. Из него можно даже приготовлять муку и печь хлеб. Там, где сие растение находится в множестве, можно почитать оное важным средством против голода, во время неурожая хлеба. Прежде употреблялись плоды его врачами, но ныне вовсе ими забыты. Корни его признаются ядовитыми, но листы его лошади едят безвредно.

Le célèbre Pallas[143] fait mention de cette plante nutritive dans son ouvrage: «Reise durch verschiedene Provinzen des Russischen Reiches»*. 1771.

* * *

Действ. Статс. Советн.
Князю В.Ф. Одоевскому[144]

Князь Владимир Федорович!

С большим удовольствием получила я утверждение о поправлении здоровья Великой Княгини Екатерины

---

* Знаменитый Паллас упоминает это питательное растение в своем труде «Путешествие по различным провинциям Российского государства» (*франц., нем.*).

Михайловны, я тому рада для нас всех, а в особенности для Великой Княгини Елены Павловны, в надежде, что это будет иметь хорошее влияние на Ее здоровье.

Слава Богу, что Император и Императрицы здоровы; при столь трудных и важных занятий Императора это весьма утешительно.

Сообщения Ваше вообще, а именно касательно значительной торговли, производящейся ныне по Волге, чрезвычайно любопытны, никак нельзя было полагать, что промышленность в тех краях достигла такой великой размер и все еще увеличивается.

Препровожденные при письме Вашем от 4/16 Апреля семена чилима и Dioscorea batatas мною получены, и я уже дала приказание развести их для опыта в Бельведере, если удастся, то и в других местах.

Благодаря Вас за сию присылку и за подробное известие, которое Вы мне сообщили и кои я прочла с наивеличайшим интересом, я прошу изъявить также супруге Вашей мою благодарность за то, что она меня не забывает, и поклонитесь ей от меня: я надеюсь увидеть Вас обоих у себя [здесь] летом и радуюсь тому.

Мне приятно воспользоваться сим случаем возобновить Вам уверение особенного уважения, с каковым пребываю Вам доброжелательная

Опробовано
Веймар
18/30 Апреля 1858.

* * *

№ 4.
6 Апреля 1858 г.

ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО![145]

В последнем донесении моем за № 3-м от 3/5 Апреля, с ГОСУДАРЕВЫМ фельдъегерем Краузе, я осме-

лился сделать приписку собственною рукою; прошу милостивого снисхождения ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЫСОЧЕСТВА к моему некрасивому почерку, который я старался лишь сделать *четким,* тем более, что эта приписка, которую я считал интересною для ВАС, я должен был сделать в самую минуту отправления.

При сем имею честь приложить первые два нумера журнала «Сельское благоустройство», о коих упомянуто в донесении моем под № 3-м и с заметками особенно замечательных статей.

Осмелюсь прибавить, что на тех из моих донесений, которые содержат в себе *описание событий в России,* я ставлю нумера для большего удобства ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЫСОЧЕСТВА, в случае, когда для сохранения связи происшествий будет нужно ссылаться на прежде писанное.

Все приказания ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЫСОЧЕСТВА *относительно лиц*, о коих ВАМ бывает угодно иметь сведения, исполняются мною неотложно; но я осмеливаюсь просить милостивого снисхождения ВАШЕГО, если иногда такие сведения доставляются мною не довольно поспешно; это происходит от того, что во-1, я считаю долгом представлять ВАШЕМУ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ сведения *вполне достоверные*; 2-е, что часто такие сведения надобно собирать с большою осторожностию и деликатством, чтобы не оскорбить бедных людей подозрением, и 3-е, от того, что многие лица *не пишут своего адреса,* и их трудно отыскать даже в Петербурге, а некоторые, как напр. проситель из Глухова, не находится и в Петербурге.

Но смею повторить уже однажды доложенное ВАШЕМУ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ, что *никакое ВАШЕ поручение не затруднит меня*, и всегда найду я средства собрать сведения *о каком бы то ни было лице и где б оно ни было,* лишь бы оно находилось в

России; в случаях же не терпящих отлагательства употреблю все зависящие от меня способы для представления ВАМ сведений в самоскорейшем времени.

Честь имею донести, что свадьба моей племянницы Саши Александровой с Князем Львовым назначена 13/25 Апреля (в Воскресенье вечером) в Зимнем Дворце; со стороны невесты посаженным отцом и матерью будут: ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОР и ИМПЕРАТРИЦА АЛЕКСАНДРА ФЕДОРОВНА, а со стороны жениха Князь Василий Долгоруков[146] (бывший военный Министр) и Княгиня Долгорукова, дочь Князя Василья же Долгорукова (бывшего обер-шталмейстера)[147] в замужестве за Долгоруковым же.

Осмеливаюсь вложить в сей конверт «Печатную правду», книжку на сих днях изданную кн. Галициным (Штутгардским)[148] для объяснения простому народу значения новых мер по *крестьянскому делу.* Цель книжки — прекрасная и ведена довольно хорошо, но очень жаль, что сочинитель ввел в нее бездну шуточных пословиц. Наш народ, в деле серьезном, шуток не любит и притом надобно заметить, что наш народ употребляет шутку большею частию в виде насмешки. Надеюсь, что при 2-м издании автор выбросит две трети пословиц, которые не объясняют, а скорее затемняют смысл, — и которые вовсе не нужны в книгах для простого народа; дело все в том, что для него надобно употреблять недлинные фразы и *главное*: писать самым чистым языком.

С глубочайшим уважением и нелицемерною преданностию честь имею быть

ВСЕМИЛОСТИВЕЙШАЯ ГОСУДАРЫНЯ
ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЫСОЧЕСТВА
всепокорнейшим слугою
Кн. В. Одоевский.

* * *

Действ. Статс. Советн.
Князю В.Ф. Одоевскому
Веймар 28 Апреля/10 Мая 1858[149]

Князь Владимир Федорович!

Сим уведомляю Вас о получении письма Вашего от 6 апреля № 4, с приложенными к оному двух нумеров журнала «Сельское благоустройство» и книжки «Печатная правда» сочинения Князя Голицына и благодарю за сии доставления, я их пробегу с большим вниманием.

Я уверена, что поезд Государя в Архангельск окажется весьма полезным тому краю, столь много от неприятеля пострадавшему; важные дела, происходящие ныне в России, крайне занимают общее внимание и в чужих краях; не только отдают справедливость большим намерениям Императора, но даже оказывают вообще более уважение России, умеющей перенести таковые обстоятельства твердо и мирно. От дворянства ожидают благоразумное разрешение доверенным ему делам, и действительно от него много зависит, Бог покровительствует Россию, и мы убеждены в благополучном и удовлетворительном окончании сих занятий.

Я еще раз должна рекомендовать Вам доставленную к Вам просьбу отца певчего при Церкви моей Дворецкого, находящегося в Глухове, и просить Вас оказать ему, в случае нужды, вспомоществование[150].

Прошу поклониться от меня Княгине и принять уверение особенного уважения, с каковым пребываю Вам

Доброжелательная
(подпись) Мария

* * *

A S. Ex. Mr le prince Odoevsky
Maître de Cour
Weimar
Le 7/19 Mai 1858[151]

Mon Prince,

Mad. La Grande Duchesse Maria Pavlovna ayant appris par les journaux, que S. M. l'Empereur a daigné Vous nommer Maître de Cour m'a chargé de Vous présenter les félicitations de la part de S. A. I. pour cette nouvelle marque de distinction.

Mad. La Grande Duchesse partant pour les eaux de Franzbad n'a pas eu le tems de vous exprimer Elle-même, combien Elle était contente d'apprendre cette nouvelle. — Son Altesse Imp. a quitté Weimar hier à 1 ½ h/ de l'après-mdi.

Veuillez, Mon Prince, agréer l'expression -----*

---

* *Его превосходительству князю Одоевскому,*
Гофмейстеру
Веймар, 7/19 мая 1858.

Князь,

Великая княгиня Мария Павловна, узнав из газет, что Его Величество Император соблаговолил произвести Вас в чин гофмейстера, поручила мне поздравить Вас от имени Ее Императорского Высочества с этим новым знаком отличия.

Великая Княгиня, отправляясь на воды во Францбад, не имела времени выразить Вам лично, насколько Она была рада этому известию. — Ее Императорское Высочество покинуло Веймар вчера в час тридцать пополудни.

Примите, князь, выражение (*франц.*).

* * *

№ 5.
29 Апр./11 Мая 1858[152]

ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО!

На вопрос ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЫСОЧЕСТВА относительно перемены министерства я считаю долгом отвечать не иначе, как с первым курьером; здесь же беру смелость повторить то, что было мною сказано в донесении под № 3 при известии о сей перемене, а именно: что эта перемена была принята в публике с общим сочувствием.

За сим ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО мне дозволите обратиться к моему текущему дневнику:

17-го Апреля мы отпраздновали день рождения ГОСУДАРЯ. Выход к обедне был великолепный; разнообразие и изящество (смею прибавить и удобство) мундиров, устроенных в настоящее царствование, производит дивное впечатление[153]; после обедни в большой Церкви Зимнего Дворца был в Малой Тронной прием дипломатического корпуса, а затем на площади парад, и как в сей же день праздновались дни учреждения войск, находившихся в строю (стрелковых баталионов), то под открытым небом был воздвигнут аналой[154] и было совершено молебствие с водосвятием. К счастию, погода была чудная, солнце светило во всей силе — зрелище было удивительное; но признаюсь в том, что могу выразить лишь пред ВАШИМ ИМПЕРАТОРСКИМ ВЫСОЧЕСТВОМ, у меня сердце было не на месте, видя, что ГОСУДАРЬ с открытою головою простоял на пекучем солнце во время службы, т. е. около часа; то же я ощущаю, когда вижу ГОСУДАРЯ с открытою головою на ИОРДАНИ[155] в трескучие морозы. Что может быть драгоценнее здоровья ГОСУДАРЕВА? а какое нужно здоровье для этого полного пренебрежения то мороза, то зноя[156]. Слава

Богу, — обошлось хорошо; ГОСУДАРЬ изволил быть на вечернем бале (в 600 человек)[157] с здоровым и веселым лицом. ВСЕ ВЕЛИКИЕ КНЯЗЬЯ и КНЯГИНИ участвовали в танцах. ИМПЕРАТРИЦА АЛЕКСАНДРА ФЕДОРОВНА также изволила приходить в соседнюю комнату во время бала, — но в залу не входила. ЕКАТЕРИНА МИХАЙЛОВНА побоялась выехать, хотя ЕЕ здоровье так поправилось, что СУПРУГ ЕЕ был на бале до конца, т. е. до $1^1/2$ часов: бал начался в $9\ ^1/2$.

В сию минуту ВАШЕМУ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ имеет честь представиться: Гофмейстер ДВОРА ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА; ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ благоугодно было произвести меня в самый день СВОЕГО рождения, как изволите увидеть из прилагаемого при сем Приказа[158]; не знаю как заслужить мне все милости моего ГОСУДАРЯ; могу лишь *стараться,* сколько станет сил.

ИМПЕРАТРИЦА АЛЕКСАНДРА ФЕДОРОВНА, всегда столь ко мне милостивая, узнав о моем производстве, изволила на другой же день вечером позвать меня с женою к себе — запросто.

— Qu'est-ce qu'on a fait de vous? — спросила ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВО.

— L'EMPEREUR a daigné me nommer Hofmeister, — отвечал я.

— Et qu'étiez vous avant?

— Je n'étais que Chambellan, VOTRE MAJESTE.

— Pour moi, mon cher, vous êtes toujours le même*, — возразила ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВО милостиво улыбаясь.

---

* — Кем Вы стали? — спросила Ее Величество.

— Император соблаговолил произвести меня в гофмейстеры, — отвечал я.

— А кем Вы были раньше?

— Я был лишь камергером, Ваше Величество.

— Для меня, мой дорогой, Вы всегда все тот же (*франц.*).

Такие слова входят в душу, они напоминают другое прекрасное слово ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВА. Раз в Ницце, у ВЕЛИКОЙ КНЯГИНИ ЕЛЕНЫ ПАВЛОВНЫ, был небольшой музыкальный вечер. ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВО подозвала меня и сказала:

«Dites à Rubinstein[159] qu'il joue la Marche de Prophète».

Quand j'ai transmis cet ordre à Rubinstein, — il m'a communiqué la crainte de *faire trop de bruit,* — L'IMPERATRICE étant encore très faible à cette époque.

Je m'approche de SA MAJESTE, et je LUI exprime la crainte de l'artiste que je trouvais très fondée.

«Allez dites à Rubinstein, — me répondit l'IMPERATRICE, — que je désire qu'il fasse du bruit, *beaucoup de bruit ... dans le monde»*[*].

В этот самый день в Малой Церкви Дворца была — свадьба Г. Кеннерица с Г-жею Оффенберг. По окончании свадебной церемонии многие фрейлины пришли к ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВУ и рассказывали о подробностях. Лютеранский обряд совершен был в особой зале, — после чего по Русскому обычаю стали подавать Шампанское и пить за здоровье молодых, чему некоторые из иностранцев немало удивлялись.

---

[*] «Скажите Рубинштейну, чтобы он сыграл “Пророческий марш”».

Когда я передал это повеление Рубинштейну, он выразил свое опасение, что *наделает слишком много шума своей музыкой* — Императрица чувствовала себя еще очень слабой в то время.

Я подхожу к Ее Величеству и объясняю Ей опасения музыканта, которые я нашел весьма обоснованными.

«Пойдите, скажите Рубинштейну, — ответила мне Императрица, — что я желаю, чтобы он наделал шума, *много шума ... в мире»* (*франц.*).

С курьером я буду иметь честь представить ВАШЕМУ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ разные печатные вещи; желаю, чтобы они привлекли внимание ВАШЕ. Опись их при сем приложить честь имею. Книжка Муравьева[160] очень интересна особенно в настоящую минуту; он просил меня повергнуть ее к стопам ВАШИМ. Из Министерства Государственных Имуществ имеет быть отправлено к ВАШЕМУ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ новое издание хозяйственно-статистического атласа России с объяснением на Русском и Французском языках весьма интересным.

С глубочайшим уважением и нелицемерною преданностию имею честь быть

ВСЕМИЛОСТИВЕЙШАЯ ГОСУДАРЫНЯ
ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЫСОЧЕСТВА
всепокорнейшим слугою
Кн. В. Одоевский.
29-е Апр./11-е Мая
1858.

Уже окончив сие письмо, я имел счастие получить Рескрипт ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЫСОЧЕСТВА от 18/30го Апреля. Позвольте мне принести ВАШЕМУ ВЫСОЧЕСТВУ мою глубочайшую благодарность за Ваши милостивые ко мне выражения. Стараюсь служить ВАШЕМУ ВЫСОЧЕСТВУ; не все мне может быть известно и не все узнаю я в ту же минуту, но считаю долгом следить за всем, что, по моему разумению, может интересовать, и писать — лишь *достоверное.*

* * *

№ 6.
9/21 Мая 1858[161].

ВСЕМИЛОСТИВЕЙШАЯ ГОСУДАРЫНЯ!

*На вопрос ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЫСОЧЕСТВА: «от чего Министры финансов и нар. просвещения заменены другими лицами?» я должен отвечать с некоторою подробностию. — Я мог бы донести ВАМ кратко и *совершенно правдиво,* что Брок давно уже желал оставить свою должность по расстроенному здоровью; что болезнь жены Норова требует заграничного лечения, и притом ее болезнь такого рода, что он не может пустить ее одну; что Кн. Вяземский[162] естественно не хотел поступить под начальство бывшего своего подчиненного[163], — и к тому же его здоровье также требует поездки в чужие края. Но я знаю, что ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО не изволите удовольствоваться этим, хоть, как имею честь повторить, совершенно правдивым объяснением.

Я не могу иметь сведений о *всех* правительственных поводах этой перемены, но как я выразил в № 3, она была принята публикою с *большим сочувствием.* Осмеливаюсь изложить причины этого сочувствия, как оно мне представляется на основании общего говора. Ни Брок, ни Норов *не сделали какого-либо проступка;* ВЫСОЧАЙШИЙ Рескрипт первому и сохранение всех окладов последнему суть доказательства

* В черновой редакции (НПБ. Ф. 539. Оп. 1. № 14. Л. 59) письмо начиналось со следующих слов, впоследствии вычеркнутых: «Сегодня мы отпраздновали день рождения Государя; в 1818 году 17-го Апреля было на Светлой Неделе — нельзя приписать этого совпадения дней одной случайности; для России это — великое значение, и народ его помнит, [и не даром].

МОНАРШЕГО к ним благоволения. Здесь другое: я имел уже честь излагать пред ВАШИМ ИМПЕРАТОРСКИМ ВЫСОЧЕСТВОМ, что в эту минуту Россия находится в состоянии важного и благодетельного кризиса, *в каком она еще никогда не бывала*; все, что было предположено или подготовлено прежними нашими Венценосцами, все события ее истории, все зародыши просвещения, равно естественное распространение торговли, промышленности, даже движение понятий — *все это развилось в настоящую эпоху,* как металл, который долго, долго нагревался, наконец, закипел, и настала минута — *отливать его в форму;* это великое дело досталось на долю ныне царствующего Государя; никому еще не предстояло столь важного труда, а потому и выбор людей никогда не мог быть столь трудным. ВАШЕ ВЫСОЧЕСТВО не только участвовали в важных Государственных событиях, но и следили за ними в их исторической постепенности, и потому мне не нужно изъяснять здесь той простой Государственной аксиомы, что люди способные и годные *для одной эпохи...* делаются бесполезными, даже вредными в *другую эпоху*; часто даже самая их *опытность* не приносит пользы, ибо принадлежит *к такому состоянию вещей, которое более не существует*, et elle porte à faux*.

Восточная война отделила непроницаемою стеною прежнюю Россию от настоящей, не только изменились все ее внешние политические отношения, но она открыла и *внутренние недостатки* наши, кои, конечно, и прежде не оставались незамеченными, но важность которых сделалась явственнее при обстоятельствах, коих заранее не мог угадать никакой ум человеческий; — когда соединить в одно все эти элементы и их действие на огромном пространстве России, то

---

* не достигает цели (*франц.*).

представится такой многосложный механизм, которому равного не найдем в истории ни одного народа, — но в котором, если угодно, есть нечто сходное, хотя и в других размерах, и далеко, благодаря Бога, не в той степени, с положением Пруссии в 1807 году, по крайней мере, по *характеру* событий[164]. *Двигатель* сего *нового* и огромного механизма не может довольствоваться тем или другим колесом, которое, может быть, и годилось бы еще *в другое время;* силою вещей он вынужден не только их испытывать, но и заменять одно другим. Не удивительно, что за бывшими изменениями в Правительственных лицах последуют, может быть, и *другие*; я, по крайней мере, убежден в этом и осмелюсь прибавить, что это убеждение разделяет большая часть России... Дело в том, что для блага нашего Отечества нужен Государю такой слуга, каким был Штейн[165] для Фридриха III[166], да по огромности России не один Штейн, а *несколько Штейнов*; между тем такие люди родятся веками и не скоро открываются. Вы изволите наконец припомнить слова Св. Писания — *о новом вине*, которое должно вливаться в *новые меха*[167]; никогда и ни к кому эти глубокие слова не прилагались так верно, как к настоящему умственному, нравственному и материальному состоянию России.

Прошу великодушного снисхождения ВАШЕГО к этому длинному объяснению, но иначе я бы не мог отвечать на вопрос. Здесь нельзя указать на *одну* какую-либо отдельную причину, но на *слияние причин* весьма многосложных, действующих в настоящую минуту и кои не ускользают от мудрой внимательности ГОСУДАРЯ.

ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО изволили уже, вероятно, читать *программу* для Комитетов по крестьянскому делу; из нее явствует, *что* еще остается делать в России, несмотря на все то, что уже сдела-

но. А между тем этот вопрос, как он ни важен, — все-таки лишь *один из вопросов* для России*.

* Далее в черновой редакции письма (НПБ. Ф. 539. Оп. 1. № 14. Л. 62) следовало: «Книга Муравьева “Question religieuse de l`Orient et de l`Occident” — не только интересна, но и важна также по вопросу не малому для России. Иезуитская пропаганда действует в настоящее время постоянно и искусно против России. Австрия не только интригует в славянских странах, но покровительствует раскольникам и внутри России; дело делается следующим образом, Русские раскольники имеют в Австрии лицо, называющееся Епископом, это лицо играет двойную роль; для раскольников он [просто их брат] староверный пастырь; для Рима с Австрией он некто в роде Униатского Митрополита, он поставлен от Рима, ему подчиняются раскольники, следственно и они поступили в лоно Римской церкви; разумеется, что раскольники и не подозревают теперь этой западни; но Рим умеет ждать; теперь он действует тайно и осторожно, пока не придет минута воспользоваться [этим] обманом, как он воспользовался Унией. Действуя таким образом на [раскольников и] простой народ, иезуиты не забывают и раскольников, еще глупейших в высшем классе. К жалким именам Гагариных, Балабиных, Головиных присоединяются и другие: в нынешнем году вышла в Париже иезуитская книга под названием “Etudes religieuses et politiques sur la Russie” [будто] — traduits de l`allemand — весьма замечательная по своей <нрзб.>, но она [кажется] вовсе не перевод с немецкого, а сочинение одного Русского — еще с аристократическим именем; другой такой же аристократ печатает теперь в Париже книгу: De l`union des églises — где, как говорят, объявляет, *qu`au fond,* мы Русские были всегда Латинцами *(имеется в виду речь обратившегося в католичество князя Ивана Гагарина (Jean-Xavier Gagarine), опубликованная в 1860 г. под названием «De la réunion de l`église orientale avec l`église romaine. Discours prononcé par P. Gagarine. Paris, 1860» /«Об объединении восточной церкви с церковью римской. Речь, произнесенная Отцом Гагариным. Париж, 1860»/ — Е.Д.).* Все это смешно, но показывает, что Иезуиты действуют безостановочно. В Париже печатают перевод на Русский Евангелия — с Вульгаты с папистскими примечаниями и распространениями».

Это донесение мое будет, вероятно, *последним* из России, ибо мой усиливающийся до опасной степени хронический катар принуждает меня *немедленно* ехать в Эмс, чтобы воспользоваться *весенним* лечением, наиболее соответствующим моему роду болезни. Я желаю выехать из Петербурга 15/24 Мая; после 6-ти недельного курса в Эмсе я буду иметь честь явиться в Веймар за ВАШИМИ приказаниями, имея в виду, если здоровье позволит, быть в Йене на юбилее Университета[168] с поздравлениями от ИМПЕРАТОРСКОЙ ПУБЛИЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ. Я приму меры, чтобы получать во все это время известия из России, кои могут быть интересны для ВАШЕГО ВЫСОЧЕСТВА.

Об отъезде Дворецкого я писал к Черниговскому Губернатору, но еще не имею ответа; впрочем, я распорядился так, чтобы он тотчас получил *на первый раз* 25 р. сер., *если только он не совсем недостоин* внимания ВАШЕГО, ибо я тщательно стараюсь, чтобы ВАШИ милости падали на людей *действительно бедных и достойных*. Недавно я, под собственною ответственностию, выдал небольшое пособие крестнику ВАШЕГО ВЫСОЧЕСТВА Брызгалову, ибо он действительно в том нуждался.

На днях была проба Хорного пения[169], приготовляемого к освящению ИСААКИЕВСКОГО СОБОРА 30-го Мая ст. ст. О подробностях сего великолепного приготовления беру смелость приводить при сем особую статью[170].

С глубочайшим высокопочитанием и беспредельною преданностию, честь имею быть,

ВСЕМИЛОСТИВЕЙШАЯ ГОСУДАРЫНЯ
ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЫСОЧЕСТВА
всепокорнейший слуга
Кн. В. Одоевский.

Хорное пение в Исаакиевском Соборе

29 Апреля многочисленная публика присутствовала при одном из тех явлений, при котором никто, а тем более Русский, не может и не должны оставаться равнодушным.

Происходило *первое* испытание хорного пения, приготовляемого ко дню освящения великолепного БОЖЬЕГО ХРАМА.

На каждом из клиросов находилось около 500 певчих, всего до 1000 человек, под управлением директора Придворной певческой капеллы А.Ф. Львова.

Ни время, ни место не позволяет нам описать в подробности дивное впечатление, производимое сим величественным пением; постараемся указать лишь на некоторые условия, которые содействовали полному успеху опыта.

Для знакомых с акустикою[171] понятны затруднения, представлявшиеся в сем деле, когда мы скажем, что около 20 сажен отделяют окраины хоров правого клироса от левого; а как известно, что звук пробегает в секунду 1100 футов, или 158 сажен, то, по приблизительному вычислению, оказывается, что звук от одного хора к другому не может достигнуть прежде 1/4 секунды, — промежуток времени весьма значительный для музыкального исполнения.

Очевидно, что обыкновенный способ управления хором не мог быть применен к такой огромной массе певчих, поставленных в столь необычайные условия; здесь ни ухо поющих, ни самый верный расчет такта не могли служить руководителями; ухо на каждом шагу должно было обманываться на 1/4 секунды, и при обыкновенном способе управления оба клироса не могли бы идти вместе даже в 4-голосных хорах, а тем менее в 8-голосных, где один хор служит контрапунктом другому.

Заметим еще, что, по существу дела, при таком роде пения, самая дирижовка должна быть едва заметна, а *жезл* и вовсе употребляться не может.

Это важное затруднение было побеждено с полным успехом глубокою опытностию и изобретательностию нашего даровитого директора Придворной капеллы. — По его распоряжению регенты хоров помещены таким образом, что регент правого клироса управляет певчими левого, а регент левого управляет певчими правого; директор, в свою очередь управляющий регентами, находится с правой стороны поодаль регента правого клироса и — ему невидимо, так что если эти три точки соединить линиями, то образуется трехугольник, которого вершина находится в левом клиросе, откуда идут две равные линии к правому.

Таким устройством устранено неудобство, происходящее от времени, в которое звук проходит от одного клироса до другого, ибо как свет пробегает вышесказанное пространство в *бесконечно малое* время, которое не может входить и в расчет, то оба хора, *при совместной в трех пунктах* дирижовке, вступают в такт в один и тот же момент, с совершенною определительностию, как будто бы между ними не было никакого расстояния.

От того происходит, что оба хора не только не отстают друг от друга, но выражают, как оба вместе, так и отдельно, все музыкальные оттенки: усиление и ослабление звуков, ускорение и замедление, синкопы, задержание, аджиатуры[172] и проч. т. п. Действие diminuendo и crescendo в этих огромных, стройных массах превосходит всякое описание. Нельзя оценить, сколько искусства, знания дела и труда потребно было, чтобы довести 1000 человек до такого исполнения, — даже независимо от вышесказанных местных затруднений.

Должно пожелать только, чтобы все певчие были поставлены на подмостки одинаковой вышины с кли-

росными амвонами; это условие весьма важное, ибо вибрацией слоя воздуха, заключающегося в подмостках, звуки не только усиливаются, но и уравниваются в их напряжении (intensité), как известно из многочисленных опытов. Желательно также, чтобы сии подмостки имели наклонную плоскость; иначе передние ряды певчих не только будут мешать задним рядам видеть регента, но будут и заслонять исхождение звуков. Вся эта техническая обстановка, вероятно, будет, при следующих опытах, принята во внимательное соображение.

Между тем, нельзя не быть довольно признательным за распоряжение, на основании которого к сему опыту была допущена многочисленная публика. Сим удовлетворялось общее религиозное, национальное и эстетическое чувство; но сверх того, такое распоряжение было высшей важности для самого существа дела. Известно, что скорость звука уменьшается с понижением температуры, так что при 10-ти градусах цельзия звук пробегает 337 метров, при 0° — 333 метра, сверх того самый состав воздуха имеет значительное влияние на распространение звука.

По опытам Дюлона[173], скорость звука, при 0° выражается следующими цифрами:

в углекислом газе звук пробегает в секунду 216 метров;

в оксигене 317;

гидрогене 1.269;

а в обыкновенном атмосферном воздухе, как мы сказали выше, 333.

Из сего можно заключить, как может разниться распространение звука в пустом пространстве — и пространстве, наполненном людьми, присутствием коих, особенно при горении свечей, воздух хотя временно, но изменяется в своем составе, если, в другом отношении, даже не принимать в расчет различие

звукового отражения на плоскостях в пустом и в наполненном людьми пространстве. Опыты в пустом пространстве имели бы совершенно иной результат и могли бы привести к ошибочным заключениям о том, какие распоряжения должны быть приняты при самом исполнении.

Теперь, благодаря Бога, это не опасно; опыт был поставлен почти в те самые условия, в которых занимаемое пространство будет находиться при стечении мирян.

Как мы сказали выше, опыт увенчался наилучшим успехом; внутренность храма оказалась вполне удовлетворительною в акустическом отношении; звуки несколько смешиваются лишь на линии между клиросами (чем, заметим мимоходом, увеличивается трудность управления), но несколько шагов к западу — и звуки становятся определеннее, наконец, под куполом они выговариваются с полною ясностию, что еще более замечается несколько далее периферии купола, в точке, где, как кажется, образуется настоящий звучащий фокус, в коем сливаются звуковые линии, отраженные от стен, противулежащих каждому клиросу.

Подобная же ясность и определенность звуков, с большим или меньшим ослаблением их, замечается во всех концах храма, так, что везде будут равно слышны слова молитвы.

Честь и слава трудившимся в этом деле!

Дай БОГ всем нам скорее дождаться той минуты, когда освящение великолепного Божьего храма станет в ряду *свершающихся надежд* настоящего светлого, благодатного царствования, — да вознесется благодарная молитва к Богу — и устами и сердцем.

К<нязь>. В<ладимир>. О<доевский>.
30 Апреля 1858.

* * *

Князю В.Ф. Одоевскому
Гофмейстеру Двора Его Имп. Велич.
В Эмсе[174]

Князь Владимир Федорович!

Я имела удовольствие получить письма Ваши от 29 Апреля/11 Мая и 9/21 Мая, также и разные сочинения, о которых Вы меня уведомляете, и изъявляю Вам всю мою благодарность и благодарность здешних заведений, которых Вы снабдили полезными книгами, как за сии доставления, так и за подробное описание первого испытания хорового пения, приготовляемого к освящению Исаакиевского собора, которое я прочла с большим интересом. — Надеюсь, что лечение в Эмсе будет для Вас полезным, и я рада буду видеть Вас здесь по окончании курса.

Поклон мой Вашей супруге.

Я пользуюсь сим случаем возобновить Вам уверение особенного уважения, с каковым пребываю Вам

Доброжелательная
Бельведер
18/30 Июня 1858.

* * *

MADAME[175],

Je m'empresse de porter à la connaissance de VOTRE ALTESSE IMPERIALE, qu'invités (à Ems) par une dépêche télégraphique de Madame la GRANDE DUCHESSE HELENE à accompagner S. A. I. dans le trajet de Bieberick à Cologne, nous avons eu le bonheur de passer les journées d'avant-hier et d'hier à Coblentz, accueillis de la manière

la plus gracieuse par SON ALTESSE ROYALE la PRINCESSE DE Prusse[176]. LEURS Altesses m'ont chargé, Madame, de Vous présenter LEURS respects. ELLES se trouvent en parfaite santé; il y a eu au Palais de Coblentz thé, soupé, déjeuné — le tout en très petit comité; la conversation a été vive, prolongée, animée et touchant à des objets fort divers, dont la plus proche de mon coeur était l'AUGUSTE PERSONNE de VOTRE ALTESSE IMPERIALE. — Hier matin, nous avons pris congé de SON ALTESSE ROYALE à Coblentz, pour accompagner Mme la Gde Dsse HELENE jusqu'à Cologne, et ce n'est qu'à minuit que nous (moi et ma femme) nous sommes revenus à Wiesbaden, où j'ai laissé une jeune Princesse Odoevsky (Marie)[177] qui voyage avec nous — presque le dernier reste de notre nom.

Je ne saurais exprimer à VOTRE ALTESSE IMPERIALE combien j'ai été heuereux de cette excursion inattendue, de la permission que m'a accordée Mme la Gde Dsse HELENE d'avoir l'honneur d'être admis d'ELLE.

Le peu de tems que j'ai eu à ma disposition durant ces deux jours ne m'a pas empêché pourtant de voir en détail Evangel. Stift à Coblentz, très protégé par SON ALTESSE ROYALE; c'est une admirable combinaison de différents établissements, tendant au même but, et où il se trouve même une Buchdruckerei, desservie *par les élèves* de l'établissement, — ce qui lui apporte un revenu annuel de 2/mille Thal.! [178]

De Cologne Mme la Gde Dsse HELENE est partie avant-hier a 5 h. du soir, par Aachen à Ostende, où S. A. I. compte prendre les bains, puis vers le mois de septembre rentrer en Russie, en s'arrêtant quelque tems à Meklenbourg, S. A. I. m'a exprimé son vif désir de profiter de son retour en Russie, pour venir à Weimar.

La PRINCESSE de WIED, avec la PRINCESSE SA FILLE[179], que nous avons trouvé à Coblentz, ont accompgné Mme la Gde DUCHESSE jusqu' à Neuwied.

Le ROI des PAYS-BAS[180] se trouve actuellement à Wiesbaden pour faire une cure. SA MAJESTE a gracieusement exprimé le désir de faire notre connaissance.

Conformement à ce que j'ai eu déja l'honneur d'écrire à VOTRE ALTESSE IMPERIALE, SA MAJESTE l'EMPEREUR a daigné m'accorder de faire ma cure à Ems; je l'ai fait très sérieuse, observant strictement le régime, et mettant même de côté le moindre travail intellectuel, d'après l'ordre précis et sévère des medecins; malheureusement le courage que j'ai eu d'adopter ce genre d'existence qui m'est si antipathique pendant sept semaines consécutives a été mal recompensé, un froid subit, tel qu'on n'a jamais vu de la mémoire des habitants d'Ems, a coupé ma cure par une inflammation aigüe au larynx, qui m'a ramené toutes mes infirmités — à recommencer ma cure sur nouveaux frais; aussi je crois, qu'il faut, dorénavant, en prendre son partie, en ne considérant Ems que comme un palliatif. — Au reste, à présent, je me trouve aussi bien que je puis l'être; je ne suis à Wiesbaden que pour reprendre un peu de forces après ma course de 2 jours sur le Rhin, par un vent et pluies continuels. Le vent a été si fort, qu'il y avait des véritables *vagues* sur le Rhin, ce que je n'ai jamais vu, l'ayant parcouru tant de fois à cette époque.

Profitant de la gracieuse permission de VOTRE ALTESSE IMPERIALE, nous comptons sur le bonheur de pouvoir nous mettre à VOS pieds le 22 Juillet/3 Août pour VOUS exprimer, MADAME, nos voeux les plus chalereux pour VOTRE santé et prospérité et les sentiments de reconnaissance sincère que nous VOUS avons voué pour la vie.

Quant à nos projets *ultérieurs* — avant tout nous attendrons les ordres de VOTRE ALTESSE IMPERIALE. Je voudrai seulement pouvoir accomplir une tâche dont je suis chargé *offciellement*, — celle de porter — si SON ALTESSE ROYALE le GRAND DUC de SAXE-WEIMAR[181]

daigne le permettre — les félicitations *de la part de la Bibliothèque Impériale de St. Pétersbourg* à l'université de Jena à l'occasion de son jubilé bi-séculaire, — et puis, si j'ai le tems, d'entreprendre un pieux pélerinage en Hollande, pour faire ma prière au bon Dieu à *Saardam*[182], et retourner en Russie vers le 1/13 Septembre avant la toute mauvaise saison.

Mais, dans tous les cas, nous réglerons notre conduite d'après ce que VOTRE ALTESSE IMPERIALE daignera nous ordonner.

J'ai l'honneur d'être, MADAME, avec la plus profonde vénération et un devouement sans bornes

de VOTRE ALTESSE IMPERIALE
le très humble et très obéissant serviteur

Pr. W. Odoevsky.
Wiesbaden
17/29 Juillet 1858*.

---

* Сударыня,

спешу довести до сведения Вашего Императорского Высочества, что, будучи приглашены (в Эмс) телеграммой Великой Княгини Елены, чтобы сопровождать Ее Императорское Высочество в ее путешествии из Бибераха в Кельн, мы имели счастие провести вчерашний и позавчерашний день в Кобленце, принятые самым любезным образом Ее Королевским Высочеством Принцессой Прусской. Их Высочества поручили мне, Сударыня, передать Вам Свое глубокое почтение. Они находятся в прекрасном здравии; в Кобленцском дворце был чай, ужин, завтрак — присутствовало лишь очень ограниченное общество; беседа была очень живая, продолжительная, оживленная, касающаяся очень разных предметов, из которых моему сердцу наиболее близко было то, что касалось Августейшей персоны Вашего Императорского Высочества. — Вчера утром мы попрощались с Ее Королевским Высочеством в Кобленце, чтобы сопровождать Великую Княгиню Елену до Кельна, и лишь в

полночь мы (моя жена и я) вернулись в Висбаден, где я оставил молодую Княгиню Одоевскую (Марию), путешествующую с нами — почти последний отпрыск нашего рода.

Я не смогу выразить Вашему Императорскому Высочеству, насколько я был рад этой неожиданной поездке, разрешению, которое дала мне Великая Княгиня Елена иметь честь находиться подле Нее.

Немного времени, которое я имел в своем распоряжении в течение этих двух дней, не помешало мне, однако, внимательно осмотреть евангелический приют в Кобленце, которому очень покровительствует Ее Королевское Высочество; это восхитительное собрание различных учреждений, объединенных одной и той же целью, здесь даже находится типография, в которой работают *ученики* приюта, — что приносит ему ежегодно доход в 2 миллиона талеров!

Из Кельна Великая Княгиня Елена отбыла позавчера в 5 часов вечера, через Аахен в Остенде, где Ее Императорское Высочество рассчитывает принимать ванны, а затем к сентябрю месяцу вернуться в Россию, остановившись прежде на некоторое время в Мекленбурге; Ее Императорское Высочество выразило мне Свое сильное желание воспользоваться своим возвращением в Россию, чтобы приехать в Веймар.

Принцесса фон Вид вместе с принцессой своей дочерью, которых мы застали в Кобленце, сопровождали Великую Княгиню до Нойвида.

Король Нидерландов находится в настоящее время в Висбадене для лечения. Его Величество любезно выразил желание познакомиться с нами.

Как я уже имел честь писать Вашему Императорскому Высочеству, Его Величество Император соблаговолил разрешить мне пройти курс лечения в Эмсе; я проделал его весьма основательно, строго соблюдая режим и прекратив всяческую умственную деятельность, в соответствии с точными и строгими предписаниями врачей; к сожалению, то мужество, с которым я вел этот образ жизни, столь мне антипатичный, в течение семи недель, было очень плохо вознаграждено: неожиданный холод, которого обитатели Эмса не могут даже вспомнить, прервал мое лечение, вызвав у меня острое воспаление гортани, в результате которого возобновились все мои болезни — что предполагает

новые издержки на возобновление лечения; поэтому я думаю, что впредь следует действовать иначе, относясь к лечению в Эмсе лишь как к дающему временное облегчение. — В остальном, в настоящий момент я чувствую себя настолько хорошо, насколько для меня это вообще возможно; в Висбадене я остановился лишь для того, чтобы набраться немного сил после моей двухдневной поездки по Рейну, ветра и непрекращающихся дождей. Ветер был настолько сильным, что на Рейне были настоящие *волны*, которых я никогда не видел, хотя и проплывал по нему много раз в это время года.

Пользуясь любезным разрешением Вашего Императорского Высочества, мы рассчитываем на счастие иметь возможность повергнуться к Вашим ногам 22 июля/3 августа, чтобы выразить Вам, Сударыня, наши самые горячие пожелания здоровья и благополучия и чувства искренней признательности, которую мы будем испытывать к Вам до конца дней своих.

Что касается наших *дальнейших* планов — прежде всего мы ожидаем приказаний Вашего Императорского Высочества. Я желал бы единственно иметь возможность выполнить поручение, которое возложено на меня *официально,* — а именно принести поздравления — если Его Королевское Высочество Великий Герцог Саксен-Веймарский даст на то свое позволение — *от лица Санкт-Петербургской Императорской библиотеки* Йенскому университету по случаю его двухсотлетнего юбилея, — и потом, если у меня будет время, совершить паломничество ко святым местам в Голландии, чтобы помолиться *саардамскому* Спасителю, и вернуться в Россию к 1/13 сентября, до наступления холодов.

Но, во всяком случае, мы сообразуем наши планы в соответствии с тем, что соблаговолит повелеть нам Ваше Императорское Высочество.

Имею честь оставаться, Сударыня, с глубочайшим почтением и безмерной преданностию,

Вашего Императорского Высочества
Нижайшим и покорнейшим слугою
Князь В. Одоевский
Висбаден
17/29 июля 1858 (франц.).

* * *

№ 7.

ВСЕМИЛОСТИВЕЙШАЯ ГОСУДАРЫНЯ![183]

Всенижайше прошу ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЫСОЧЕСТВА милостивого снисхождения, если я не тотчас по возвращении моем в Россию возобновил мои донесения. Скажу откровенно, как всегда, что я не мог в короткое время me mettre au fait* всего, что совершилось доброго, полезного и умного на Руси в течение последних четырех месяцев. В чужих краях я мог следить за событиями в России лишь по иностранным журналам; но ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО изволите знать, как они не только не верны, но и недостаточны в этом отношении; многое было для меня вовсе непонятно, а остальное — вовсе неизвестно. Смею уверить ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО, что я должен был прочесть целые горы и печатного и письменного, чтобы ознакомиться с текущим положением дел. Благодатное настоящее движение в России увеличивается ежедневно во всех, самых разнообразных частях; не вникнув хорошенько во всю эту массу сведений, я не был бы в состоянии представить Вам картину *верную, добросовестную и краткую* — что имею постоянною целию.

По-прежнему я буду, как ВАШЕ ВЫСОЧЕСТВО изволили одобрить, мельком упоминать о том, что ВАМ может быть известно из получаемых ВАМИ газет, и останавливаться лишь на том, что потребует *объяснения*, или и вовсе не было упомянуто в газетах. Осмеливаюсь повторить мою всегдашнюю нижайшую просьбу: удостоивать меня по временам ВАШИМИ вопросами, которые лишь служат руководством для определения, что наиболее занимает ВАШЕ внимание.

---

* войти в курс (*франц.*).

Хотя мне известно, что ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО в последнее время изволили получить много писем от АВГУСТЕЙШИХ ОСОБ и, следовательно, ВАШЕ ВЫСОЧЕСТВО имеете о ВЫСОЧАЙШЕЙ СЕМЬЕ более подробные сведения, нежели какие я могу собрать, но тем не менее, я считаю долгом донести ВАМ, что на днях я имел счастие видеть всех ЧЛЕНОВ АВГУСТЕЙШЕЙ ФАМИЛИИ, — кроме отсутствующих.

Я с глубоким чувством заметил, что ГОСУДАРЬ имеет вид здоровый и цвет лица свежее, нежели как было прежде; вероятно, последствие путешествия, совершенного ЕГО ВЕЛИЧЕСТВОМ; лицо ГОСУДАРЯ лишь *возмужало*; дума и заботы успели уже провести на нем следы свои. Путешествие ГОСУДАРЯ было столь же счастливо и в политическом отношении. Он видел многое САМ, — что так важно; и ЕГО видели; видели и ЕГО благодушие, видели и ЕГО твердость. Слова ГОСУДАРЯ Московскому Дворянству, и в особенности *тон*, с которым они были произнесены, весьма замечательны в сем отношении; они произвели большое действие, и пришлись, как нельзя лучше, *кстати,* ибо были люди, которые из своих видов рассеивали слухи, что — *ничего не будет, что важное крестьянское дело будет приостановлено* и прочие тому подобные нелепости. Лично произнесенными словами ГОСУДАРЯ вся эта фантасмагория исчезла, — а осталось лишь настоящее дело, как оно есть. И это дело идет: на днях еще в Перми и в Олонецкой Губернии открылись Комитеты.

ГОСУДАРЬ изволил несколько дней провести в Гатчине[184], откуда снова возвратился в Царское Село; на днях мы с женою имели счастие быть приглашенными туда на вечерний СПЕКТАКЛЬ.

В зале, где помещен временно Театр, я заметил новый потолок, исполненный Штакеншнейдером[185]. Мастерской перспективой ряд нарисованных на потолках

колонн зала возвышается со всех сторон; обман для зрения совершенный; но что не обман, — это емблемы, помещенные на последнем фоне. Россия, в виде прекрасной здоровой женщины, насаждающая плодовитое дерево; возле нее: улей, паровоз, типографический станок; — здесь характеристические символы настоящего Царствования.

Дай БОГ только здоровья ГОСУДАРЮ и — добрых, верных помощников, которые бы и умом понимали, и сердцем сочувствовали ЕГО великим преднамерениям.

Я неоднократно имел счастие видеть ВЕЛИКУЮ КНЯГИНЮ ЕЛЕНУ ПАВЛОВНУ; ЕЕ ВЫСОЧЕСТВО мне сказывала, что ОНА недавно писала к ВАМ.

На днях возвратился ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ, но я еще не имел случая представиться ЕГО ВЫСОЧЕСТВУ.

За отсутствием ДВОРА, в Петербурге все тихо; дела идут обычным ходом; большее движение сосредоточивается в Царском Селе, откуда ГОСУДАРЬ по временам приезжает в Петербург. Каждое воскресенье после обедни в Царском Селе бывает малый выход, — а вечером спектакль или бал.

Здоровье ИМПЕРАТРИЦЫ АЛЕКСАНДРЫ ФЕДОРОВНЫ весьма поддерживается; Доктор Каррель[186] им весьма доволен и приписывает его ваннам — из сосновых игл, — кои он выписывает *из Веймара!*

Позвольте перейти к другим предметам. ВАШЕМУ ВЫСОЧЕСТВУ известно, что одною из важнейших мер нынешнего года было: уничтожение ассигнаций на 60 миллионов рубл. серебр. (на франки: 240 миллионов).

Недавно вышедший отчет Министра Финансов за 1854 год объясняет причину, важность и пользу этой меры. Война естественно увеличила выпуск ассигнаций; в 1857 году, для покрытия оставшихся от войны расходов, было выпущено ассигнаций на 74 мильонов; из них в настоящее время уничтожено 60 мил-

лионов, так что все приращение состоит в 14-ти миллионах; между тем в Англии выпущено было банковых билетов на 120 мильонов (серебряных рублей — переводя на наши деньги); во Франции на 146 мильонов. — Я знаю, что многие в чужих краях толкуют о большом количестве у нас ассигнаций, но забывают, как всегда, огромное пространство России, и недостаток быстрых сообщений, — две причины, по которым у нас *недостаток* денежных знаков для свободного обращения, до такой степени, что в городах, удаленных от сильных торговых центров, встречается немалое затруднение для получения ассигнаций, в особенности мелких; я это испытал на себе; при переезде чрез границу, я не нашел Русских ассигнаций, и если бы не догадался еще в Кенигсберге променять талеры на Польские ассигнации, то до самого Ковно не имел бы денег для проезда. Следственно: у нас ассигнаций не слишком много, — если их трудно находят в некоторых городах. Они скопляются в торговых центрах; но в других местах их, как я заметил выше, даже недостаточно. К сему должно присовокупить, что к 1 Январю 1858 г. у нас было уже 57 разных компаний и товариществ с капиталом в 379 миллионов серебряных рублей (т. е. почти в миллиард с половиною франков!); можно заключить из сего, какое количество бумажных знаков нужно для этих компаний; в Июле сего года было уже 70 компаний, теперь число их дошло до 82; и все они — не мелкие предприятия, не на минутные выдумки моды, — нет! то — железные рельсы, которые как плодовитые деревья растягиваются по всему пространству России, то — целое Белое море, целое Каспийское, то — Волга, Амур, Печора — вот что разрабатывается нашими компаниями; вот вещественное богатство, неизменное, неподверженное случайностям, которое всегда может гарантировать наши ассигнации, и гораздо вернее, нежели

слитки золота. Вот что я бы хотел растолковать экономистам, пишущим о России; они хотят ее мерить по меркам других Европейских государств, как напр. Австрии, где действительно ассигнации могут быть гарантированы лишь слитками золота, и забывают, что у нас, сверх Сибирского золота, есть гарантии, которые, повторяю, вернее самого золота. Осмелюсь обратить ВАШЕ внимание хоть на одну из только что учрежденных компаний, а именно — на *Беломорскую*; одни постройки, приобретенные этою компаниею (верфь, доки, фабрики, лесопильня, магазины), образуют целый квартал в Архангельске; компания занимается: лесными, звериными и рыбными промыслами на всем Белом море и на берегах Северного Океана, строит корабли, отпускает за границу лес и *лед*, мелет муку, делает масло и проч. и проч. — и все это не в отдаленных от метрополии колониях, но в пределах Государства.

Рядом с Беломорскою компаниею — *Балтийская* пароходная компания, — по Висле, Неману, Двине и Неве.

В то же время, еще компания: «*Волжскодонская* железной дороги и пароходства» — которой место действия: Дон и Азовское море!

Здесь — настоящая сила и богатство России, необъятное, неисчислимое — и едва початое; что значат в сравнении с ним мелкие расчеты Западных Экономистов о том, сколько золота приходится на ассигнационный рубль? и все это развивается при великом движении, возникающем в настоящее благодатное Царствование; все это дает доход почти с первой минуты учреждения; от того почти нет компании (разумеется, дельной), которая бы встретила затруднение в раздаче акций[187]; деньги являются отовсюду; компании нужен один миллион, являются требователи акций на 4 миллиона; причем должно заметить, что

биржевой ажиотаж (на который напр. во Франции всегда рассчитывают учредители компаний) у нас существует в весьма слабой степени; большая часть наших акционеров то, что называют: actionnaires sérieux*; они покупают акции не для биржевой игры, — mais comme un placement d'argent**.

Все это не ясно понимается в Европе, и настоящее состояние наших фондов в ней единственно зависит от этого непонимания, как и вообще от непонимания России.

Много толкуют также и о цифрах наших займов; что же выходит на поверку:

Займы Англии — почти пять миллиярдов.

Франции — почти два миллиярда.

Австрии (сколько известно) более миллиярда.

России — 518 миллионов или около пол-миллиярда.

По числу жителей займы приходятся на каждого жителя в:

Англии	по 180 рублей сер.
Франции	по 52 ----------------
Австрии	по 42---------------
Пруссии	по 24 1/2--------
России	по 7 руб. сер. 80 коп.

Ежегодных процентов по займам платят:

Англия	178 миллион. руб. сер.***
Франция	127--------------------
Австрия	85---------------------
Россия	35---------------------

Я осмелился утрудить ВАШЕ внимание сими цифрами потому, что нередко ко мне за границей многие

---

* серьезные акционеры (*франц.*).

** но как вложение денег (*франц.*).

*** Весь расчет на серебряные рубли.

люди обращались с вопросами по этому предмету и, к сожалению, я у самых ученых и государственных людей замечал весьма странное незнание России. Вероятно, теперь отчет Министра Финансов подаст повод к разным толкованиям — вкривь и вкось. ВАШЕ ВЫСОЧЕСТВО будете иметь, по крайней мере, некоторые верные цифры для сравнения и оценки сих толков.

Дальнейшие подробности по сему предмету я оставляю до следующего письма, чтобы *за один раз* не слишком утрудить внимание ВАШЕГО ВЫСОЧЕСТВА.

До ВАС, вероятно, дошли известия о бывших у нас пожарах[188]; спешу прибавить, что толки о поджогах в журналах не имеют никакого основания, все пожары большею частию, правда, начались в сенниках, на барках, в складах леса, но мне кажется, что это происходит у нас от запрещения просто курить на улицах; куренье цыгар и особенно папиросов чрезвычайно распространилось у нас в простом классе, а как курить на улице нельзя, то ходят курить в конюшни, на барки, в сараи; — я это очень хорошо знаю, ибо, управляя Музеумом[189], беспрестанно должен наблюдать, чтобы табачные охотники не забирались в сараи и конюшню. Пожар на барках с сеном испугал всех, ибо одна барка, вся в пламени, сорвалась с якоря и поплыла вниз по Неве, хорошо что успели для нее вскрыть мосты, между коих она прошла благополучно и наконец была затоплена; я видел ее, ибо она прошла перед Музеумом чрез Николаевский мост[190], который также успели раскрыть.

Ожидали, что сено весьма вздорожает, но меры так хорошо были приняты, что в течение двух дней на Сенной не было прохода от возов с сеном и оно вошло в обыкновенную цену.

Вот несколько текущих новостей:

Обер-Церемониймейстер Граф Борх[191] просился в отставку по расстроенному здоровью, но ГОСУДАРЬ

милостиво отказал ему в том, а пожаловал годовой отпуск.

Должность ГРАФА БОРХА ныне исправляет временно ЗАХАР ХИТРОВ (сын бывшего Контролера), пожалованный на днях в ТАЙНЫЕ СОВЕТНИКИ.

Слухи о смене ЛАНСКОГО[192] не оправдались; он попрежнему остался Министром Внутренних Дел и, повидимому, пользуется особенным благоволением ГОСУДАРЯ.

60-тилетняя ГРАФИНЯ ПОТЕМКИНА, бывшая КНЯЖНА ТРУБЕЦКАЯ[193], вышла замуж за СЕНАТОРА Подгасского в Москве.

Позвольте мне заключить это письмо выражением нашей благовейной благодарности за все милости, ВАШИМ ВЫСОЧЕСТВОМ нам оказанные, во время пребывания нашего в Веймаре; смею уверить ВАС, что они никогда не изгладятся из нашего благодарного сердца.

Веймар я считаю родным, и постараюсь доказать это на деле.

Честь имею ВАМ доложить, что я показываю здесь разные Веймарские продукты; сосновое масло (Waldwollöhl) было принято с восторгом и оказало столь полезное действие на ревматизм, что мой Доктор (Главный Штатс-Медик Петербурга) перебрал у меня почти все привезенные мною склянки и я надеюсь, что между Беркой[194] и одною значительнейшею здесь аптекою (Штрауха[195]) установятся торговые сношения. Другие продукты из Рума также ходят по рукам между здешними негоциантами и, надеюсь, не без пользы к открытию навигации.

С первым курьером, какой только отправится, я буду иметь честь, между прочим, представить ВАШЕМУ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ:

1. Два веленевых экземпляра писем Лафатера[196] для ИХ КОРОЛЕВСКИХ ВЫСОЧЕСТВ[197]; они *лишь те-*

перь могли быть отпечатаны, по *трудности печатания заглавного листа разными красками.*

2. Русские архитектурные древности Г. Мартынова[198], кои, надеюсь, возбудят любопытство ВАШЕГО ВЫСОЧЕСТВА.

Наконец, 3, несколько Русских продуктов из *рябины,* которой такое множество в Веймаре, и из коей приготовления в Германии неизвестны. Они разложены в бурачки для удобства подарков от ВАШЕГО ВЫСОЧЕСТВА, если изволите найти то нужным.

С глубочайшим благоговением и искреннею преданностию честь имею быть

ВСЕМИЛОСТИВЕЙШАЯ ГОСУДАРЫНЯ
ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЫСОЧЕСТВА
всепокорнейшим слугою
Кн. В. Одоевский.
27е окт. 1858.
СПб.

* * *

Г. Гофмейстеру
Князю В.Ф. Одоевскому
в С. Петербурге
Веймар 11/23 Ноября 1858[199]

Князь Владимир Федорович!

Я весьма хорошо понимаю, что Вам тотчас по возвращении из заграницы не возможно было уведомить меня о всех подробностях, кои Вы мне сообщаете письмом Вашим от 27-го прошлого Октября и которые очень любопытны во всех отношениях, и я тем более Вам благодарна, что Вы, несмотря на много-

численные занятия Ваши, исполняете с таким усердием данное Вам поручение.—

Мне приятно, что известия, которые Вы мне доставили о Царской Фамилии, так утешительны; в особенности же то, что Вы пишете о Государе Императоре, слова Его, говоренные по разным случаям (Московскому Дворянству), я также прочла со вниманием, и надеюсь, что они произведут хорошее действие.

Мой племянник Константин Николаевич с супругою гостит у нас уже несколько дней, они хотели отправиться в прошедшее Воскресенье, но Александра Иосифовна, чувствуя себя не так здоровою (indisposée), они отложили отъезд, впрочем, к лучшему, ибо здесь на днях мороз был так чувствителен и неслыханный в сие время года, что доходил по ночам до 20 градусов.

С удовольствием вижу, что Вы так хорошо отзываетесь о Веймаре, но я должна Вам откровенно сказать, что и Вас здесь не забывают и с приятностию вспоминают о времени, которое Вы провели между нами, и что умели ценить и уважать как Вас, так и супругу Вашу, — так считать Вас нашим.

Если здешние продукты хорошо принимаемы будут в России и окажут полезное действие, то весьма желательно, чтоб установились торговые сношения между сими странами, как сие уже существует, как Вам известно, с Америкою, с коею город Апольда[200] производит обширую торговлю шерстяными товарами.

Прошу Вас поклониться от меня Княгине и племяннице Вашей и принять уважение, с каковым пребываю Вам

Доброжелательная
Опробовано
Веймар 12/28 Ноября 1858.

* * *

ВСЕМИЛОСТИВЕЙШАЯ ГОСУДАРЫНЯ![201]

Имею честь писать к ВАШЕМУ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ, под влиянием самого трогательного зрелища: сегодня был праздник св. Георгия[202], и Русский Царь после обедни угощал обедом кавалеров Ордена[203]. Внизу, в галерее Посольского подъезда[204], были накрыты столы для нижних чинов; их было всего 987 человек; старший из них Черняев, Унтер-Офицер Семеновского полка, участвовавший в Кульмском сражении[205]; ему 79 лет, но он свеж и бодр, хоть сейчас во фронт. Все гости были по местам, Государь сошел с Посольской лестницы, приблизился к среднему столу, милостивым, но звучным голосом проговорил: «Здорово, ребята» и выкушал рюмку водки за их здоровье. От громогласного: «Ура! здравия желаем ВАШЕМУ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ!» дрогнули стены Посольской галереи. Государь изволил обойти все столы и говорить со многими из старых воинов. Я следил за ГОСУДАРЕМ и слышал, что он каждому нашел сказать такое ЦАРСКОЕ ласковое слово, что у многих слезы проступали из глаз. Государь был весел, свеж и бодр. Наверху был обед для Генералитета; всех обедающих было до 500 человек; старший из всех по Ордену был Граф Пален[206], по летам Отставной Генерал Ерренгерс, которому 84 года, но весьма здоровый и крепкий. Дежурными при Государе были следующие Кавалеры Святого Георгия: Генералы Кауфман, Тотлебен и Граф Андрей Шувалов[207].

9-го Декабря 1858 г.

Я остановился продолжением этого письма, ибо болезнь ИМПЕРАТРИЦЫ АЛЕКСАНДРЫ ФЕДОРОВНЫ всех нас встревожила, — о чем ВАШЕМУ ВЫСОЧЕСТ-

ВУ известно по телеграфу, и я боялся, чтобы в такую минуту мое письмо не обременило ВАС, тем более, что нет ничего утешительного, а скрывать от ВАС истину я не смею. Теперь, слава Богу, опасность миновалась, — и можно даже сказать, что эта болезнь есть ручательство в сохранности еще надолго драгоценных дней ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВА; ибо выдержать une bronchite* и неизбежные в сем случае кровопускания и мушки не всегда удается и молодым здоровым людям; между тем, ныне, Каррель весьма доволен положением ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВА; знак, что организм ИМПЕРАТРИЦЫ еще богат жизненными силами.

У Великой Княгини ЕЛЕНЫ ПАВЛОВНЫ возобновились ЕЕ маленькие вечера, по-прошлогоднему; собираются у Княжны Львовой[208] по вторникам, и она обязана хозяйничать при помощи моей жены; ВАШЕМУ ВЫСОЧЕСТВУ известна цель образования этих вечеров; так как они собственно не у Великой Княгини, то это дает возможность ЕЕ ВЫСОЧЕСТВУ приходить и уходить, когда ЕЙ угодно и ne pas faire cercle**; эта же свобода предоставляется и всем посетителям; когда не ждут ОСОБ ИМПЕРАТОРСКОЙ фамилии, то позволяется быть в черных галстухах[209]; обыкновенно бывает музыка и прекрасная: квартет скрипок; Рубинштейн, ныне получивший звание придворного пианиста; Mlle Штубе[210], Кочетова (бывшая Соколова)[211], Лечетицкая (бывшая Фридберг), Опочинин (Моряк), иногда итальянцы. Вечер обыкновенно начинается в 9 ч. и продолжается до полуночи. Сегодня на вечере были ИХ ВЫСОЧЕСТВА Александра Петровна и Ольга Павловна.

К концу вечера, к сожалению, распространился слух, что кашель ИМПЕРАТРИЦЫ АЛЕКСАНДРЫ ФЕДОРОВНЫ усилился.

---

* бронхит (*франц.*).

** *дословно*: стоять в толпе (*франц.*).

14 Декабря.

Эти дни мы были весьма беспокойны относительно здоровья ИМПЕРАТРИЦЫ АЛЕКСАНДРЫ ФЕДОРОВНЫ, на которое подействовал внезапно усилившийся мороз, но слава Богу, это, кажется, был только легкий кризис. Ныне ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВУ лучше, и гораздо лучше, как ВАШЕМУ ВЫСОЧЕСТВУ, вероятно, уже известно по телеграфу, и мы надеемся на скорое выздоровление.

В Московском Университете было небольшое происшествие, которое, вероятно, преувеличат иностранные журналы. Дело все в том, что студенты были недовольны Профессором Варником и за дурное чтение и за грубое обращение; по сему случаю Министр Просвещения ездил в Москву и на деле, оказалось, что ничего важного не было, а просто школьнический шум; теперь все успокоилось и Министр чрез два дни уже возвратился в Петербург; дело еще не решено, но говорят, что Варник будет сменен, а некоторые студенты исключены.

Петербургский Крестьянский Комитет кончил свою работу; в настоящую минуту я не могу сказать ВАШЕМУ ВЫСОЧЕСТВУ ничего определительного о достоинстве сего труда, ибо еще не имел случая прочесть его; однако же знаю об нем столько, чтоб утвердительно сказать, что статья 20-го Декабря в Nord[212], верно произведшая много толков, содержит в себе значительное число ошибок и совершенно ложных понятий. Вообще, как ни труден крестьянский вопрос, но он разрешается мало-помалу; многое, что казалось весьма трудным в начале сего года, то ныне уже более не пугает; дозволение писать о сем предмете произвело много весьма замечательных сочинений по сей части, в которых разъяснились разные стороны сего многосложного предмета, чем облегчились обсуждения в Губернских Комитетах. Работы многих из

них также приводятся к окончанию. За сим настанет огромный труд для *Главного Комитета* по крестьянскому делу: соединить все сии различные работы по всем Губерниям России в одну, отличить в них то, что должно войти в закон *общий* для всей России и определить те постановления, которые по местным условиям должны относиться *лишь к одной полосе*, или даже к одной какой-либо Губернии. Дай только Бог ГОСУДАРЮ добрых, честных и верных помощников, а дело уладится хорошо и спокойно — на удивление всей Европы, которая, как видно по журналам, никак не может понять благоразумного спокойствия наших крестьян и их ненарушимой уверенности, что их права будут защищены свыше. Между Дворянами нет того противодействия, о котором кричат журналы; разномыслие относится только до количества земли, которое может быть предоставлено крестьянам и об условиях с ними; здесь наибольшая трудность заключается в том, что сих условий нельзя подвести ни под какое общее правило; в каждой Губернии и даже иногда, смотря по уездам, условия должны быть различны. Конечно, появляются и действия человеческого эгоизма; некоторым, к счастию, не всем помещикам хотелось бы сохранить за собою сколь возможно более выгод; есть и недобросовестность и хитрость; но так бывает во всех делах человеческих; лучшее разумение своих выгод, скажу даже, большее просвещение между нашими помещиками, а в ожидании того энергическая воля Правительства мало-помалу уничтожит все эти временные препятствия.

Между тем улучшения в нашем житейском быту — появляются одно за другим, почти ежедневно; едва успеваешь следить за ними.

В Петербурге компания ученых и капиталистов открыла публичные лекции по части Ботаники, Физиологии, Химии и Физики, пригласила лучших Профес-

соров; наняла великолепную залу; запаслась дорогими новейшими аппаратами и пускает публику за 50 к.с. с персоны. Вот две недели, как начались эти лекции, а уже зала становится мала, хотя в ней помещается до 600 человек; почти нельзя достать билетов для входа; с раннего утра все разобраны. Мои занятия позволяют мне посещать лишь лекции химии, которые читаются превосходно Профессором Ходневым[213] и с опытами в большом виде.

Формируется также Общество Химиков — с целию устроить обширную Лабораторию, где бы всякий за дешевую цену мог бы произвести какой ему угодно опыт, или пройти небольшой курс химии. — Не могу скрыть от ВАШЕГО ВЫСОЧЕСТВА, что я один из учредителей этого общества, которое мне представляется совершенно необходимым, при настоящем ходе нашей промышленности. Бог знает, как это нам удастся; дело весьма многосложное.

Женские Училища, или женские Гимназии для приходящих (externes) по мысли ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ АЛЕКСАНДРОВНЫ принялись прекрасно на нашей благословенной земле; они начались недавно, а их уже *три* в Петербурге. Честь и слава нашей молодой ИМПЕРАТРИЦЕ за эту мысль! эти учреждения были совершенно необходимы. Недавно начались они, едва год — а уже теперь в Вятке открылось такое Училище на процент с капиталов, пожертвованный тамошним купечеством. Новое такое же Училище открыто в Самаре.

Обращено особое внимание Правительства на учеников и частных ремесленников; Полиция смотрит, как они содержатся, штрафует жестоких или небрежных хозяев и печатает об этом в газетах. Это прекрасно; еще лучше то, что по предложению ремесленного головы Комарова здесь открываются для сих учеников *воскресные классы* и предполагается издавать для них Ремесленный Журнал. Министерство Просвеще-

ния даст помещение сим классам в Приходских Училищах, которые, разумеется, бывают не заняты по Воскресеньям.

Вообще число журналов весьма увеличилось; к новому году их будет более двухсот.

К сему числу должно присовокупить *Метеорологический Журнал*, который будет интересен для всей Европы; он будет издаваться Метеорологическим Комитетом при Географическом Обществе.

Число Акционерных компаний в течение двух последних месяцев возросло от 80 до 90. Между ними весьма интересна компания, образованная Карамзиною (Демидовою), Хрущевым, Графом Шуваловым, Палибиным, Абазою[214] и Графом Бобринским[215], все людьми богатыми — для устройства дешевых и удобных квартир, со всеми новейшими усовершенствованиями, — для людей недостаточных.

Замечательная также компания *Водопроводов*, основанная по мысли здешней Городской Думы, учреждения, отличающегося своей полезною деятельностию, добросовестностию и просвещением, — я это могу смело сказать, ибо, по званию *Гласного*[216], в которое меня выбрали Петербургские жители, имею достаточное сведение о всем происходящем в сем учреждении.

Особая компания предполагает построить мост для приближения Охтенской слободы к Петербургу. Вы изволите уже знать, что Охтенские поселяне, бывшие со времен Петра в зависимости от Морского ведомства, в роде крепостных, ныне освобождены и имеют уже свою мещанскую управу. И вот действие этой меры, — по которой можно судить о ее действии и в других краях России; едва освободили Охтенцов, как оживилась в них промышленная деятельность, так что могла уже учредиться компания для постройки моста,

полезного для всей столицы, о котором прежде и не помышляли!

К нам приехал сюда с Афонской горы художник Севастьянов[217], куда он ездил для снятия фотографий с древних греческих и славянских рукописей; между прочими, в высшей степени любопытными предметами, он фотографировал *все листы* славянского древнего Евангелия, писанного глаголическими буквами (как Реймское[218]); весьма любопытны кальки, снятые Севастьяновым, посредством papier-glacé* с фресков образов Афонской горы, начиная с IX века и во всю величину. Замечательно то, что сии древние образа отнюдь не уродливы, как утверждают иностранцы[219], говоря о нашей древней иконописи, но весьма изящны и напоминают школу Перуджино[220].

Я ожидаю отправления курьера, для представления ВАШЕМУ ВЫСОЧЕСТВУ разных предметов, кои, смею надеяться, заслужат Вашего внимания.

С глубочайшим благоговением и совершенною преданностию моею честь имею быть,

ВСЕМИЛОСТИВЕЙШАЯ ГОСУДАРЫНЯ
ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЫСОЧЕСТВА
всепокорнейшим и всепреданнейшим
слугою
Князь В. Одоевский
Спб.
16е/28 Дек. 1858.
№ 8.

---

* вощеная бумага, калька (*франц.*).

* * *

Князю В.Ф. Одоевскому
Гофмейстеру Двора Е.И.В.
в С. Петербурге[221].

Князь Владимир Федорович!

С большим вниманием прочла я письмо Ваше от 16/28 прошлого Декабря и должна Вас очень благодарить за все сведения, которыми Вы всегда стараетесь меня обучать и которые действительно меня весьма интересуют, например, описание праздника Св. Георгия, так как и все подробности, которые Вы мне сообщаете.

Известие, данное Вами о здоровьи Императрицы Александры Федоровны, весьма меня успокоили, участие, которое все принимают ко всему, что касается до Императрицы, Вам известно и не требует многих слов, дай Бог ей вскоре выздороветь, желаю это от всей души.

Мне приятно, что уведомления Ваши насчет Комитета по крестьянскому делу, вовсе в другом смысле, нежели то, что о том письмо в Nord, также утешительно, что сей трудный вопрос разрешается малопомалу; но чем труднее сие дело ныне кажется, тем приятнее будет окончить оное с успехом.

Я не могу еще удостовериться в пользе столь многих Акционерных Компаний, согласна, что многие из них весьма [созданы и будут полезны] могут быть полезны; но опасаюсь, что большое число оных основано только на то, чтоб разбогатеть как можно скорее, и тем не очень надежны, я рада буду, если окажется противное.---

[Прошу Вас] Поклонитесь от меня Княгине, и поздравляя Вас обоих с новым годом, прошу часто ко

мне писать, и возобновляю Вам уверение особенного уважения, с каковым пребываю Вам доброжелательная

Опробовано
Веймар
26 Декабря 1858 / 7 Января 1859.

* * *

ВСЕМИЛОСТИВЕЙШАЯ ГОСУДАРЫНЯ![222]

Сегодня праздновали мы в Зимнем Дворце день Рождества Христова и избавление России в 1812 году. ВАШЕМУ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ известна эта духовная и вместе воинская церемония: расположение войск в залах Дворца, обедня в большой Церкви, молебствие с коленопреклонением, шествие в Александровскую (портретную) залу; панихида и молебствие. Церемония сохраняется в прежнем виде, с тою только разницею, что военные оркестры играют (сверх гимна «Боже, Царя Храни») — лишь «Слава в вышних Богу», а не другую какую-либо музыку, что очень рационально. Во Дворце были все находящиеся здесь Члены Августейшего Дома, кроме Императрицы Александры Федоровны и Государыни Великой Княгини Елены Павловны. Впрочем, здоровье ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВА так поправилось, что ОНА могла сегодня из спальни перейти в туалетную. У ЕЛЕНЫ ПАВЛОВНЫ сильный насморк, чему я очень радуюсь, ибо это есть разрешение флюса, которым страдала ЕЕ ВЫСОЧЕСТВО все это время. Сегодня мы с женою имели честь обедать у ЕЕ ВЫСОЧЕСТВА; по нездоровью ЕЕ, кроме нас и Княжны Львовой, была лишь Графиня Толь, бывшая Штрандман — красавица, которая после свадьбы еще похорошела; она на днях отправляется в

Стутгарт, где муж ее получил место при нашем Посольстве; с нами ВЕЛИКАЯ КНЯГИНЯ не церемонится, но при ее насморке, с беспрестанным чиханием, ЕЙ решительно нельзя было бы показаться в Дворцовой церемонии.

Я имел уже честь писать к ВАШЕМУ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ о Вторниках ВЕЛИКОЙ КНЯГИНИ; 3-го Января приготовляется у Нее маленькая Опера, в которой будет участвовать чудная Mlle Stube и Ронкони, а вслед за тем будет Masken-Zug*, где мы все примем участие, и где между прочим приготовляется кадриль Миннезенгеров.

Занемог было Министр Граф Адлерберг, но сегодня уже был в церемонии; Граф Пален все еще болен.

В Петербурге веселятся и намерены веселиться; приготовляется много праздников, особенно в среднем классе общества; вчера по улицам почти не было дома, не было этажа дома, где бы не блистала елка.

Я нахожусь в надежде, что это письмо достигнет Веймара прежде нашего Русского Нового Года. Почему позвольте нам принести ВАШЕМУ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ наше душевное поздравление и сердечное желание встретить ВАМ счастливо много, много таких годов, на радость всем, на коих изливаются милости ВАШИ. Милостивый рескрипт ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЫСОЧЕСТВА мы с женою читаем и перечитываем и глубоко ценим каждое ВАШЕ слово. Смеем уверить ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО, что мы также Веймар считаем своим родным, и что постоянною нашею мыслию: сделать что-либо ВАМ угодное, и оправдывать на деле милостивое благорасположение ВАШЕ.

Новостей важных мало; многое готовится, но еще не появляется. Говорят, что по множеству учреждае-

---

* маскарад (*нем.*).

мых Компаний на акциях будут некоторые ограничения в дозволении на оные. Хотя все они не фантастические, а имеют предметом разработку натуральных богатств земли Русской, — но опасаются, чтобы такое сильное требование капиталов *вдруг, в одно и то же время,* не произвело затруднений и подрыва для новообразующихся компаний, пока они, так сказать, еще не окрепли. Притом главная беда: у нас слишком мало рук в сравнении с пространством, а, независимо от компаний, большие капиталы и большое количество и ума и труда идет на частные предприятия. В нынешнем году уже девять пароходов ходило по Неману: два между Ковно и Тильзитом, два между Тильзитом и Мемелем, и пять между Мемелем и Кенигсбергом. — Между Псковом и Дерптом началось с прошлого года пароходное сообщение; в самый тот день, когда в Пскове пришел первый поезд по Варшавской железной дороге, пришел и первый (после 8-ми лет) пароход из Дерпта; шел он всего сутки, несмотря на мелководье реки Эмбаха и отмели на Псковском озере. Но еще важнее то, что по реке Белой в Оренбургской Губернии прошлого года стали ходить пароходы купца Журавлева[223]; важность этого нововведения делается очевидною, если вспомнить огромное количество леса в Оренбургской Губернии и то, что в ней земля приносит хлеб сам 15-ть, и даже сам 17-ть *без всякого удобрения*, о котором никто там и не думает; все это огромное богатство этого края терялось доныне от недостатка сообщений; теперь и это богатство двинется с места. Говорят, что для реки Белой заказано еще *шесть* пароходов; да, к счастию, по берегам этой реки найдены и пласты очень хорошего угля.

Между тем здесь образуется новая компания: Петербуржско-Волжского пароходства; и Балтика все легче и легче будет сообщаться с такими внутренними странами России, кои доныне, по недостатку

8 — 2335

средств сообщений, мало делились своими сокровищами с другими Провинциями и Европой вообще. Открытия следуют за открытиями, одно другого неожиданнее; так, недалеко от той же реки Белой найден превосходный *точильный камень*, который мы до сих пор должны были выписывать из Англии.

Принялись наконец изучать нашу Кормилицу Волгу; производились изыскания вниз от Рыбинска для снятия на план течения реки; промерены фарватеры, отмечены каменные гряды и литографируется столистовый атлас течения от Твери до Рыбинска. — Словом, все движется при мудром умственном и материальном направлении, которое дано ГОСУДАРЕМ, изучаются богатства России, а при этом изучении открываются новые. Отрадно жить в настоящую минуту в России; творится какой-то новый мир, где неожиданно появляются и силы и сокровища, коих существование было почти неизвестно.

В нравственном отношении я многого ожидаю от нашей умной и осторожной литературы, от усовершенствования учреждений учебных и в особенности от развития Женских Гимназий[224], о коих я имел уже честь писать к ВАШЕМУ ВЫСОЧЕСТВУ; учреждением их ИМПЕРАТРИЦА МАРИЯ АЛЕКСАНДРОВНА истинно возвратила матерей[225] — дочерям и дочерей — матерям, в то же время образуя тех и других, — ибо я по опыту знаю, что ребенок, возвращаясь из школы *ежедневно* домой, вносит в семейство не только некоторое количество познаний, но что еще важнее — любопытство, склонность к ученью; замечая успехи ребенка, и отец и мать невольно получают желание выучиться, по крайней мере тому, чему выучился ребенок, — а это уже важный шаг для человека, закоснелого в невежестве.

Для людей, которые хотели бы препятствовать этому великому движению, — поучительным приме-

ром может служить Китай. Оттуда возвратился недавно наш астроном Скачков[226], один из отличнейших синологов в Европе. Он рассказал мне между прочим одну, очень любопытную черту Китайских нравов, доказывающую, каким образом самые благородные, самые святые чувства могут обратиться в самую гнусную безнравственность, когда при том нет *умственного* движения[227]. Много писали о родительской власти, о почтении к родителям в Китае, и что может быть святее этого чувства? но от времени и застоя мозгов оно обратилось в самое зловредное дело. По Китайским законам, сын обязан прокармливать отца, — что может быть лучше? но вот что из этого вышло: Китаец ведет себя хоть не нравственно, но осторожно, *пока дети его малы*; как скоро сын вырос, — так отец перестает заниматься каким-либо трудом, а бросается в мотовство и беспутство, ибо знает, что, что бы он ни делал, но сын должен его содержать, чего бы ему ни стоило; и отцы так разоряют своих детей, что дети больше всего стараются о том, чтобы отец их *продал* (что дозволяется Китайскими законами), ибо проданный сын уже не имеет более обязанности прокармливать отца. С тем вместе воровство, взятки, продажность правосудия, словом, всякого рода безнравственность, несмотря на мнимую строгость наказаний, подпиливают это несчастное Государство со всех сторон. По Китайским законам, Богдыхан[228] не только не может ничего улучшить, но не может никогда и знать истины, не может даже увериться, правду ли ему доносят; а в воровстве принимают участие все самые близкие к нему люди. Так, в начале инсуррекции, Богдыхан пожелал узнать: каким образом укреплен Пекин, за который боялись; к Богдыхану принесли списки, в коих было показано, что все стены Пекина покрыты бесчисленными пушками; Богдыхан вздумал послать одного из своих близких родствен-

ников посмотреть на эти пушки, — оказалось, что на стенах Пекина не было *ни одной*; они только показывались в списках, — деньги, отпускаемые на них, делились между начальниками; а какие были пушки — те украдены. Любопытнее всего то, что сильные виновники этой кражи, в отмщение за справедливое донесение, нашли способ обвинить самого того чиновника, который донес об этом, и несмотря на то, что Богдыхан очень уважал этого человека, этот несчастный был лишен своего звания и посажен в тюрьму.

Скачков будет читать свое путешествие в виде лекций — в числе других публичных лекций, о коих я упоминал в последнем письме и которые попрежнему посещаются огромною публикою. Доныне, с утра, уже все билеты бывают разобраны.

К нам приехал Père Souillard — Доминикан и оратор, пользующийся во Франции большою знаменитостию. Он очень любезен с дамами, и многие от него в полном восхищении. Он говорит каждое Воскресенье после обеда проповеди в Римско-Католической Церкви[229]. Народа стекается пропасть нерусских и Русских; я насилу мог пробраться в Церковь. И что же я услышал и увидел? Правда, голос у Сульяра прегромкий, всякое слово слышно, но какая пестрота и пустота мыслей, какой неприличный образ выражений, что за жесты Полишинеля, — а более всего quelle absence d'onction*! Вот, например, его способ объясняться: «Mes chers frères, сказал он, cette fois-ci je dois changer le sujet de mes conférences (его теза: любовь к ближнему), car demain l'Eglise Catholique fête l'immaculée conception de la Ste Vierge... or je ne puis, en passant ne pas lui dire "Bonjour, Mére"»**.

---

* какое отсутствие помазания (*франц.*).

** Мои дорогие братья, — сказал он, — в этот раз я вынужден изменить предмет своей проповеди (его теза: любовь к

И такими неприличными фразами наполнена вся проповедь, продолжающаяся около часа; в одном месте он сказал: *Mesdames!* le culte de Marie c'est ... Votre *palladium**, т. е. статуя Минервы! — для нас Русских это просто *скандал,* хотя и в чужой Церкви. Не уж-ли так низко упало Латинское духовное красноречие? — Невольно вспоминаешь наших проповедников, а равно и Протестантских.

С глубочайшим благоговением честь имею быть,

ВСЕМИЛОСТИВЕЙШАЯ ГОСУДАРЫНЯ,
ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЫСОЧЕСТВА
всепокорнейшим слугою
Кн. В. Одоевский.
№ 9.
25 Декабря 1858 г.

* * *

Князю В.Ф. Одоевскому[230]

Князь Владимир Федорович!

Я очень обрадована была получением Вашего письма от 25 Декабря прошлого года, и благодарю Вас за все любопытные новости, которые Вы мне сообщаете.

Вы мне между прочим пишете, что у Великой Княгини Елены Павловны будет, или уже был, Maskenzug**, в котором Вы все принимаете участие, про-

---

ближнему), потому что завтра католическая Церковь празднует день непорочного зачатия Богоматери... и вот почему я не могу не сказать ей мимоходом «Здравствуй, матерь» (*франц.*).

* *Сударыни*! Культ Марии есть... Ваш *паладиум* (*франц.*).

** маскарад (*нем.*).

шу Вас уведомить меня, какую роль Вы и Ваша супруга имели при этом случае, меня очень интересует также знать, какие были Maskenzüge*.

Слава Богу, что здоровье Императрицы Александры Федоровны поправилось, надеюсь также, что моя любимая невестка Великая Княгиня Елена Павловна избавилась от насморка.

Учреждение пароходов по рекам России есть весьма важное предприятие, и Вы справедливо судите, что сообщениями со внутренними странами России откроются те богатства ее, которые до сих пор или не были почти известны, или же оставались в дальних краях без всякой пользы по неимению удобных сообщений; должно полагать, что доставлением разных продуктов в Столицы, из тех краях, где они в изобилии, уменьшится и дороговизна, которая ныне существует**.

Благодарю Вас также за все добрые желания, которые Вы мне присылаете к новому году, и уведомляю Вас о получении присланного мне Календаря на сей год, прошу Вас поклониться Княгине и принять уверение особенного уважения, с каковым пребываю

Вам доброжелательная
Опробовано
Веймар
6/18 Января 1859.

---

* маскарады (*нем.*).

** Далее вписано и зачеркнуто: «То, что Вы мне об лучшем состоянии всех пишете, меня чрезвычайно обрадовало. <нрзб.>».

* * *

Von der Königl. Preuss. Telegraphen-Station[231]
In Weimar
Telegramm
Aufgegeben in Petersburg den 16 Febr. 1859
Angekommen in Weimar den 17 Febr. 1859

A Son Altesse Impériale la Grande Duchesse Maria Pavlovna à Weimar

Les Odoevsky présentent leurs félicitations l'Impératrice mère a assisté aujourd'jui à la messe

Prince Odoevsky*

* * *

A S.E. Mr le Prince Odoevsky
à St. Pétersbourg[232]

Weimar
Le 6/18 fevrier 1859

Mon Prince,

S. A. I. Mme la Grande Duchessse Marie Pavlovna, n'ayant pas le temps de répondre Elle-même, a daigné me charger de remercier Votre Ex. et Mme la Princesse de Sa

---

* С Королевской Прусской телеграфной станции
В Веймаре
Телеграмма
Отправлено из Петербурга 16 февраля 1859
Получено в Веймаре 17 февраля 1859 (*нем.*).

Ее Императорскому Высочеству Великой Княгине Марии Павловне в Веймар

Одоевские шлют свои поздравления Императрица-мать присутствовала сегодня на службе

Князь Одоевский (*франц.).*

part, pour les félicitations que Vous Lui avez fait parvenir par la dépêche télégraphique pour Son jour de naissance.

S. A. I. ayant été indisposée pendant quelque tems, est maintenant, grâce a Dieu, tout à fait retablie et a pu assister au diner, qui a eu lieu le 4/16 fev. et le lendemain au Grand bal[233].

En vous priant de présenter mes respects à Mme la Princesse, veuillez, Mon Prince----*

* * *

ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО![234]

Повергая к стопам ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЫСОЧЕСТВА ведомость за истекший 1858-й год, о сумме 428 р. 56 к. сер. от щедрот Вашего Высочества, для выдачи пенсий и пособий мне вверенной[235], имею счастие всенижайше донести, что в остатке от оной состоит 20 руб. 44 коп., которые с оставшимися в 1857 г., 25 р. 44 коп. составляют 45 руб. 88 коп. сер. И сохранены мною на тот конец, если ВАШЕМУ ИМПЕ-

---

* *Его Превосходительству князю Одоевскому*
в Санкт-Петербурге.
Веймар, 6/18 февраля 1859.

Князь,

Ее Императорское Высочество Великая Княгиня Мария Павловна, не имея времени ответить сама, соблаговолила поручить мне поблагодарить от Ее имени Вас и Княгиню за поздравления, которые Вы отправили Ей телеграммой ко дню Ее рождения.

Ее Императорское Высочество была некоторое время нездорова, но сейчас, Слава Богу, полностью поправилась и смогла присутствовать на обеде 4/16 февраля и на следующий день на Большом балу.

Передавайте мои приветы Княгине и примите, Князь---

РАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ представятся другие случаи бедности, не терпящие отлагательства.

К сему долгом считаю присовокупить, что пользующаяся по неизменной милости Вашего Высочества постоянным вспомоществованием вдова Форстмейстера 9-го класса Баронесса Коспот, как отозвался Начальник Смоленской Губернии, действительно находится в живых и при преклонных летах, в крайне бедном и беспомощном положении.

С глубочайшим благоговением имею счастие быть

ВАШЕМУ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ
Всепокорнейшим слугою
Князь В. Одоевский
С. Петербург
Января 31 дня / Февраля 12.

* * *

ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО[236]

По поводу переданного мне ВАШИМ ИМПЕРАТОРСКИМ ВЫСОЧЕСТВОМ прошения проживающей в г. Туле вдовы Статского Советника Александры Даниловой, урожденной Тележниковой, об оказании ей от щедрот ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЫСОЧЕСТВА вспомоществования, я не преминул о доставлении надлежащих о положении просительницы сведений обратиться с просьбою к Тульскому Гражданскому Губернатору, который ныне меня уведомил, что Данилова имеет от роду 73 года, здоровья весьма слабого и лишена зрения; живет с дочерью своею Титулярною Советницею Елисаветою Забаковою, имеющею мужа и владеющею в Тульском уезде недвижным имением, заключающимся в 29-ти душах и земли 200 десятин;

способ содержания просительница имеет от получаемого ею из Казначейства пенсиона 283 руб. 14 коп. сер. И еще 85 р. 80 к., производившихся ей прежде из сумм ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИЗАВЕТЫ АЛЕКСЕЕВНЫ, а всего 368 р. 94 коп. серебром ежегодно.

За таким отзывом Генерал-Лейтенанта Дарагана, и имея в виду, что дочь Г-жи Даниловой имеет недвижную собственность, а сама просительница получает довольно значительную пенсию, я осмеливаюсь думать, что нет повода производить пособия от щедрот ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЫСОЧЕСТВА, назначаемые лишь действительно неимущим, — если ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО не изволите иметь каких-либо иных соображений для оказания Г-же Даниловой милости не в пример другим.

На сей предмет я буду почтительнейше ожидать повелений ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЫСОЧЕСТВА.

С чувствами глубочайшего благоговения и беспредельной преданности имею счастие быть

ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЫСОЧЕСТВА
Всепокорнейшим слугою
Князь В. Одоевский
С. Петербург
Января 31 дня /Февраля 12 1859.

* * *

Г. Гофмейстеру Двора Е. И. В.
Князю В.Ф. Одоевскому[237]

Князь Владимир Федорович!

Получив препровожденную при письме Вашем от 31 Января/12 Февраля ведомость о сумме 428 р. 56 к. сер., назначенной для выдачи в течение 1858 года раз-

ным лицам пенсий и единовременных пособий, мне приятно изъявить Вам мою благодарность за аккуратность, коею ведены счеты, и за попечение, которое Вы принимаете в мою пользу. — Я не имею особенной причины оказать вспомоществование проживающей в Туле вдове Статского Советника Александре Даниловой, кроме как воспоминания о том, что она находилась на службе Императрицы Елизаветы Алексеевны и что почитала ее в бедности, если Вы полагаете, что она не находится в действительной нужде, то прошу в этом случае действовать по Вашему соображению.

Очень сожалею, что Вы не воспользовались сим случаем, доставить мне также сведений о родных моих в России, о которых Вы уже давно ничего не писали, посему прошу Вас сделать одолжение, если время Вам позволяет, и уведомить меня, как о здоровьи Императора, Императрицы и прочих Членов Моей фамилии, так и продолжать доставлением любопытнейших сведений, происхождениях в России.

Поклонитесь от меня Княжне и примите уверение особенного уважения, с каковым пребываю Вам

Доброжелательная
Опробовано
Веймар
16/28 Февраля 1859.

* * *

Гофмейстеру
Князю В.Ф. Одоевскому[238]

Князь Владимир Федорович!

Желая прекратить ежегодные выдачи, отпускаемые из С. Петербургской Сохранной Казны, а именно: 85 р. 13 ¾ к. , для Общества Благородных девиц,

285. 71 для С. Петербургского Училища Ордена Св. Екатерины,

428.56 в Ваше распоряжение на известное употребление,

285.71 для Московского Училища Ордена Св. Екатерины

всего 1085 р. 11 ¾ к. в год, прошу Вас принять на себя труд выдавать сии суммы в назначенные сроки и о которых потрудитесь справиться в С. Петерб. Сохранной Казне и меня о сем уведомить.

Суммы же, нужные на уплату сих выдач, будут доставлены Вам по третям чрез Статс. Совет. Фемидина, коему я дала на сие надлежащее приказание. Присовокупляю к сему для Вашего сведения, что в Январе месяце сего года выдано:

142 р. 85 к. в Ваше распоряжение и 285 р. 71 ¼ к. в Общество Благородных Девиц.

В той надежде, что Вы не откажете мне в моей просьбе (принять на себя сей труд), прошу Вас не оставлять меня столь долгое время без Ваших известий и принять уверение особенного уважения, с каковым пребываю Вам доброжелательная

Веймар
30 Марта/11 Апреля 1859.

* * *

ВСЕМИЛОСТИВЕЙШАЯ ГОСУДАРЫНЯ![239]

Прежде всего я должен просить великодушного прощения ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЫСОЧЕСТВА в невольной моей ошибке по отправлению к Вам пакетов. Для лица, который из Берлина или Дрездена, по

моему распоряжению, переслал к Вам отчет о суммах, было приготовлено *два* пакета: один с этим денежным отчетом, другой с обычным моим ВАШЕМУ ВЫСОЧЕСТВУ донесением; но к величайшему моему прискорбию, этот последний пакет не застал уже того лица, уехавшего скорее, нежели как предполагалось, — о чем еще к большей моей досаде, по недоумению в пересылке, я узнал уже гораздо позже, а между тем оставался спокойным, в полной уверенности, что ВАШЕ ВЫСОЧЕСТВО получили *оба* пакета; послать второй пакет *по почте* я не мог, ибо как ВАШЕ ВЫСОЧЕСТВО, вероятно, изволили заметить, я наблюдаю строгое различие между письмами, посылаемыми мною по почте, и посылаемыми с курьерами, последние пишу иначе и позволяю себе разные подробности, о коих по почте было бы не осторожно говорить. — Между тем, эта неудавшаяся посылка глубоко меня огорчила, Бог знает, что ВАШЕ ВЫСОЧЕСТВО могли обо мне подумать, — ибо один пакет служил дополнением к другому; таким образом в пакете, полученном ВАШИМ ВЫСОЧЕСТВОМ, я завернул с другими книгами «Устав о пенсиях», а в письме, не достигшем до Вас, объяснялось, что этот устав относился к вопросу ВАШЕГО ВЫСОЧЕСТВА о сумме, пожалованной ИМПЕРАТРИЦЕЮ ЕЛИСАВЕТОЮ АЛЕКСЕЕВНОЮ[240] для пособий Гражданским Чиновникам. По собранным мною сведениям ИМПЕРАТРИЦА ЕЛИСАВЕТА АЛЕКСЕЕВНА пожаловала тогда на сей предмет 300 т. руб. Ассигн. Эти деньги послужили поводом к основанию Комитета призрения Гражданских Чиновников, отдельно от Комитета призрения военных; с тех пор Комитет Гражданских Чиновников существует и поныне и действует на основании особого положения, находящегося в «Уставе о пенсиях»; ныне капитал сего Комитета возрос до миллиона руб. сер. и дает возможность производить весьма действительные пособия.

Он находится ныне под председательством Статс-Секретаря Танеева[241], а в числе членов находится известный ВАШЕМУ ВЫСОЧЕСТВУ Барон Модест Корф, Директор ИМПЕРАТОРСКОЙ Публичной Библиотеки, который и сюда умел перенести свою обычную деятельность; следственно это дело в хороших руках.

На прошедшей неделе я имел честь обедать, так сказать, *запросто* у ИМПЕРАТРИЦЫ Александры Федоровны, что мне подало возможность коснуться этого предмета; ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВО, подтвердив все выше мною сказанное, сообщила мне, между прочим, следующую весьма любопытную и почти никому неизвестную подробность: по непонятному обстоятельству ЕЛИСАВЕТА АЛЕКСЕЕВНА никогда не получала следовавших ЕЙ при замужестве 600 т. руб.[242] и, учреждая Патриотический Институт[243], Она секретно заложила в Опекунском Совете свои собственные бриллианты в 100 т. руб. ассигнациями. Это истинно трогательное событие должно бы когда-либо войти в жизнеописание ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИСАВЕТЫ АЛЕКСЕЕВНЫ, которое, к сожалению, очень трудно ныне составить, ибо ОНА тщательно скрывала все свои добрые дела. Об 300 т., Ею пожалованных для пособий Гражданским Чиновникам, я не мог ничего найти в печатных документах и узнал об этом лишь от Барона Корфа.

Третьего дня я также имел счастие провести с ИМПЕРАТРИЦЕЮ Александрою Федоровною целый вечер почти вдвоем, на квартете у ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ АЛЕКСАНДРОВНЫ, который Александра Федоровна, чтобы не быть слишком близко от музыки, изволила слушать из другой комнаты. ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВО изволила меня позвать к себе и много со мною говорила, впоследствии присоединились в эту же комнату Великий Князь НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ с супругою и МАРИЯ МАКСИМИЛЬЯНОВНА. Я не могу выразить ВАШЕМУ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ, как мне

отрадно было видеть укрепившиеся силы ИМПЕРАТРИЦЫ АЛЕКСАНДРЫ ФЕДОРОВНЫ; нет уже следа нервического дрожания головы; ОНА, по обыкновению, часто вставала со стула и обращалась с вопросами к окружающим; между прочим ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВО, смеяся, вспомнила довольно интересную собственно для меня подробность, которую, если не ошибаюсь, я имел счастие слышать и от ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЫСОЧЕСТВА, а именно: что в детской игре ВАШЕЙ, равно АННЫ ПАВЛОВНЫ и МИХАИЛА ПАВЛОВИЧА[244], всегда играл роль какой-то Одоевский, приезжал, кланялся и уезжал.

Спешу прибавить, что в тот же вечер я имел счастие видеть всех членов АВГУСТЕЙШЕГО семейства, кроме ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, который был на охоте, и ЕЛЕНЫ ПАВЛОВНЫ, которая по вечерам выезжает очень редко.

Признаюсь, я всегда радуюсь, когда ГОСУДАРЬ отправляется на охоту, ибо считаю это совершенно необходимым при ЕГО огромных кабинетных трудах. Свежий воздух и движение нам столько же нужны, как пища, а, как говорил ИМПЕРАТОР АЛЕКСАНДР ПАВЛОВИЧ, РУССКИЙ ИМПЕРАТОР должен быть всегда здоровым.

Радуюсь также, что вкус к музыке серьозной все более и более распространяется при нашем Дворе; из прилагаемой при сем программы ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО изволите увидеть, что музыка у нас исполняется сериозная; я с большим удовольствием заметил, что и ГОСУДАРЬ НАСЛЕДНИК[245] слушал ее весьма внимательно.

По Четвергам у Великой Княгини ЕЛЕНЫ ПАВЛОВНЫ бывают также прекраснейшие музыкальные вечера, на коих постоянно бывают ИМПЕРАТОР и ИМПЕРАТРИЦА МАРИЯ АЛЕКСАНДРОВНА. На всех сих вечерах отличается скрипач ЛАУБ[246], бывший некогда

в Веймаре. В письме, которое не дошло до ВАШЕГО ВЫСОЧЕСТВА, у меня было небольшое описание праздника у ВЕЛИКОЙ КНЯГИНИ ЕЛЕНЫ ПАВЛОВНЫ; теперь это было бы уже поздно, тем более, что в Illustration 5 Марта № 836 на стр. 151–154 помещено подробное описание этого праздника и приложен самый рисунок[247], который дает лучшее понятие, нежели все описания. На особом листке[248] при сем письме я приложил имена тех лиц, которые в статье означены лишь начальными буквами. Я не был в числе костюмированных, ибо они должны были танцовать, для чего я уже устарел, не бывши и смолоду танцором; а мне было поручено по секрету быть в простом черном домино и интриговать молодую ИМПЕРАТРИЦУ.

Вообще здесь много веселились на масленице, хотя при Дворе было несколькими балами меньше, по причине траура, как ВАМ известно.

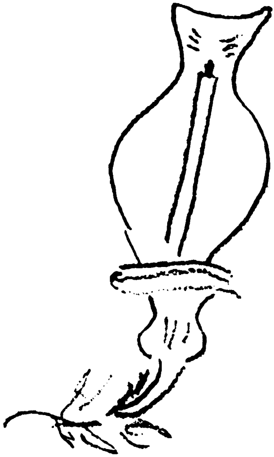
Один из прелестнейших балов был в новом, так называемом Эрмитажном павильоне, устроенном из той проходной комнаты Эрмитажа, где, как ВАШЕ ВЫСОЧЕСТВО, может быть, изволите вспомнить, находилась кукла Голландки; эта комната обращена Архитектором Штакеншнейдером в чудесную залу, в так называемом Style composé*, который не есть ни Готический, ни Мавританский, но который можно назвать усовершенствованным Византийским; зала вся белая с тонкими лепными украшениями; кругом наверху галерея с прозрачными перилами, на галерею идет уступами изящная лестница из самой залы и придает ей вид совершенно оригинальный; этот павильон назначен для маленьких балов от 100 до 200 человек. Возле залы находится новый зимний сад, и в этот день он был открыт в первый раз. В этом саду был устроен ужин на разных столах, так сказать, под тенью огром-

* смешанном стиле (*франц.*).

ных деревьев и кустарников. Сад был освещен с необыкновенным вкусом, в чем должно отдать полную справедливость Обер-Гофмаршалу Графу Шувалову[249]; по карнизу всего сада и по другим архитектурным линиям свечи были покрыты круглыми матовыми колпаками, как на лампах, плотно друг к другу поставленными, так что в общем виде этот ряд колпаков представлялся в виде ниток огромного жемчуга. Мне посчастливилось придти в этот сад в то самое время, когда посредством нитей из Coton poudre* в одно мгновение зажглися все свечи и отразились на зелени растений и на великолепном убранстве столов. Вид был истинно очаровательный, который надолго у меня останется в памяти. Мне очень хотелось снять для ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЫСОЧЕСТВА фотографию как с Эрмитажного павильона, так и с зимнего сада, но для этого надобно солнце, которое пока еще заглядывает к нам очень редко, хотя вообще зима у нас теплая и даже слишком теплая, так что санный путь был очень плох. Я постараюсь для фотографии воспользоваться Апрельским солнцем; но такую фотографию можно будет отправить лишь с курьером, ибо не знаю, в каком виде ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО изволите получать письма по почте; к нам же, по крайней мере ко мне, они приходят большею частию весьма перетертые, а фотографии, которые я получаю из-за границы, бывают совершенно испорчены. Между тем, может быть, ВАШЕМУ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ будет интересно взглянуть на программу музыки бывшей во время этого праздника, которую при сем имею честь приложить. Вообще теперь во Дворце на свечи во всех без исключения люстрах надевают стеклянные, продолго-

* хлопчатобумажный порох, пироксилин (*франц.*).

ватые, и совершенно прозрачные колпаки, в следующем виде:

что придает чрезвычайный блеск огню, и имеет еще ту выгоду, что свечи горят ровнее и не оплывают.

Обращаясь к более важным предметам, я могу сказать только одно, что слава Богу все на Руси спокойно и дела идут своим порядком. Относительно важнейшего из них, т. е. крестьянского вопроса, я честь имею приложить при сем особую статью, почерпнутую знающим человеком из официальных источников, смею надеяться, что она удостоится ВАШЕГО внимания и представит ВАМ верную картину настоящего положения дела. Сколько мне известно, учреждена на сих днях особая Комиссия под председательством Генерал-Адъютанта Ростовцева[250] для сосредоточения всех отдельных работ Губернских Комитетов. C'est une espèce de *sous-commission** высшего Комитета по

* Это своего рода *подразделение* (*франц.*).

крестьянскому делу, находящегося под председательством самого ГОСУДАРЯ. От сей Комиссии ожидают также много доброго, тем более, что ей представлено право приглашать для участия в своих занятиях разных лиц из Губерний, даже и из неслужащих. Это — новость в России, но как и многие другие у нас новости — и рациональная и практическая.

С приближающеюся весною курьеры будут ходить чаще и тогда надеюсь упомянуть обо всем, чего не дописываю в письмах по почте.

С глубочайшим благоговением и совершенною преданностию честь имею быть,

ВСЕМИЛОСТИВЕЙШАЯ ГОСУДАРЫНЯ,
ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЫСОЧЕСТВА
всепокорнейшим слугою
Кн. В. Одоевский.
11 Марта/23 Апреля[251] 1859 г.
№ 10.

13-е/25 Марта

Осмеливаюсь прибавить еще несколько строчек: вчера в Четверг, 12-го Марта, был у ГОСУДАРЫНИ ВЕЛИКОЙ КНЯГИНИ ЕЛЕНЫ ПАВЛОВНЫ обыкновенный маленький вечер, на котором я имел счастие видеть ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, молодую ИМПЕРАТРИЦУ и всех членов АВГУСТЕЙШЕГО дома, кроме ИМПЕРАТРИЦЫ АЛЕКСАНДРЫ ФЕДОРОВНЫ, которая, как известно ВАШЕМУ ВЫСОЧЕСТВУ, по вечерам не выезжает, а теперь изволила переехать в Аничков Дворец, чтобы быть подальше от Невы, во время ее вскрытия; все члены Августейшего дома находятся в вожделенном здравии. Сегодня огромный раут у Принца Ольденбургского в 900 человек, куда и мы приглашены.

Я забыл упомянуть в сем донесении, что масленица с ее горами, театрами и разными увеселениями для простого народа была весьма весела, но пьяных было мало. ВАШЕМУ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ, вероятно, известен любопытный и утешительный факт, что со времени, как поднялся вопрос об освобождении крестьян, они вообще стали пить *меньше*; тому, между прочим, помогло возвышение цен на вино откупщиками; так что в некоторых Польских Губерниях народ вовсе отказался пить вино; не думаю, однакож, чтобы это слишком долго продлилось, ибо это несогласно с нашим климатом. В некоторых Великороссийских Губерниях крестьяне распорядились иначе и гораздо умнее: они положили между собою: *не ходить в кабак* и не пить иначе вина, как *дома*, в семье, покупая его не чарками, а штофами. Это весьма важно и показывает удивительный ум нашего народа; работящему человеку не вредно, но даже полезно в нашем климате выпить рюмку водки, и зло не от того, а от кабаков, где крестьянин, подвергаясь разным соблазнам, выпивает не рюмку, а несколько стаканов. Теперь, ежели кто из крестьян напьется в кабаке, то товарищи его водят в деревне напоказ и смеются над ним. Спешу прибавить, что в этом замечательном явлении нет ничего опасного для доходов от винного откупа; умные и опытные откупщики говорили мне, что их барыш вовсе не от пьяниц, и, что их доход значительно бы увеличился, а администрация бы облегчилась, если бы *каждый взрослый* человек на Руси выпивал в день не более одной рюмки. В Южных Губерниях виноградным местным вином совершенно вытесняется употребление водки, так что лишь одни высшие сорты идут в Петербург и в Москву, по цене, выше иностранных вин; употребление чая и кофе также распространяется ежегодно. Все это, по моему мнению, весьма счастливые

симптомы, дают добрую надежду на будущее, — и опровергают кривые толки иностранных журналов.

Кн. В. Одоевский.

[Приложение к письму № 10 от 12 Марта 1859][252]

Великое царственное деяние Императора Александра II — освобождение от крепостной зависимости целой трети населения Империи — совершается. Губернские Комитеты неутомимо продолжают свои работы, некоторые уже их кончили. Первый Комитет, кончивший свои работы, был нижегородский. Срок окончания занятий его истекал 19-го Августа. В этот самый день тамошнее Дворянство представлялось ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ в стенах Кремля нижегородского и слышало многозначительные Царские слова. Его Величеству угодно было дозволить нижегородскому Комитету отсрочить окончание занятий до 1 Октября. Сентября 30 начальник Нижегородской Губернии с нарочным, а от Москвы по телеграфу, уведомил Министра внутренних дел, что Царская воля исполнена — Комитет составил проект положения об улучшении быта помещичьих крестьян и закрыл свои заседания. Октября 25-го этот проект был уже в С. Петербурге. Через девять дней после того, то есть 3-го Ноября, проект положения представлен был Санктпетербургским Комитетом; затем 14 Ноября Гродненский Комитет кончил свои заседания, на другой день (15 Ноября) Ковенский, а 8-го Декабря Виленский. Наконец из Костромских Губернских Ведомостей мы знаем, что 24-го Декабря кончены занятия Костромского Комитета, восемью днями ранее назначенного срока. Занятия Общей комиссии трех литов-

ских Губерний начались 6-го Декабря, занятия другой Общей комиссии для Губерний Киевской, Волынской и Подольской должны были начаться 8-го Января настоящего года, то есть в день окончания действия Волынского Губернского Комитета. Таким образом, к 1-му Января 1858го года кончены работы Комитетов по шести Губерниям, в которых помещичьих крестьян 1.332.856 мужского пола.

Из Комитетов, кончивших работы в продолжение 1858 года, занимались своим делом:

Костромской	175 дней
Нижегородский	244
Ковенский	255
Гродненский	262
Виленский	293
Санкт-Петербургский	294

При этом не должно забывать, что в Губерниях литовских Комитеты имели уже под руками прежде подготовленные, необходимые для действий их сведения, заключавшиеся в инвентарях, тогда как в Губерниях приволжских должно было и собирать сведения и рассуждать об улучшении крестьянского быта в одно и то же время.

Если принять в соображение число помещичьих крестьян в тех Губерниях, в которых Комитеты окончили уже свои действия, окажется, что на каждый день Комитетских заседаний приходилось душ мужского пола:

В Костромском	1670
Нижегородском	1547
Гродненском	753
Ковенском	687
Виленском	675
Санкт-Петербургском	421

Из этого видно, что самая быстрая деятельность была в Комитетах двух приволжских Губерний: Костромской и Нижегородской.

В Костромской, например, Губернии, по числу душ освобождаемых крестьян и по количеству времени, употребленного Комитетом на занятия, деятельность представляется *вчетверо* большей, чем в Губернии Санкт-Петербургской. Но, несмотря на противоречие цифр, скажем, что деятельность Нижегородского Комитета была еще усиленнее, чем Костромского. Ни в одной из наших Губерний до такой степени не разнообразны условия хозяйственного быта крестьян, как в Нижегородской. В этой Губернии, вмещающей в себе и главный Русский народный рынок (нижегородская ярмарка), и пункт слияния двух важнейших рек Европейской России, есть местности, свойственные любой Губернии. В Макарьевском Заволожье, например, есть местности, совершенно подобные лесным пространствам Вологодской и других северных Губерний. Здесь есть места, где верст на сто нет жилья человеческого; а между тем, в 70 или 80 верстах от границы этих пустынных лесов находятся селения, где топят печи соломой и где характер местности совершенно похож на характер наших степных Губерний. Есть в Нижегородской Губернии помещичьи имения с двадцатью десятинами на душу; и есть такие, при которых земли вовсе нет, в которых крестьяне испокон века не занимаются земледелием. Есть местности, покрытые черноземом на полтора аршина глубины и покрытые неплодородным илом или вовсе сыпучим песком. Есть местности, где крестьянские усадьбы состоят из огромных домов с пятью, семью окнами на улицу, с мезонинами и светлицами, с дворами, огородами и проч. т. п. чуть не в десятину при каждом доме, где крестьянские деревянные и каменные дома строены по правилам городской архитекту-

ры и послужили бы украшением для самого Губернского города — есть такие деревни, в которых избы все до единой курныя, т.е. без домовых труб, и в этих-то тесных крытых соломою курнях в вечном дыме и копоти живут люди зимой вместе с домашним скотом. Есть деревни, из которых крестьяне весь век свой не выезжают кроме приходской Церкви, ближнего базара, да разве в один из соседственных городов во время рекрутчины, и есть деревни, жители которых каждый день толпами выходят и выезжают и на каспийские рыбные промыслы, и на работы в Петербург, и с извозом на Лейпцигскую ярмарку, и на золотые прииски Восточной Сибири. Есть в Нижегородской Губернии помещичьи крестьяне, имеющие по миллиону и более рублей ассигнациями оборотного капитала, а рядом с ними живут промышляющие нищенством. Словом, разнообразнее Нижегородской Губернии, относительно хозяйственного быта помещичьих крестьян, нет на всем пространстве России. От того-то разрешение великого вопроса о рациональном и безобидном для обеих сторон (землевладельцев и крестьян) определении взаимных условий представляло Нижегородскому Комитету много работы, особенно в столь короткий срок.

* * *

Г. Гофмейстеру
Князю В.Ф. Одоевскому[253]

Князь Владимир Федорович!

Присланное Вами письмо от 11 Марта/23 Апреля, вероятно 11/23 Марта, по почте, получено мною в исправности, я очень сожалею, что пакет с Вашими известиями не застал лица, которое должно было его

взять с собою, и сим же объясняется причина, по коей я оставалась так долго без уведомлений Ваших касательно [Царской] моей Фамилии, благодаря Богу они весьма утешительны, меня очень обрадовало известие, которое Вы мне сообщаете насчет укрепления сил Императрицы Александры Федоровны.

Препровождая при сем просьбу уволенного от службы Генерал-Майора Иванова, отец его, кажется, действительно, я очень помню, находился долгое время на службе при покойных Братьях моих, Константине и Михаиле Павловичах, а потом перешел на службу нынешнего Государя, прошу Вас рассмотреть сию просьбу и выдать просителю из сумм, находящихся в Вашем рассмотрении, пособие по Вашему благоусмотрению.

Благодарю Вас искренне за все подробности, которые Вы мне сообщаете. Прошу Вас продолжать извещать меня, хотя и вкратце, если время Вам не позволяет, о здоровье Императора и Царской Фамилии.

Поклонитесь от меня Княгине и примите уверение особенного уважения, с каковым пребываю Вам

Доброжелательная
Опробовано
Веймар 6/18 Апреля 1859.

* * *

Г. Гофмейстеру
Князю В.Ф. Одоевскому[254]

Князь Владимир Федорович!

Доставленное мне последним письмом Вашим сведение касательно суммы, пожалованной Императрицею Елисаветою Алексеевною для пособий Гражданским Чиновникам, весьма интересно, и я помню,

что Ее Величество мне об этом говорила, мне приятно было видеть из Вашего письма, что назначенный на сей предмет капитал возрос ныне так значительно. — Что же касается до заложенных Ее Величеством при учреждении Патриотического Института, секретным образом в Опекунский Совет, собственных своих бриллиантов в 1812 году, то это событие точно верно и действительно весьма трогательно. Я с удовольствием получу обещанные Вами фотографии как с Эрмитажного павильона, так и с зимнего сада, кои Вы описываете столь живыми красками.

Я пользуюсь сим случаем возобновить Вам уверение особенного уважения с каковым пребываю Вам

Доброжелательная
Опробовано
Веймар 13/25 Апреля 1859.

* * *

17/29 Апреля 1859
№ 11[255]

ВСЕМИЛОСТИВЕЙШАЯ ГОСУДАРЫНЯ!

Позвольте мне сказать ВАШЕМУ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ «Христос Воскрес» и с тем вместе поздравить ВАС с днем рождения обожаемого нами ГОСУДАРЯ[256].

Поспешаю препроводить к ВАШЕМУ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ вышедший *сегодня* Приказ об увеличении всех окладов по Сухопутному Военному Ведомству[257] — это великолепный подарок ГОСУДАРЯ для дня ЕГО рождения, принятый с глубоким сочувствием. Я не замедлю доставить и Табель окладов, которая еще не вышла из печати.

ВАШЕМУ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ известно о благополучном рождении КНЯЗЯ НИКОЛАЯ МИХАЙЛОВИЧА[258]; ИМПЕРАТРИЦА АЛЕКСАНДРА ФЕДОРОВНА, несмотря на то, что узнала об этом ночью, немедленно отправилась в Царское Село, куда ВЕЛИКАЯ КНЯГИНЯ ОЛЬГА ФЕДОРОВНА[259] переехала заблаговременно. К счастью, эта поездка ночью и в довольно холодное время не имела нисколько дурных следствий для здоровья ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВА, кроме небольшого extinction de voix*, которое скоро прекратилось. ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВО осталась в Царском Селе, куда, как говорят, на сих днях переедет и Государь — Нева прошла и погода стоит изрядная — от 2 до 3-х град. тепла и часто бывает солнце.

Ольга Федоровна и Новорожденный, равно все члены ИМПЕРАТОРСКОЙ СЕМЬИ находятся в вожделенном здравии, кроме ВЕЛИКОЙ КНЯГИНИ ЕЛЕНЫ ПАВЛОВНЫ, у которой сделался жестокий Lumbago (Durchschuss**); теперь ЕЕ ВЫСОЧЕСТВУ легче, но она еще не выезжает. О поездке ЕЕ ВЫСОЧЕСТВА за границу ничего нет верного; но, кажется, она поедет, если война не слишком разгорится[260].

Я давно уже не имел счастия видеть никого из членов ИМПЕРАТОРСКОЙ СЕМЬИ, ибо уже другую неделю болен простудною лихорадкою, так что не мог быть и у Заутрени и до сих пор еще не совсем оправился; к сожалению, не могу и сегодня быть во Дворце, ни на выходе, ни на бале. Вместо себя отправляю жену.

Из свежих новостей упомяну о следующем: Сегодня (17 Апреля) Граф Строганов (Сергей, бывший Попечитель Московского Университета)[261] назначен Московским Генерал-Губернатором на место Закревского[262].

---

* потери голоса (*франц.*).

** прострел (*франц.*).

Князь Михайло Оболенский[263] (которого Вы изволите знать, Московский Начальник Государственного Архива) пожалован в Гофмейстеры.

Министры Ковалевский и Княжевич — пожалованы в Действительные Тайные Советники.

Граф Борх получил Александровскую ленту, а зять его Кн. Галицын пожалован в Камер-юнкеры.

Я имел уже счастие писать о любви к серьезной музыке, ныне распространившейся при нашем Дворе. Этот вкус поддерживается. У ИМПЕРАТРИЦЫ АЛЕКСАНДРЫ ФЕДОРОВНЫ, у ЕЛЕНЫ ПАВЛОВНЫ, у Гримма[264] *для Наследника* бывают вечера, где играют квартеты Гайдена, Моцарта, Бетговена. У ЕЛЕНЫ ПАВЛОВНЫ были живые картины[265]; в одной из них, фламандской, я также играл роль старика.

Между тем не оставляются серьезные занятия; ГОСУДАРЬ НАСЛЕДНИК, МАРИЯ и ЕВГЕНИЯ МАКСИМИЛЬЯНОВНА[266], ПРИНЦЫ ОЛЬДЕНБУРГСКИЕ[267] посещали ИМПЕРАТОРСКУЮ ПУБЛИЧНУЮ Библиотеку и с великим любопытством слушали наши рассказы о разных книгах, рукописях, гравюрах и проч. в ней находящихся.

Я имел счастие получить приказания ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЫСОЧЕСТВА относительно выдачи денег в Общество благородных девиц, в Петербургское и Московское Училища Святой ЕКАТЕРИНЫ[268], равно для помощи бедным. Приказание ВАШЕ будет в точности исполнено и об исполнении я буду иметь честь представлять ВАМ отчет в свое время.

Равно принята мною к исполнению просьба Генерала Иванова; как скоро я немного оправлюсь в здоровьи, так поеду к нему сам, дабы сохранить в отношении к старику все возможное деликатство.

Поступки Австрии[269] возбудили здесь сильнейшее негодование во всех классах; я думаю, что мы останемся

нейтральными до последней возможности, но война с Австриею была бы принята публикою с восторгом.

За сим донесением немедленно последует другое, в коем изложены будут внутренние события в России за последнее время.

С глубочайшим благоговением и нелицемерною преданностию честь имею быть,

ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЫСОЧЕСТВА
всепокорнейшим слугою
Кн. В. Одоевский.

P.S. Осмеливаюсь прибавить несколько слов: жена возвратилась из Дворца с бала. ГОСУДАРЬ был очень весел и много шутил с моею женою. ИМПЕРАТРИЦА МАРИЯ АЛЕКСАНДРОВНА была удивительно к лицу одета. Два новые Генерал-Адъютанта: Герштенцвейг[270] (Дежурный Генерал) и Тимашев[271] — Начальник III Отделения Собственной ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА Канцелярии.

* * *

Его Сият. Князю В.Ф. Одоевскому
Веймар
20 Апреля/2 Мая 1859[272]

М. Г. Князь Владимир Федорович,

По приказанию Ее имп. Высочества Великой Княгини Марии Павловны имею честь препроводить при сем к Вашему Сиятельству вексель в 142 р. 85 к., назначенный на выдачу пенсий и единовременные пособия за Майскую сего года треть, покорнейше прося почтить меня Вашим уведомлением о получении сих денег.

К сему долгом считаю присовокупить, что следующие в Общество Благородных девиц и в Училище Ордена Св. Екатерины в С. Петербурге и в Москве деньги будут доставлены Вам, милостивый государь, по получении от Вас уведомления о сроках, назначенных на выдачу сих сумм, о чем Ее Имп. Выс-во писала Вашему Сият. в письмах от 30 Марта/11 Апреля сего года.

Честь имею быть с отличным почтением и преданностию.

* * *

Г. Гофмейстеру Двора Е. И. В.
Князю В.Ф. Одоевскому[273]

Князь Владимир Федорович!

Уведомляю Вас о получении письма Вашего от 17/29 Апреля, при коем препровожден приказ об увеличении окладов по Военному ведомству, и письма от 24 Апреля/6 Мая, но, страдая уже несколько дней глазною болью, и так как мне запрещено много заниматься, несмотря на то, что мне теперь гораздо лучше, то я должна оставить до другого раза отвечать Вам подробнее на все любопытные статьи, которые Вы мне сообщаете.

Примите благодарность мою и уверение особенного уважения, с каковым пребываю Вам доброжелательная

Опробовано
Веймар 7/19 Мая 1859.

* * *

24 Апреля/6 Мая
1859
№ 12[274].

ВСЕМИЛОСТИВЕЙШАЯ ГОСУДАРЫНЯ!

Позвольте присоединить к известиям от 17-го Апреля следующие подробности:

ИМПЕРАТРИЦА АЛЕКСАНДРА ФЕДОРОВНА, как я уже имел счастие доносить, находится в Царском Селе в вожделенном здравии. В день разрешения от бремени ОЛЬГИ ФЕДОРОВНЫ ИМПЕРАТРИЦА в 8 часов утра была готова прежде, нежели успели заложить карету, и поехала в самую метель, но благодаря Бога, это обошлось счастливо.

Новорожденный крепок телосложением; и он, и Мать теперь совершенно здоровы. Но ОЛЬГА ФЕДОРОВНА долго страдала от 4-х часов по полуночи до 5-ти по полудни; два раза ход родов прекращался; наконец роды последовали благополучно. ЕЕ ВЫСОЧЕСТВО сама кормит.

ВАШЕМУ ВЫСОЧЕСТВУ известно о взятии Ведени[275], резиденции Шамиля[276], Генералом Евдокимовым[277], который за сие получил Графское достоинство. Это происшествие считают весьма важным, ибо оно, независимо от стратегических выгод, произвело огромное нравственное влияние на горцев; оно поддерживает и облегчает с каждым годом распространяющиеся в разных тамошних племенах желания сделаться *мирными* и принять подданство России, от чего многие из них удерживаются лишь боязнию навлечь на себя мщение Шамиля и окружающих его фанатиков.

С этим известием прислан был к Государю от Князя Барятинского[278], молодой Ферзен. ГОСУДАРЬ, выслушав его с обычною своею *изобретательною* мило-

стию, сказал: «теперь поезжай к отцу и скажи ему, что я посылаю ему это известие с *Моим Флигель-Адъютантом»*[279].

В последнем моем донесении я не успел описать бального наряда ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ АЛЕКСАНДРОВНЫ, которое было ЕЙ так к лицу на бале 17-го Апреля. Une robe blanche avec un gros bouquet de fleurs amaranthes en velours, ornées de diamants, et la coiffure de même*.

МАРИЯ МАКСИМИЛИЯНОВНА была также очень хорошо одета. Une robe blanche sur du bleu, très vaporeuse et une couronne de roses blanches cent feuilles avec des diamants dans le fond des roses**. Вообще МАРИЯ МАКСИМИЛЬЯНОВНА очень похорошела — et sa taie est devenue plus clarifiée***.

МИХАИЛ НИКОЛАЕВИЧ был поутру на выходе, но на бале не был.

Важнейшей Государственною мерою в последнее время было следующее: Для доставления систематических сводов из всех проектов Губернских Дворянских Комитетов и для начертания проектов: общего положения о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости, и других законоположений, до этого предмета относящихся, учреждены две редакционные комиссии. Председателем и непосредственным начальником обеих редакционных комиссий назначен член главного Комитета по крестьянскому делу Генерал-Адъютант Ростовцев. Редакционные комиссии

---

* Белое платье с большим букетом малиновых цветов из бархата, украшенных бриллиантами, подобным же образом была украшена и прическа (*франц.*).

** Белое платье на голубой подкладке, очень воздушное, и корона из белых махровых роз с бриллиантами, запрятанными в розах (*франц.*).

*** и ее бельмо стало менее заметным (*франц.*).

составляются из членов: а) избранных с ВЫСОЧАЙШЕГО соизволения ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА *из опытных помощников*, и б) назначенных от министерств внутренних дел, юстиции и государственных имуществ и II-го Отдела собственной ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА Канцелярии. В обеих комиссиях непременные члены: управляющий делами комиссии главного Комитета по крестьянскому делу Жуковский[280] и состоящий при этой комиссии Соловьев[281]; и работы редакционных комиссий по мере окончания вносятся в комиссию, учрежденную при главном Комитете по крестьянскому делу, которая и представляет эти работы со своими заключениями в Главный Комитет.

Возложенные на редакционные комиссии работы не могут быть ими кончены или представлены Главному Комитету по крестьянскому делу прежде поступления в сии комиссии и рассмотрения в оных проектов *всех вообще Губернских Дворянских Комитетов*, из коих некоторые представят свои проекты не ранее конца нынешнего года.

Внимание Правительства, общества, капиталистов, торговых и промышленных людей преимущественно обращено теперь на новую область России, на Приамурский край. Оказывалась необходимость дать ему прочное гражданское устройство, которое соответствовало бы местным потребностям. Вследствие этого Приамурский край повелено разделить на две области: Приморскую, *Восточной Сибири*, и *Амурскую*. На эти области надобно в эту минуту смотреть как на дома, построенные для ожидаемых жильцов. Как и какими жильцами населятся эти дома? это вопрос важный. Я полагал бы (но это только мое личное мнение), что колонисты из Германии могли бы нам быть весьма полезны.

9 — 2335

Распоряжения по Морскому ведомству также весьма замечательны:

Из капитала в 67 тысяч назначено в счет ежегодных пособий 3308 руб. 11 коп. — раненым; семействам убитых и пострадавших в войну — 5067 руб.; нуждающимся военным чинам и их семействам — 42.740 р. 46 1/2 к.; гражданским чинам морского ведомства и их семействам 16.075 р. 14 1/2 к. сер.; а всего в течение 1858 года из 67 тысяч назначено пособий 67.190 р. 71 3/4 к. Из наградного капитала военным и гражданским чинам назначено 17.360 р.; *на воспитание детей* в 1858 г. выдано 320.910 р. Всего же на пособие служащих по морскому ведомству по всем означенным статьям израсходовано 405.460 р. 71 3/4.

Если припомнить, что морское ведомство относительно невелико, что означенное пособие выдано *независимо от обыкновенных пенсий*, что в морском ведомстве устроена в последнее время эмеритальная касса, то делается ясным, с какою заботливостью морское начальство печется о своих подчиненных и их семействах. Вообще во всех отношениях служба и труды чинов морского ведомства ныне награждаются справедливо и щедро; такое поощрение принесет важную пользу самой морской службе.

Несколько слов о *Морском сборнике,* прекрасном журнале, издаваемом от Ученого Комитета Морского ведомства. Этот журнал, предназначенный для распространения в Морском классе сведений, касающихся морского дела, в обширном значении этого слова, получает до 30 т. руб. сер. пособия от казны. В 1858 г. сборник печатался в 5330 экземплярах.

Морское министерство вообще пользуется большим уважением и не только у нас, но и между иностранцами, которые высоко чтят труды на пользу морского дела Великого Князя Константина Николаевича. Вот, между прочим, адрес британских шкиперов

и судовладельцев, поднесенный ЕГО ВЫСОЧЕСТВУ: «Мы, нижеподписавшиеся владельцы и командиры британских пароходов и парусных судов, плавающих в Кронштадт, желаем выразить ВАШЕМУ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ наше глубокое чувство благодарности за ту заботливость, которую высказало Правительство ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА в отношении плавания по Финскому заливу, сделав его менее опасным помещением маяков и маячных судов в наиболее опасных местах, между ними с удовольствием упоминаем о недавно устроенных маяках на Ревельштейне, Кальбдегрунде и о двух огнях на Кроншлоте[282]. При Божьей помощи эти маяки послужат средствами к безопасности драгоценной жизни многих людей и сохранению огромных капиталов. Сознавая вполне пользу этих мер, принимаем смелость благодарить ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО *за устранение многих постановлений, которые доселе были значительным препятствием к успешному движению торговли.*

Просим позволения свидетельствовать ВАШЕМУ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ нашу искреннюю признательность от своего имени и от имени наших соотечественников и уверим Вас, что мы вечно будем помнить с благодарностию об участии, которое ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО принимали в успехе человеколюбивого дела о содействии торговым интересам улучшенным освещением затруднительного плавания по Финскому заливу». Адрес подписан 92 лицами.

Вот также мера, вполне согласная с нашею веротерпимостию, мера весьма важная и полезная во всех смыслах, о которой считаю долгом несколько распространиться. Государь повелел: учредить при Пансионе Симферопольской Гимназии особое Отделение, собственно для детей *мурз*, подчинив оное общим пансионским правилам с соблюдением только всего

относящегося до постановлений *магометанской религии.* Для сего иметь при Отделении особых лиц на жаловании от казны: *муллу, для обучения воспитанников правилам веры, и надзирателя из ученых 70 татар,* для наблюдения за воспитанниками и преподавания им татарского языка, назначив для сих предметов те часы, когда преподается в Гимназии закон Божий, с тем, чтобы все без изъятия остальные предметы воспитанники слушали в Гимназии с другими пансионерами. В Отделении иметь пять казенных воспитанников и столько своекоштных пансионеров, сколько представляется возможным: на содержание казенных воспитанников производить по 300 р. сер. в год на каждого и *не обязывать их никакою выслугою по назначению начальства.*

В настоящее время получают образование по одному ведомству Министерства Народного Просвещения, — не считая Училищ военноучебных, при разных Министерствах, при Благотворительных обществах, Духовном ведомстве и проч.

В высших учебных заведениях:

Университетах:		
С-Петербургском —	716 из них податных	59
Московском —	1725	252
Св. Владимира —	906	106
Харьковском —	459	103
Казанском —	353	68
Дерптском —	555	185
В Институте		
Педагогическом —	97	8
Лицеях		
Ришельевском —	103	18
Кн. Безбородко —	58	9

Демидовском —	27	–
Итого —	4990	880

В средних и низших учебных заведениях:

С-Петербургском —	23.374	из них податных 11.172
Московском —	24.266	14.543
Киевском —	11.291	–
Харьковском —	11.283	5.833
Казанском —	17.006	7.148
Дерптском —	12.542	7.176
Одесском —	8.867	3.940
Виленском —	9.090	1.736
Варшавском —	74.343	63.804
Сибирском —	4.177	1.967
Итого —	196.339	117.219

.А всего: 201.338, а податных 118.027, а за исключением Варшавского округа 126.995 человек, из которых податных 54.223.

Как ни велико это число, но, к сожалению, оно еще весьма мало по народонаселению России, ибо сравнивая теперь народонаселение в Губерниях, принадлежащих к каждому учебному округу, с числом учащихся, получим следующие цифры:

	Число жителей	*учащихся*
С-Петербургский —	4.350.483	177
Московский —	10.242.315	350
Киевский —	7.727.687	654
Харьковский —	8.267.650	688
Казанский —	12.975.844	763
Дерптский —	1.650.527	127
Одесский —	3.274.450	327

Виленский —	3.393.853	330
Сибирь —	1.894.915	473

Но осмеливаюсь повторить, что здесь счет сведен лишь учащимся по Министерству Народного Просвещения, я постараюсь, сколь возможно будет собрать данные об учащихся по всем ведомствам, между коими Министерство Народного Просвещения однако же самое главное. В этом наша самая наибольшая нужда; к счастию, мы можем надеяться ныне деятельных попечений Правительства по этому предмету, на который обращено особое внимание ГОСУДАРЯ.

Учредились публичные библиотеки почти при всех Уездных Училищах ставропольской Губернии.

Недавно обнародован отчет Российско-Американской компании[283] за 1857 г. Эта древнейшая и первоначальная компания играет весьма важную роль в нашей торговле, и потому ее положение весьма любопытно. В ее владении находится часть северо-западного материка Америки и Архипелаг, лежащий от западного мыса полуострова Аляски до восточных берегов Камчатки и от южного Камчатского мыса Лопатки до Японских островов. Таким образом, ближайшими соседями компании можно назвать англичан, североамериканцев, китайцев и японцев, и наконец, независимых диких народов материка в северной Америке. Из этого географического положения Владений компании очевидно, какие огромные выгоды представляет эта страна для торговли. Воспользоваться этими выгодами, а также богатствами края, водворить Русское владычество в этой новой обширной и богатой стране — вот главная цель учреждения компании. Основание ее относится к 1799 году.

В течение 1857 г. действия Российско-Американской компании не подвергались никаким существенным изменениям и имели вообще благоприятное те-

чение. Доходу получено 746.168 р. 67 к., израсходовано 597.311 р. 91 к., в дивиденд определено по 18 р. сер. на акцию.

Необыкновенный финансовый кризис, в 1857 г. во всех государствах уничтоживший множество торговых домов, не коснулся Российско-Американской компании и не причинил ей почти никаких потерь. Торговые дома, с которыми компания имеет дела в Европе и Америке, удержались от падения, и ей приходилось терять только при переводе сумм за границу, вследствие значительного понижения Русского денежного курса и непомерного возвышения вексельных дисконтов.

Кстати о Компаниях, у нас заводится Общество вспоможения бедным литераторам и ученым. Проект устава этого Общества уже составлен. Исполнение предположения и успех Общества, разумеется, будут зависеть от сочувствия к нему публики, а в этом, кажется, сомневаться нельзя.

Первою основною целию этого учреждения будет вспомоществование вдовам умерших литераторов, ученых и лиц педагогического сословия, которые ознаменовали свою деятельность каким-либо заслуживающим внимание сочинением. Сверх того Общество предполагает оказывать пособие тем литераторам и ученым, которых болезнь или случайные несчастия лишат возможности трудиться и средств снискивать себе пропитание.

ВАШЕ ВЫСОЧЕСТВО изволили однажды изъявлять опасения о числе размножающихся у нас Компаний; вот маленькая табличка по сему предмету, которая, может быть, удостоится ВАШЕГО внимания.

В	*России*	*Германии*	*Франции*
Компаний железных дорог	7	55	12
банковых	0	46	6
пароходства	30	29	7

горных промыслов и минеральных производств	10	154	50
бумажных и шелковых фабрик	8	38	4
страховых	8	51	25
разного рода	31	42	27
	94	415	131

Вот некоторые подробности о предмете, где выгоды России связаны с выгодами Германии, и потому, может быть, достойном внимания ВАШЕГО ВЫСОЧЕСТВА. Россия торгует с лишком на сто миллионов руб. сер. скотом. Значительная часть этой суммы приходится на торговлю *кожами*. Выделанные кожи потребляются исключительно внутри государства; за границу мы отпускаем только *сырые* кожи и *красную юфть*[284].

Англия, Германия и Франция платят за выделанные кожи почти вдвое дороже, чем за сырые; почему бы, кажется, не отпускать нам за границу выделанные кожи. Очевидно, что это было бы для обеих сторон выгоднее: нам приходилась бы значительная сумма за труд; но что важно знать для Германии в особенности, это что кожа подвергается *ломке* (в сушеных кожах) и *прогнили* (в сырых и паленых), что неизбежно, *если кожа не тотчас после снятия с животного поступает в выделку.*

Мы не отпускаем выделанных кож, потому что на них нет спросу из-за границы. Продаваемая за границею cuir de Russie* выделана в Англии, Бельгии или Германии и никогда не может сравниться, по вышеозначенной причине, с Русскою кожею, — разумеется,

---

* русская кожа (*франц.*).

хорошо выделанною, — что, к сожалению, не всегда у нас бывает.

Все это привело к мысли учредить у нас *кожевенное заводское предприятие,* при пособии значительного капитала и *по новейшим усовершенствованным способам* обработки.

Назначенный уставом к первоначальному выпуску капитал 500 т. р. сер. достаточен для устройства завода в обширном размере, примерно на выделку 60 т. кож. На это в Германии полезно бы обратить внимание, ибо она не теряла бы времени на выделку кож и еще на такую выделку, которая никогда не может дать прочной и плотной кожи, как я замечал это не раз в Германии.

Облегчение путей сообщения обращает особое внимание нашего Правительства.

В настоящее время строят, или приступают, к постройке следующих линий шоссе:

1) От Ропши до Нарвы чрез Ямбург.

2) От Пскова до Энгеля, откуда готово шоссе до Риги.

3) Из Петербурга в Выборг частию открыто.

4) От Ковно на Луцк, Ковель и выше озера Ореховского на Брест-Литовский.

5) От Новоалександровска до Брянска.

6) От Рославля на Брянск до Орла.

7) От Довска на Новую Белицу, Чернигов до Броваров, откуда открыто шоссе до Киева.

8) От Лапоткова на Ефремов, Елец до Задонска, откуда открыто шоссе до Воронежа.

9) От Харькова до Белгорода.

10) От Симферополя до Севастополя.

Орловско-Брянское шоссе будет готово частию к осени 1859 г., частию к осени 1860 г. Мосты будут готовы нынешнею осенью и окрашены летом 1860 г.

Одна частная компания предпринимает провести железную дорогу из Москвы в Сергиевскую Лавру. Уже сделаны изыскания для линии этой дороги. Ее предполагают провести по левой стороне шоссейной дороги, проложенной из Москвы в Лавру, мимо Хотькова монастыря, и устроить станцию в посаде; из назначения места станции открывается, что компания имеет в виду со временем проложить дорогу до Ярославля; иначе для нее выгодно было бы утвердить станцию при самом выезде из Москвы на южной стороне. Железная дорога от Москвы до посада, вероятно, будет иметь не более 50 верст (теперь от заставы в Москве до посада считается 64 версты).

Полагая по 70.000 руб. сер. на версту, дорога со всем устройством будет стоить около трех с половиною миллионов сер. Ожидают 500.000 ежегодного дохода от дороги.

Недавно открыт участок железной дороги от Луги до Пскова, таким образом, движение производится по Санктпетербургско-варшавской железной дороге, на протяжении двухсот пятидесяти семи верст от С. Петербурга, и эксплуатация получит некоторую важность, если судить по поступившим в управление общества требованиям в продолжение последних месяцев, в течение которых, по участку от Луги до Пскова, производилась перевозка материалов собственно для устройства дороги.

Упомяну еще следующие замечательные события в нашем законодательстве и управлении:

Освобождены от свидетельской присяги лица, посвященные в духовный сан, *однако иных Христианских исповеданий.*

Распространен закон о пособии осиротевшим детям нижних воинских чинов на детей таковых же чи-

нов *еврейского закона по случаю расторжения брака их родителей.*

Дозволено причисленным в Сибири евреям отлучаться и переселяться во внутренние Губернии.

Дозволено поступать охотникам в рекруты по найму в случае более годичного отсутствия их родителей с дозволения старших после родителей родственников.

Изданы правила, по которым допускается мена казенных земель на помещичьи и на земли казенных селений, не только для доставлений удобного выгона посадам или городам и для полюбовного развода общих и чрезполосных дач[285], но также и для устройства в западных Губерниях казенных имений и усиления хозяйственных способов государственных крестьян.

Дозволено желающим отыскивать и добывать драгоценные и цветные камни во всех местностях Сибири, без всяких за то сборов.

К числу законодательных мер последнего времени принадлежит также запрещение вывозить из России через западную границу лошадей. Мера эта имеет и политическое значение, потому что, как известно, некоторые государства, и особенно Австрия, очень нуждаются теперь в лошадях. Такая потребность отражается в наших западных Губерниях. Корреспондент одной из Русских газет, сообщая с границ Подолии и Волыни разные известия, говорит, между прочим: конокрадство доходит у нас до утонченности, потому что Австрия нуждается в лошадях.

В виде временной, но весьма облегчительной меры, разрешено увольнять всех вообще гражданских чиновников военного ведомства, согласно их просьбам, от службы в настоящем 1859 г. не в одну Сентябрьскую треть, но в течение всего года.

Вот некоторые любопытные подробности о обете крестьян в западных Губерниях: не пить вина во всю

жизнь. Давая такой обет, они делались членами братства трезвости, установленного Пием IX и состоящего (как сказано в уставе) под покровительством Богородицы[286].

1) Всякий, зачислившийся в это братство, во всю жизнь свою не должен употреблять водки, рому и араку[287] и всего того, что из них может быть приготовлено. 2) Употребление спиртных напитков позволяется только в малом количестве, по назначению лекаря, в случае болезни. 3) Каждое лицо братства может употреблять только виноградное вино, пиво и мед, и то не до опьянения. 4) Все члены обязаны увещевать других лиц и склонять их ко вступлению в это братство. 5) Члены должны в каждой праздничный день читать особую молитву. 6) Все члены сего братства, в день Сретения Господня, обязаны возобновить обет, данный ими при вступлении в братство. 7) Второе число Февраля, в день поминовения усопших, священник обязан говорить собранным членам увещевательную речь и отслужить панихиду за упокой душ умерших членов. 8) Если кто из членов этого братства станет употреблять водку, то такого члена приходской священник обязан, если слова его не подействуют, исключить вовсе из братства; все же члены обязаны пренебрегать им и не принимать его в свое общество. Лицо, таким образом, исключенное из братства, однако должно исполнять данный Богу обет.

Членам братства трезвости дается притом отпущение грехов совершенное и несовершенное[288].

Воздержание от пьянства ныне замечается в Губерниях Гродненской, Владимирской, Минской, Нижегородской, Тульской, Рязанской, Курской, Вологодской, Саратовской, Пензенской, Самарской и С. Петербургской.

Если откупщики при заключении контракта *не предвидели* того, что народ образумится, то в этом

никто не виноват, кроме их самих, тем более, что одною из главных причин уменьшения пьянства являются их же собственные непозволительные поступки: непомерное возвышение цен на вино, фальсификация продукта, различные притеснения и т. п.

В России собирались издавна факты относительно прививания коровьей оспы; ныне из них выведены следующие важные по огромности фактов заключения, полезные для всей Европы: 1) опыт показал, что успешное прививание коровьей оспы предохраняет людей в значительной степени от опасности заразиться натуральною, — тем, что ныне не существует уже столь опустошительных эпидемий, какие были до Дженерова открытия[289], 2) что вакцина не может предохранить от оспы тех людей, у которых не встретит к себе самой восприимчивости, 3) что предохранительная сила не воспринявших вакцину (по точным фактам) простирается кратчайшим сроком до 7, а должайшим до 21 года включительно, и 4) что как редкое исключение в одном и том же теле может после первичного привития возникнуть восприимчивость к натуральной оспе, а после этой опять к вакцине.

Новая мера о помещении студентов на вольных квартирах, вместо общего содержания их в казенном доме, оказалась весьма полезною в Университетах; она теперь распространяется и на Ришельевский Лицей в Одессе; казеннокоштные студенты и пансионеры разных ведомств, обучающиеся в сем лицее, перемещены на тех же основаниях, как допущено в Университетах, на вольные квартиры, с производством им, в виде стипендии, отпускаемых на содержание их сумм, по двести пятидесяти руб. сер. на каждого.

У нас был странный и печальный случай. Генерал-лейтенант Шлиппенбах 70 лет, бывший при кадетских корпусах, перерезал себе горло; причиною тому пола-

гают помешательство, происшедшее от расстройства его домашних дел.

В сию минуту, как я доканчиваю это донесение, на Марсовом поле происходит блистательный парад, которого, к сожалению, не увижу, ибо все еще нездоров. Солнце светит, но не ветрено.

Говорят, в Царском Селе прекрасно; ИМПЕРАТОРСКОЕ СЕМЕЙСТВО уже переехало туда на прошедшей неделе.

С глубочайшим благоговением и нелицемерною преданностию честь имею быть,

ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЫСОЧЕСТВА
всепокорнейшим слугою
Кн. В. Одоевский.

* * *

ВСЕМИЛОСТИВЕЙШАЯ ГОСУДАРЫНЯ[290],

Прилагаемую при сем карту цитадели и аула Ведени, прежней резиденции Шамиля, которую я боялся послать чрез почту, ибо по почте фотографии весьма портятся, я беру смелость представить ВАШЕМУ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ чрез отъезжающего сегодня на несколько дней в Веймар нашего соотечественника Г. Серова[291], — который, как я имел уже честь упоминать в прошедших моих письмах, читал здесь зимою лекции об истории и теории музыки с большим успехом, и вообще как в России, так и Германии пользуется заслуженною славою ученого музыкального критика.

Я не стану распространять сего письма, ибо на днях буду иметь честь отправить к ВАШЕМУ ВЫСОЧЕСТВУ обычное мое донесение, вместе с рапортом о

полученных мною из Веймара деньгах и о сведениях по капиталам ВАШЕГО ВЫСОЧЕСТВА, коих подробности лишь третьего дня сообщены мне от Статс-Секретаря Гофмана[292]. Все ИМПЕРАТОРСКОЕ СЕМЕЙСТВО, благодаря Бога, пользуется вожделенным здравием и находится в Царском Селе; поездка ИМПЕРАТРИЦЫ АЛЕКСАНДРЫ ФЕДОРОВНЫ, сколько известно, отложена; ВЕЛИКАЯ КНЯГИНЯ ЕЛЕНА ПАВЛОВНА едет в чужие края, как кажется, в конце сего месяца, для свидания с ЕКАТЕРИНОЮ МИХАЙЛОВНОЙ. На днях ожидают ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ КОНСТАНТИНА НИКОЛАЕВИЧА.

Как мне прискорбно было читать, что ВАШЕ ВЫСОЧЕСТВО страдаете глазами; тому несомненная причина беспрестанные занятия ВАШИ; я с грустию помышляю, что и мои длинные письма находятся в числе вещей, утрудняющих ВАШЕ зрение. Изволили ль ВЫ пробовать Русское средство: примачивать глаза ежедневно, особливо к вечеру, *крепким черным чаем*, простуженным до состояния самой холодной воды? мне это весьма помогает, даже при моей привычке работать по ночам при сильном освещении.

ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО изволите давать себе труд отвечать на каждое их моих писем; сколь мне ни отрадно получать ВАШИ рескрипты, но мне прискорбно, что сим умножаются ВАШИ письменные занятия; с меня достаточно будет, если ВАШЕ ВЫСОЧЕСТВО прикажете на листке кратко написать названия тех предметов, по коим бы ВЫ изволили желать иметь сведения, или большие подробности.

Нынешнее лето мы проведем в Ораниенбаумском Дворце[293] по благосклонному приглашению ВЕЛИКОЙ КНЯГИНИ ЕЛЕНЫ ПАВЛОВНЫ, — но, впрочем, моя наиболее постоянная квартира будет — *в вагоне* железной дороги между Ораниенбаумом и Петербургом, куда я буду обязан ездить почти каждый день.

С глубочайшим уважением и искреннею преданностию честь имею быть,

ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЫСОЧЕСТВА
всепокорнейшим слугою
Кн. В. Одоевский.
16/28 Мая 1859.
С. Петербург.
№ 13.

* * *

ВСЕМИЛОСТИВЕЙШАЯ ГОСУДАРЫНЯ![294]

Вчера мы праздновали наших высоких имянинников и имянинниц. У Государыни ВЕЛИКОЙ КНЯГИНИ ЕЛЕНЫ ПАВЛОВНЫ на Каменном острове была обедня, куда приехал ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОР с ГОСУДАРЕМ НАСЛЕДНИКОМ и Его братьями, равно МИХАИЛ НИКОЛАЕВИЧ и МАРИЯ НИКОЛАЕВНА с МАРИЕЙ МАКСИМИЛИАНОВНОЙ.

Приехавших поздравлять было так много, что все не могли поместиться в Церковь, но и фрейлины, и придворные кавалеры стояли частью в саду, тем более, что время стоит у нас прекрасное, более 15°R в тени; множество народа толпилось у решетки сада. ГОСУДАРЬ изволил быть во флотском мундире, который ему удивительно к лицу. После обедни все ИМПЕРАТОРСКОЕ СЕМЕЙСТВО поместилось в открытый шарабан, и должно сказать, что это составляло прекраснейшую группу; все поехали садом завтракать у ЕЛЕНЫ ПАВЛОВНЫ, куда были приглашены и все гости. ГОСУДАРЬ поздравлял Литке[295] и других моряков с Имянинником. Сегодня утром был парад на Марсовом поле; у нас так жарко, что для облегчения солдат, он вместо 9-ти был назначен в 7 часов утра.

ИМПЕРАТРИЦА АЛЕКСАНДРА ФЕДОРОВНА, находящаяся в Царском Селе, во вторник, т. е. 26 Мая/ 7 Июня, как мне сказывала Графиня Тизенгаузен[296], переезжает в Петергоф, где и изволит пробыть, вероятно, до отъезда за границу, если эта поездка состоится, о чем еще ничего определительного неизвестно. Завтра я перевожу мою жену, которая просит меня повергнуть ее к стопам ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЫСОЧЕСТВА, в Ораниенбаумский Дворец, где я больше буду иметь возможности знать о предположениях относительно ИМПЕРАТРИЦЫ АЛЕКСАНДРЫ ФЕДОРОВНЫ, о чем не замедлю донести ВАШЕМУ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ. ВЕЛИКАЯ КНЯГИНЯ ЕЛЕНА ПАВЛОВНА также на несколько дней переезжает в Ораниенбаум, откуда уже отправится за границу.

Других новостей в эту минуту мало, кроме военных, о которых ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО, вероятно, знаете прежде нас. В наше короткое лето все работы как-то притихают; но однако же крестьянские Комиссии, под председательством Ростовцева, собираются почти ежедневно. Теперь же и экзамены, кои, признаюсь, меня немного замучили, однако же должен отправляться завтра на экзамен Кадетских Корпусов.

Рассказывают, что когда Кароли[297] приезжал сюда с просьбою о помощи, то, между прочим, представил следующий аргумент: что будто бы Россия, сохраняя нейтральность, тем самым способствует успеху революционных партий. На это ему ответствовано было, что Россия никогда не переставала быть консерватором, но что она считает долгом тщательно рассматривать, *кем именно* возбуждаются революционные партии; что Австрия, не согласившись на конгресс и начав войну, тем самым возбудила движение в умах революционных, и что, как она обещается, в случае своих неудач, завлечь в войну всю Германию, то тем бо-

лее она облегчит и ускорит движение революционных партий. Здесь в публике вообще объясняют расположение некоторых Германских Дворов к Австрии тем, что большая часть их денег находится в виде Австрийских *металликов*, которые естественно должны упасть в случае неудач Австрии. Не знаю, до какой степени это справедливо, но этот род толкования происходит от речей некоторых находящихся здесь посланников от Германских Дворов.

В одном из следующих писем я имею намерение конфиденциально представить ВАШЕМУ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ некоторые соображения относительно сумм, жертвуемых ВАМИ для заведений, находящихся в России. Статс-Секретарь Гофман сообщил мне по сему предмету некоторые *исторические* сведения, из коих мы извлекли предположение о возможности облегчить казну ВАШЕГО ВЫСОЧЕСТВА, *не изменяя нисколько пользы, ВАМИ Институтам приносимой.*

Только надобно об этом еще хорошенько подумать, ибо эта мысль пришла нам в голову лишь вчера, и потому я не считаю ее еще совершенно зрелою; а сверх того я бы весьма счастливым себя счел, если бы ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО дозволили мне об этом — пока *только подумать*, и впоследствии представить ВАМ *конфиденциально* мой план по этому предмету.

С глубочайшим благоговением и искреннею преданностию честь имею быть,

ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЫСОЧЕСТВА
всепокорнейшим слугою
Князь В. Одоевский.
22 Мая/3 Июня 1859 г.
№ 14.

* * *

Г. Гофмейстеру Двора Е. И. В.
Князю В.Ф. Одоевскому[298]

Князь Владимир Федорович!

Получив письмо Ваше от 16/28 Мая и 22 Мая/3 Июня, я благодарю Вас искренно за известия о моей Фамилии, как и других новостей, мне сообщенных, также и за присланную карту цитадели и аула Ведени, которая тем более любопытна, что сей край, в особенности здесь, так мало известен. Я очень рада была узнать, что все Императорское семейство пользуется вожделенным здравием.

Я откровенно должна Вам сказать, что если в публике объясняют расположение некоторых Германских Дворов к Австрии денежным оборотом, то это весьма ошибочно и даже должно казаться странным и невероятным, что подобные толкования происходят от речей некоторых находящихся в России Посланников Немецких Дворов. Возможно ли предполагать, что в столь сериозном деле, где жертвуются столь множество жизней, есть денежная спекуляция в виду; что же может быть [натуральнее] обязательнее со стороны Германии, как [решение помочь] исполнение Условий и обязанностей, и идти на помощь Союзному [также Германскому] Государству, [кою страну, так сказать] когда нападают на него неприятельские силы, чтоб производить усильным образом переворот, и даже коснуться военными действиями в особенности областям, заключающимся в Германском Союзе?[299] Если Вы занимаетесь чтением газет, в чем я не сомневаюсь, то Вы могли легко бы заметить, сколь единогласно

рассуждают все в Германии касательно сих предметов*.

Благодарите супругу Вашу за то, что она меня не забывает, поклонитесь ей от меня и скажите, что я желаю ей приятно провести время в Ораниенбауме.

Примите уверение особенного уважения, с каковым пребываю всегда Вам доброжелательная

Опробовано
Веймар
5/17 Июня 1859.

---

* *Далее начато и зачеркнуто:* держава, вмешиваясь в дело, почти до нее не касающееся, и которой Австрия не дала ни малейшего повода к разорению своей собственности, и которая сама более всех возбуждает революционные партии, и все это для собственной пользы или, лучше сказать, для пользы одного человека.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] ThHStAW HA A XXV. R 26. Bl. 2–2`. Данному собственноручному черновому письму Марии Павловны, открывающему ее переписку с Одоевским, предшествовало написанное по ее поручению письмо от 4/16 октября 1856 г., в котором сообщалось о посланной Одоевскому рассаде клубники:

«Князь!

По повелению Ее Императорского Высочества Великой Княгини Марии Павловны имею честь препроводить Вашему Сиятельству ящик с рассадой клубники различных сортов, который Ее Императорское Высочество просит доставить тому человеку в Москве, который передал Ей различные семена, имени которого я не знаю. Ящик с растениями будет сегодня же отправлен через Штетин в Санкт-Петербург на Ваш адрес. Ее Императорское Высочество желает, чтобы стоимость экспедиции была оплачена из Ее кассы; проследите, пожалуйста, за пересылкой, мой брат возместит Вам расходы, которые Вы понесете по этому случаю.

Великая Княгиня поручила мне кланяться Вам, а также сказать, что Ее Императорское Высочество вышлет в самом скором времени книги, которые Вы желали.

Примите милостиво, Князь, выражение моего самого глубокого уважения» (ThHStAW HA A XXV. R 26. Bl. 1–1`; оригинал на франц. языке).

[2] Новосильцев Николай Петрович, граф (1789–1856), сенатор, тайный советник, член совета в Воспитательном обществе благородных девиц. Был, в частности, вместе с А.С. Пушкиным попечителем Софьи Шишковой, дочери А.А. Шишкова.

[3] В последний приезд Марии Павловны в Россию на коронацию ее племянника Александра II В.Ф. Одоевский был назначен состоять при ее особе на все время ее пребывания в Петербурге и Москве (июнь–сентябрь 1856 г.). См. вступительную статью, с. 9.

[4] ThHStAW HA A XXV. R 26. Bl. 4–5`.

[5] Адлерберг Владимир Федорович (1790–1884), граф, генерал-адъютант, генерал от инфантерии, министр императорского двора (с 1852 г.) и уделов (с 1856 г.).

[6] Корф Модест Андреевич (1800–1876), граф, государственный деятель, историк, почетный член Петербургской Академии наук (1852). С 1834 г. государственный секретарь. В 1849–1861 гг. — директор Публичной библиотеки в Санкт-Петербурге и непосредственный начальник Одоевского.

[7] ThHStAW HA A XXV. R 26. Bl. 6–6`.

[8] ThHStAW HA A XXV. R 26. Bl. 9. В том же деле (Bl. 7) хранится письмо к Марии Павловне некоей Александры Афанасьевны Даниловой от 23 ноября 1856 г. с просьбой о пожаловании ей пенсии или пособия («Пользуясь всегда Монаршими щедротами в Бозе почивших предков Вашего Императорского Высочества, как за службу родителя моего, при дворе Августейшего брата Твоего, так и при дворе Твоем, Великая Герцогиня, брата моего Тележникова, в особенности в крайних нуждах моих от Вашего Императорского Высочества, и ныне находясь в болезненном положении более 7 лет...»), на которое, по повелению Марии Павловны, было приказано Одоевскому «отделить из суммы, назначенной на пенсии и единовременные пособия по прежним примерам 25 рублей сер., прислать оные помянутой вдове в Тулу» (Bl. 11).

[9] См.: ThHStAW HA A XXV. R 26. Bl. 10.

[10] ThHStAW HA A XXV. R 26. Bl. 12.

[11] Одоевская Ольга Степановна (1797–1872), урожденная Ланская, дочь гофмаршала, члена Государственного Совета. Замужем за Одоевским с 1826 г.

[12] ThHStAW HA A XXV. R 26. Bl. 13–14.

[13] Имеется в виду вдовствующая императрица Александра Федоровна, урожденная принцесса Шарлотта Прусская (1798–1860) — дочь прусского короля Фридриха-Вильгельма III и королевы Луизы, супруга Николая I и мать Александра II. С Одоевским ее связывали, в частности, библиофильские пристрастия: библиотека ее в Петербурге насчитывала более 9 тысяч томов, альбомов и гравюр, в ней находились прижизненные и первые посмертные издания произведений Гете, Шиллера, Байрона, Бальзака, Гюго, Гофмана, Пушкина, Лермонтова, Гоголя, а также издание сочинений Вольтера в 70 томах 1785 г. и 37-томное издание сочинений Руссо 1768 г. Книжная

коллекция императрицы после ее смерти была передана в 1862 г. Московскому Публичному и Румянцевскому музеям. В Ницце, куда она приехала для лечения, Александра Федоровна провела зимний сезон 1856–1857 гг., положив тем самым начало моде на зимние пребывания в Ницце представителей высшей русской аристократии. См. «Телеграфные депеши императрицы Александры Федоровны императору Александру II во время путешествия императрицы в Ниццу. 1856, 1857» (ГАРФ. Коллекция документов Рукописного отделения библиотеки Зимнего дворца. Ф. 728. Оп. 1, т. 1. Дело 2413. — 121 л.).

[14] Местная газета «Avenir de Nice», из которой Одоевский, по всей видимости, черпал немало сведений, касавшихся императорской семьи, в эти дни подробно описывала празднества, которые Александра Федоровна давала в честь своего отбытия из Ниццы (см. № 97, 8 апреля, № 99, 10 апреля). Непосредственно 11 апреля в газете (№ 100) была помещена большая статья, начинавшаяся словами: «Сегодня, в субботу, 11 апреля, Ее императорское величество, самодержица всея Руси, покинет наш город Ниццу, проведя здесь пять с половиной месяцев». Далее выражались «чувства благодарности и восхищения», которыми проникнуты все жители Ниццы в адрес императрицы. Говорилось также, что ее выздоровление отныне будет «рекламой Ниццы для всех страждущих»: «Никогда еще имя Ниццы не звучало так высоко и так далеко».

[15] Великая княгиня Ольга Николаевна (1822–1892), дочь императора Николая I, с 1846 г. — жена наследного принца Вюртембергского (впоследствии короля Карла I). Автор воспоминаний «Сон юности». В газете «Avenir de Nice» (№ 59, от 1 марта 1857 г.) сообщалось, что «великая княгиня с мужем путешествуют под именем графа и графини Хоэнберг».

[16] Великий князь Константин Николаевич (1827–1892), второй сын императора Николая I, генерал-адмирал. В 1853–1881 гг. руководил Морским министерством, провел ряд важных реформ на флоте. В 1857–1861 гг. — активный участник подготовки крестьянской реформы 1861 г. Его пребывание в 1857 г. за границей было на самом деле временной мерой, на которую вынужден был пойти Александр II для успокоения

антикрестьянской оппозиции. Вместе с тем, пребывание Константина Николаевича как главы морского флота именно в Ницце неслучайно: в 1857 г. по соглашению с королевством Сардинией, в состав которой входила в то время и Ницца, военные корабли российского флота получили право стоять на рейде в порту Вильфранш, находившемся в непосредственной близости от Ниццы, после чего город «заполонили» русские морские офицеры (см.: Avenir de Nice. № 81, от 23 марта 1857 г.).

[17] Великая княгиня Елена Павловна (1807–1873), урожденная принцесса Вюртембергская Фредерика Шарлотта Мария, с 1824 г. супруга Великого князя Михаила Павловича (1798–1849), младшего сына Павла I. Отличалась энциклопедической образованностью, собрала при своем дворе круг блистательной русской интеллектуальной элиты. Император Николай I называл ее «ум нашей семьи». (*см. примеч. 98*).

[18] Вилла Бермонд, на которой несколько лет спустя, 24 апреля 1865 г., скончался наследник русского престола Николай Александрович, была разрушена в 1868 г. по приказу императора Александра II, а на ее месте была сооружена русская церковь.

[19] Имеются в виду сын и невестка Марии Павловны: великий герцог Саксен-Веймар-Эйзенах Карл Александр (1818–1901) и великая герцогиня София (1824–1897), дочь королевы Нидерландов Анны Павловны, приходившаяся Марии Павловне еще и племянницей.

[20] ThHStAW HA A XXV. R 26. Bl. 15.

[21] ThHStAW HA A XXV. R 26. Bl. 16.

[22] 3 сентября 1857 г. праздновалось столетие со дня рождения герцога Карла Августа (1757–1828), свекра Марии Павловны. Тогда же был заложен камень в фундамент будущего памятника ему и состоялась церемония торжественного открытия двойного памятника Шиллеру и Гете *(см. вступ. статью, с. 12)*.

[23] Мальтиц Аполлоний Петрович (Франц Фридрих Аполлониус), барон, поэт, переводчик поэзии В. Жуковского и Ф. Тютчева на немецкий язык. В 1841–1865 гг. был поверенным в делах русской миссии в Веймаре. Переписку с ним Одо-

евского, личного и делового характера за 1858–1861 гг., см.: РНБ. Ф. 539. Оп. 2. № 735. Л. 1–10.

[24] Имеется в виду газета «Weimarer Sonntagsblatt», в номере 38 которой за 1857 г. (20 сентября) была помещена статья В. Одоевского под заголовком «Die Bedeutung der Weimarischen Feste (Aufzeichnungen eines Reisenden)» *(см. вступ. статью, с. 12–13)*.

[25] ThHStAW HA A XXV. R 26. Bl. 17–18.

[26] Свиязев Иван Иванович (1797–1875) — архитектор. С 1846 г. состоял на службе в Министерстве государственных имуществ, где служил также и Одоевский. Из его изобретений особой известностью пользовалась названная по его имени система отопления, в свое время считавшаяся «превосходной и применявшаяся в весьма многих, особенно в казенных зданиях». Ср. также его труд «Основания печного искусства» (1852) (см. подробнее: *Терехин А.С.* Жизнь и творчество архитектора И.И. Свиязева. Пермь, 2002).

[27] Серпянка — грубая марля, используемая для полога, а также для защиты от мух и комаров.

[28] Когда в 1828 г. Одоевский был назначен столоначальником в Департаменте духовных дел иностранных исповеданий в Министерстве внутренних дел, то среди поручений, которые ему пришлось выполнять, была в том числе проверка новой печи, «имеющей целью значительное сбережение горючего материала» (см.: *Голубева О.Д.* В.Ф. Одоевский. СПб., 1995. С. 28–29). Проблема рационального отопления, всегда крайне занимавшая Одоевского, нашла также отражение и в его художественных и педагогических сочинениях. Ср., напр., в рассказе «Мороз Иванович»: «А зачем ты, Мороз Иванович, — спросила Рукодельница, — зимой по улицам ходишь да в окошки стучишься? — А я затем в окошки стучусь, — отвечал Мороз Иванович, — чтоб не забывали печей топить да трубы вовремя закрывать; а не то, ведь я знаю, есть такие неряхи, что печку истопить истопят, а трубу закрыть не закроют <...>. А оттого в горнице угарно бывает, голова у людей болит <...>, да и совсем умереть от угара можно». Ср. также в дидактическом сочинении Одоевского «Наука до науки. Книжка дедушки

Иринея» (вопросы, которые рекомендуется задавать ребенку): «Будет ли гореть огонь в печке, когда труба закрыта? Если труба закрыта, куда дым пойдет? Когда труба открыта, куда дым пойдет? Как называется то, чем трубу закрывают?» (*Одоевский В.Ф.* Избранные педагогические сочинения. М., 1955. С. 89). *См. также вступ. статью с. 21–22.*

[29] ThHStAW HA A XXV. R. 26. Bl. 20.

[30] Речь идет о многотомном издании «Сборник известий, относящихся до настоящей войны, издаваемый с высочайшего изволения Н. Путиловым», выходившем в 1854–1855 гг.

[31] ThHStAW HA A XXV. R 26. Bl. 20–21. Письмо написано по поручению Марии Павловны.

[32] Глухов — город на Украине, в Сумском уезде, в котором находилась Певческая школа, основанная в 1741 г. для пополнения Придворной капеллы (*см. примеч. 77*).

[33] ThHStAW HA A XXV. R 26. Bl. 22–22`, 26–26`.

[34] Скорее всего речь идет о Татищеве Сергее Дмитриевиче (1840–1890), воспитаннике Пажеского корпуса, получившем медаль «За спасение погибающих» (во время пожара вынес из дома собственную мать). В 1857 г. был произведен из камер-пажей в прапорщики и поступил на службу в Лейб-Гвардии Преображенский полк. Личность Смиттена установить не удалось.

[35] ThHStAW HA A XXV. R 26. Bl. 23–25`. Данное письмо, открывающее серию официальных (пронумерованных) писем-донесений Марии Павловне на русском языке, было вложено в предыдущее, от 27 февраля 1858 г. Черновики послания (собственноручное письмо Одоевского и две его писарских копии с правкой Одоевского) хранятся: РНБ. Ф. 539. Оп. 1. № 14. Л. 1–2; 3–4; 16–18.

[36] См. предшествующую переписку Одоевского с Марией Павловной.

[37] Речь идет об императоре Александре II (1818–1881), взошедшем на престол в 1855 г. и доводившемся Марии Павловне племянником.

[38] Олсуфьев Василий Дмитриевич (1796–1858), граф, исполнял должность обер-гофмейстера при императорском дво-

ре. В 1838–1840 гг. — губернатор московский. В Государственном архиве Тюрингии хранятся его письма к Марии Павловне за 1845, 1856 и 1857 гг.

[39] Шувалов Андрей Петрович (1802–1873), граф, обер-гофмаршал, обер-камергер, президент придворной конторы (с 1850 г.), член Государственного совета (с 1857 г.); состоял при императрицах Александре Федоровне и Марии Александровне. В Государственном архиве Тюрингии сохранилось 96 листов его корреспонденции за 1854–1856 гг.; см. также письма Марии Павловны Шувалову в: РНБ. Ф. 601 Половцовы. № 2038.

[40] Вебер Карл Мария фон (1786–1826), немецкий композитор, дирижер, пианист, создатель немецкой романтической оперы, автор хоровых, сольных и ансамблевых вокальных произведений. Сыграл значительную роль в развитии программной инструментальной музыки и новых концертных жанров, основанных на бытовой танцевальной музыке.

[41] Одоевский был одним из первых знатоков и ценителей музыки Бетховена (1770–1827) в России. В 1820–1830-е гг. он выдержал за него настоящую «битву», защищая его от меломанов, не принимавших в особенности поздние бетховенские сочинения, считая их невозможными для исполнения (см. статьи Одоевского «О концерте филармонического о-ва, данном в пользу вдов и сирот 23 дек. 1831», где он писал об исполнении «Кориолана», а также «IX симфония Бетховена», 1836). Помимо музыкально-критических статей, Одоевский посвятил немецкому композитору новеллу «Последний квартет Бетховена» (1830), задуманную им в год смерти композитора (1827) и вошедшую в «Русские ночи». Об отношении Одоевского к Бетховену см.: *Бернандт Г.* В.Ф. Одоевский и Бетховен: Страницы истории русской Бетховенианы. М., 1971; *Мещерина Е.Г.* В.Ф. Одоевский в музыкальной культуре России XIX века. М., 2001. С. 27–31.

[42] Львов Алексей Федорович (1798–1870), скрипач, композитор, дирижер, в 1841–1866 гг. директор Придворной певческой капеллы, основатель (в 1850 г.) Концертного общества (Санкт-Петербург). Выступал в аристократических салонах в России и за рубежом. Автор оперы «Ундина» (1848), музыки

гимна «Боже, Царя храни» (1833) и др. Существует предание о том, будто бы Львов, участвуя однажды в исполнении одного из последних квартетов Бетховена, в раздражении швырнул на пол свою партию первой скрипки, объявив дирижеру, что это писал сумасшедший (см.: *Бернандт Г.* В.Ф. Одоевский и Бетховен. С. 20).

[43] Речь идет о графе Матвее Юрьевиче Виельгорском (1794–1866), первом русском виолончелисте-солисте и музыкальном деятеле, который вместе с братом, композитором Михаилом Юрьевичем Виельгорским (1788–1856) организовывал симфонические и камерные вечера. В 1859 г. стал одним из учредителей и первым директором Русского музыкального общества в Петербурге.

[44] Мария Александровна (1824–1880), урожденная принцесса гессенская Максимилиана-Вильгельмина-Августа-София-Мария), с 1841 г. супруга наследника Александра Николаевича (Александра II), с 1856 г. — императрица. Считалась большой меломанкой и покровительницей искусств. С 1860 г. ее имя носит петербургский театр на Театральной площади, знаменитая «Мариинка» (*см. также примеч. 225*).

[45] Вторая часть бетховенского «Септуора» пользовалась в 1850-х гг. в России особой популярностью (см., напр., стихотворение А.М. Жемчужникова «Септуор Бетховена»).

[46] В первые годы своего царствования Александр II занимался подготовкой разного рода реформ: крестьянской, земской, судебной, цензурной, университетской, гимназической, военной и т.д.

[47] См. примеч. 16 и 124.

[48] Георг, герцог Мекленбург-Стрелицкий (1824–1876), муж великой княгини Екатерины Михайловны, военный деятель, почетный член Российской академии наук.

[49] Речь идет о сыновьях Николая I, великом князе Николае Николаевиче (1831–1891) и великом князе Михаиле Николаевиче (1832–1909).

[50] Екатерина Михайловна (1827–1894), дочь великого князя Михаила Павловича (четвертого сына Павла I) и великой княгини Елены Павловны, супруга Георга, герцога Мекленбург-

Стрелицкого (*см. выше*). Была председательницей совета петербургского Женского патриотического общества и покровительницей учреждений, основанных ее матерью Еленой Павловной.

[51] Мария Николаевна (1819–1876), дочь императора Николая I, супруга герцога Максимилиана Лейхтенбергского (сына Евгения Богарне, пасынка Наполеона). По всей видимости, Одоевский описывает бал в Мариинском дворце, построенном в 1839–1844 гг. по проекту А. И. Штакеншнейдера Николаем для Марии Николаевны (в настоящее время во дворце располагается Законодательное собрание Санкт-Петербурга). С ее супругом Максимилианом Лейхтенбергским Одоевский переписывался в 1850 г. по поводу дел благотворительности (РНБ. Ф. 539. Оп. 2. № 699).

[52] Великая княгиня Александра Иосифовна (1830–1911), урожденная принцесса Саксен-Альтенбургская, супруга великого князя Константина Николаевича. Славилась необыкновенной красотой и редким остроумием, была милосердна, набожна, но в то же время очень суеверна, увлекалась спиритическими сеансами. Вместе со своим сыном Константином (знаменитым поэтом К.Р) Александра Иосифовна впоследствии возглавила дирекцию Императорского Русского музыкального общества.

[53] ThHStAW HA A XXV. R 26. Bl. 27–28.

[54] ThHStAW HA A XXV. R 26. Bl. 29. К письму прилагается (Bl. 30–32) «Ведомость по раздаче пенсий и пособий» из денег, выделенных Марией Павловной на 1857 г., а также общий список лиц, получавших пенсии от Марии Павловны.

[55] ThHStAW HA A XXV. R 26. Bl. 35–50. Черновики послания (собственноручное письмо Одоевского и писарская копия с правкой Одоевского) хранятся: РНБ. Ф. 539. Оп. 1. № 14. Л. 5–15`; 18`–34.

[56] В своем дневнике Одоевский в это время записывает: «Нынешний Государь — величайший из Государей русских» (Текущая хроника и особые происшествия. Дневник В.Ф. Одоевского 1859–1869 // Литературное наследие. Т. 22–24. М., 1935).

[57] Железнодорожное строительство начало развиваться в России еще при Николае I, но бурное развитие получило в царствование Александра II, и в западной прессе о нем писали как об одном из самых ярких явлений современной русской жизни. Сам Одоевский в борьбу сторонников и противников строительства железных дорог в России вмешался еще в 1836 г., когда передал Пушкину статью работавшего в Петербургском институте инженеров сообщения инженера М.С. Волкова в защиту железных дорог для публикации ее в «Современнике» (об истории этой неосуществившейся публикации см.: *Виргинский В.С.* Владимир Федорович Одоевский. Естественнонаучные взгляды. М., 1975. С. 62–65). Необходимость железных дорог становится в 1830–1840-е гг. также одной из центральных тем художественной и дидактической прозы Одоевского. В «Книжке дедушки Иринея» мы находим назидательный рассказ «О чем дядя Ириней спрашивал у приезжих и что они ему рассказывали в пользу железных дорог и паровозов» (*Одоевский В.Ф.* Избранные педагогические сочинения. М., 1955. С. 313–315).

[58] Гакстгаузен (Haxthausen) Август (1792–1866), барон, историк, исследователь русской общины. В 1843 г. получил разрешение от русского правительства на въезд в Россию с целью изучения русского аграрного строя. Объездив целый ряд городов и областей России и собрав огромное количество разнообразного материала, Гакстгаузен в 1847–1852 гг. выпустил трехтомный труд «Studien über die inneren Zustände, das Volksleben und insbesondere die ländlischen Einrichtungen Russland» («Этюды о внутренних отношениях, народной жизни и в особенности о земельных порядках России»). Об отношении Одоевского к Гакстгаузену см. также раздел «Приложения».

[59] Комитет по крестьянскому делу — правительственное учреждение для рассмотрения проектов отмены крепостного права, создано в феврале 1858 г., упразднено 19 февраля 1861 г. Находилось в непосредственном ведении императора. Председателем комитета был князь А.Ф. Орлов, затем великий князь Константин Николаевич.

[60] Губернские дворянские комитеты — местные учреждения, которые в 1858–1859 гг. разрабатывали проекты крестьянской реформы, поступавшие затем в Редакционные комиссии. Начало их деятельности было положено в октябре 1857 г., когда виленский генерал-губернатор Назимов, бывший в молодости личным адъютантом Александра, передал ему адрес дворян Виленской, Ковенской и Гродненской губерний, которые, боясь установления в их имениях «обязательных инвентарей», хотели освободить своих крестьян от крепостной зависимости, но без наделения землей, и просили императора разрешить им обсудить этот вопрос. В результате дворянам было разрешено образовывать губернские комитеты для обсуждения вопроса об улучшении быта крестьян с предоставлением им в собственность усадеб, на которых они жили. Вскоре вся Россия покрылась сетью дворянских губернских комитетов.

[61] Генерал-губернатор в России — высшее должностное лицо, которому вверялось самостоятельное управление определенным районом или областью (из нескольких губерний). До 1905 г. число постоянных генерал-губернаторств было ограниченным (Московское, Киевское, Виленское, Варшавское, Иркутское, Приамурское, Туркестанское, Степное и Финляндское).

[62] Эпизоотия — широкое распространение заразной болезни животных, значительно превышающее уровень обычной заболеваемости на данной территории.

[63] Псалом 44. 7–8.

[64] Речь идет об эпизоде Большой Кавказской войны, взятии Аргунского ущелья, после которого Большая и Малая Чечня подчинились России.

[65] Веселовский Константин Степанович (1819–1901), экономист, статистик, непременный секретарь Петербургской Академии наук. Основные его работы посвящены проблемам политической экономии и статистики: «Начало и постепенное преобразование поземельных налогов в России», 1841; «О ценах на хлеб в России», 1845; «Почвенная карта Европейской России», 1855; «Хозяйственно-статистический атлас Европейской России», 1857; «О климате России», 1857.

[66] Эйлер Леонард (1707–1783), математик, механик, физик, астроном, академик Санкт-Петербургской и член Берлинской Академии наук. Швейцарец по происхождению, большую часть своей жизни работал в России, автор работ по интегральному исчислению, теории чисел, небесной механике, оптике, теории музыки.

[67] Кеппен Петр Иванович (1793–1864), экономист, статистик, библиограф, этнограф, историк. Организовал систематический сбор статистических данных о национальном составе населения России и издал первую «Этнографическую карту Европейской России» (1851). Работа над материалами восьмой и девятой ревизий легла в основу его монографии «Девятая ревизия. Исследование о числе жителей в России в 1851 г.» (1857). Был одним из создателей Русского географического общества (1845), в котором возглавлял отделение статистики, членом которого состоял и Одоевский (письма Кеппена Одоевскому и квитанцию об уплате членских взносов в Русское географическое общество за подписью Кеппена см.: РНБ. Ф. 539. Оп. 2. № 580. Л. 1–4).

[68] Проблема недорогих средств пропитания занимала Одоевского еще начиная с 1830-х гг. Так, в 1833–1834 гг., совместно с чиновником Министерства внутренних дел Иваном Петровичем Буниным, он занимался проектом приготовления «питательностей, заменяющих хлебное» (см. письма И.П. Бунина к Одоевскому — РНБ. Ф. 539. Оп. 2. № 289. Л. 1–4). См. также письма к Одоевскому чиновника хозяйственных дел министерства внутренних дел Андрея Гавриловича Глаголева, руководившего в 1833–1836 гг. опытами по производству искусственного хлеба (РНБ. Ф. 539. Оп. 2. № 405. Л. 1–5).

[69] Беляков Егор Карлович (1834–?), художник, до локтей лишенный рук; в 1853–1864 гг. учился в Санкт-Петербургской Академии художеств, награжден двумя большими серебряными медалями и званием художника III степени за этюды и рисунки.

[70] Исаакиевский собор был заложен в 1768 г. в честь Петра I на месте деревянной (а затем каменной церкви) святого Исаакия Далматского, день которого (30 мая старого стиля) совпадал с

датой рождения Петра I (разобрана в середине XVIII в.). История его строительства растянулась почти на столетие: первый собор (проект архитектора А. Ринальди, строил архитектор В.Ф. Бренна), работа над которым шла до 1802 г., дисгармонировал с торжественной застройкой центра города; поэтому в первом десятилетии XIX в. состоялся конкурс на проект нового собора, в котором победил А. Монферран. Но и его строительство закончилось лишь в 1858 г.

[71] Интерьер Исаакиевского собора отделан малахитом, порфиром, мрамором разных оттенков, украшен мозаикой, росписью, над которой работали в т. ч. живописцы К.П. Брюллов и Ф. А. Бруни.

[72] Панин Виктор Никитич (1801–1874), граф, в 1841–1862 гг. Министр юстиции, почетный член Петербургской Академии наук, участник подготовки крестьянской реформы.

[73] См. примеч. 147.

[74] Орлов-Давыдов Владимир Петрович (1809–1882), граф, писатель, тайный советник, собиратель рукописей и старопечатных книг, почетный член Академии наук. Сын П.Л. Давыдова и графини Н.В. Орловой, с 1856 г. ему было высочайше разрешено принять фамилию и титул деда по матери графа В.Г. Орлова и именоваться графом Орловым-Давыдовым. В 1830-е гг. покровительствовал русским художникам в Риме, дружил с К.П. Брюлловым. В 1840 г. был удостоен почетной ученой степени Эдинбургского университета за «Путевые записки, веденные во время пребывания на Ионических островах, в Греции, Малой Азии и Турции в 1835 году Владимиром Давыдовым» (1839–1840), имел право голоса в выборах в парламент от Эдинбургского университета. Делал крупные пожертвования библиотекам и музеям.

[75] Карамзина Аврора Карловна (1813–1902), урожд. Шернваль, сестра Эмилии Карловны Мусин-Пушкиной, была фрейлиной императрицы Александры Федоровны. После несостоявшейся свадьбы с поручиком Мухановым (умер за несколько дней до свадьбы от крупозного воспаления легких) вышла замуж за Павла Николаевича Демидова, сына знаменитого владельца уральских заводов и рудников. После безвременной

смерти Демидова от скоротечной чахотки стала наследницей его состояния и взяла на себя управление его заводами и рудниками на Урале. В 1846 г. вышла замуж вторым браком за Андрея Николаевича Карамзина. Современники вспоминали, что обычно лето и часть осени Демидова-Карамзина проводила за границей и на Урале, а зиму и весну в Петербурге, в своем особняке на Дворцовой площади.

[76] Марсово поле (в XVIII в. — «Большой луг», затем «Царицынский луг») — площадь в Санкт-Петербурге, получившая в 1818 г. свое современное название по аналогии с Марсовым полем в античном Риме, так как на ней проводились военные парады.

[77] Придворная капелла, как и оперный театр в Санкт-Петербурге, относились к придворным музыкальным учреждениям, созданным еще в первой половине XVIII в., что объяснялось ростом музыкальной культуры в России в это время. Для пополнения Придворной капеллы в 1741 г. была основана также певческая школа в Глухове, учеником которой, судя по всему, был придворный певчий Марии Павловны Дворецкий (*см. примеч. 106, 150*).

[78] Бах, с музыкой которого, только начинавшей получать распространение в России, Одоевский познакомился во время своей учебы в Московском Университетском Благородном пансионе, так и оставался на всю жизнь любимейшим его композитором. «Бах был почти первою учебной музыкальной книгою, которой большую часть я знал наизусть», — писал Одоевский (*Одоевский В.Ф.* Музыкально-литературное наследие. М., 1956. С. 62). Большинство собственных музыкальных сочинений также написано им в излюбленной Бахом форме прелюдии и фуги (см.: *Мещерина Е.Г.* В.Ф. Одоевский в музыкальной культуре. С. 24). Баху посвящена новелла «Себастиян Бах», вошедшая в «Русские ночи» и сыгравшая особую роль в привлечении интереса к творчеству немецкого композитора (о проекции судьбы Баха на «личную драму» Одоевского см.: *Сакулин П.Н.* Из истории русского идеализма. С. 257). Именем Баха Одоевский назвал также сконструированный им в 1848 г.

особый орган «Себастианон» (см.: Музыкальная летопись. Сб. 1. Пг., 1922. С. 118).

[79] Своим любимым композиторам Баху и Бетховену Одоевский противопоставляет музыку Верди, то есть «итальянскую музыку» — противостояние, которые мы находим еще в новелле «Себастиян Бах» (*см. выше*), где главным источником зла оказывается «юг» и итальянская музыка. Ср. также отношение к «итальянским руладам» в «Сказке о том, как опасно девушкам ходить толпою по Невскому проспекту», где именно руладами, вкупе с заплесневелыми сентенциями и романами мадам Жанлис, заморский басурман «напичкал» зазевавшуюся красавицу. Критику итальяномании столичной аристократии см. также в статье Одоевского «Русская или итальянская опера» (1867). Ср. также запись в «Дневнике»: «...манерный квартет из "Риголетто" — манерного Верди; октавы обеими руками без конца, — также очення удивительно, но музыки я ожидал тщетно» (Текущая хроника и особые происшествия. С. 245).

[80] Ольденбургский Петр Георгиевич (1812–1881), принц, государственный деятель, один из представителей российской ветви Ольденбургского герцогского дома. По матери (великой княгине Екатерине Павловне) он приходился родным племянником Марии Павловне и соответственно двоюродным братом императору Александру II. Прославился, прежде всего, на почве государственной благотворительности, здравоохранения и народного просвещения. Был председателем Опекунского совета (с 1844 г.), главой Ведомства учреждений императрицы Марии (с 1860 г.), основал первую в России Свято-Троицкую общину сестер милосердия (1844). В 1889 г. перед зданием Мариинской больницы на Литейном проспекте в Петербурге Петру Ольденбургскому был воздвигнут памятник с надписью «Просвещенному благотворителю» (см.: *Папков А.А.* Жизнь и труды принца П.Г. Ольденбургского. СПб., 1885). Дворец принцев Ольденбургских находился на Миллионной улице, недалеко от Зимнего дворца. Во дворце часто давались балы, устраивались домашние концерты и спектакли. Постоянными посетителями дворца были не только представители петербургской знати, но и студенты Александровского лицея и Учи-

лища правоведения, попечителем которых был принц П.Г. Ольденбургский.

[81] Горчаков Александр Михайлович (1798–1883), дипломат, почетный член Петербургской Академии наук (с 1856 г.), канцлер (с 1867 г.), светлейший князь (с 1871 г.). Однокашник Пушкина по Царскосельскому лицею, адресат пушкинских строк «Ты, Горчаков, счастливец с первых дней...» («19 октября»). В 1856–1882 гг. был Министром иностранных дел.

[82] Разумовская Мария Григорьевна (1772–1865), урожденная княжна Вяземская, в первом браке за князем А.Н. Голицыным, во втором — за генерал-майором Л.К. Разумовским. Именно у нее на балу в 1837 г. состоялось объяснение Пушкина с секундантом Дантеса.

[83] Графиня Борх Софья Ивановна (1809–1871), урожд. Лаваль, дочь И.С. и А.Г. Лавалей, которым принадлежал знаменитый дом № 2 на Английской набережной, находившийся за угловым зданием Правительствующего Сената. Выйдя замуж за графа А.М. Борха и продав особняк Лавалей известному банкиру Соломону Полякову, она оставалась еще обладательницей особняка, расположенного за Благовещенской улицей по Английской набережной (д. 20).

[84] Кринолин, то есть юбка на стальных обручах или китовом усе, стала вновь (после эпохи рококо 1750–1770 гг.) преобладать в женской моде середины XIX в. — в период, получивший название «второго рококо», когда на смену бидермайеру, который в целом носил отпечаток бюргерской простоты, пришел более претенциозный стиль, зародившийся при дворе французского императора Наполеона III и его супруги Евгении, известном своей любовью к роскоши. К 1860 г. кринолин сузился у бедер, приобретя форму овала, выдающегося назад и заканчивающегося шлейфом.

[85] Основной проблемой дамских шляп в России первой половины XIX в. было их несоответствие климату: бытовавшие в это время шляпа-капот или шляпа-кибитка, сделанные из шелка и тюля и отделанные внутри кружевами (ср. название одного из фасонов — «шляпка ветреница»), оставляли почти половину головы открытой. К середине XIX в. мода начала демо-

кратизироваться: для изготовления шляп стали применять уже более плотный материал — плотный шелк, из которого до того делали цилиндры, шерсть, фетр. Поменялась также конструкция шляп: появились тульи и поля. Интересно, что мотив утопических дамских шляпок, имеющих электрические украшения, служащие одновременно и для обогрева, появляется у Одоевского уже в утопическом незавершенном романе «4338-й год» (1840).

[86] См. вступ. статью и примеч. с. 28.

[87] Брошюру «О Русских печах» обнаружить не удалось. Однако упоминаемые Одоевским материалы вошли в незавершенный труд «Житейский быт (из заметок для молодого друга)» (РНБ. Ф. 539. Оп. 1. Перепл. 89).

[88] Карр Альфонс (1808–1890), французский писатель, полемический журналист, отличался цинизмом и агрессивностью, но также и остроумием.

Одоевский познакомился с Карром во время своего пребывания в Ницце в 1857 г., и Карр даже возложил отчасти на Одоевского распространение номеров своего журнала «Les Guêpes» (см. письма Карра к Одоевскому за 1857–1858 гг.: РНБ. Ф. 539. Оп. 2. № 572. Л. 1–7).

[89] См. раздел «Приложения».

[90] Ингеборг (Елена) фон Бронсар (Bronsart), урожд. Штарк (1840, Санкт-Петербург–1913, Мюнхен), немецкая пианистка и композитор русского происхождения, ученица Листа. Объявление о ее концерте, подписанное литерами К. В. О., Одоевский опубликовал в «Санкт-Петербургских ведомостях» от 18 февраля 1858 г.

[91] Михайловский театр в Петербурге (ныне — академический Малый театр оперы и балета), построенный архитектором А.П. Брюлловым в 1831–1833 гг. и перестроенный в 1859 г. архитектором А.К. Кавосом, использовался первоначально главным образом как концертный зал: в 1850-х — начале 1860-х гг. в нем проходили гастроли артистов итальянской оперы, немецких и французских актеров и музыкантов. Был предназначен преимущественно для придворно-аристократических кругов.

[92] Клара Шуман (1819–1896), немецкая пианистка и композитор, жена композитора Роберта Шумана и дочь известного фортепианного педагога Ф. Вика. Начала давать публичные концерты в возрасте 10 лет.

[93] Ференц Лист (1811–1886), венгерский композитор и пианист. В 1848 г. принял должность придворного капельмейстера в Веймаре, где он создал свои крупнейшие программные сочинения для оркестра: «Фауст-симфонию» (1854–1857), «Симфонию к "Божественной комедии" Данте» (1855–1856), 12 симфонических поэм, и где вокруг него объединились талантливые музыканты (Г. фон Бюлов, И. Рафф и др.), образовавшие т. н. веймарскую школу. Во время своих гастролей в России в 1842, 1843, 1847 гг. встречался с Одоевским, который назвал его, Моцарта и Глинку «тремя примерами дивной организации» в истории музыки (*Пятковский А.П.* Князь В.Ф. Одоевский. Литературно-биографический очерк в связи с личными воспоминаниями. СПб., 1880. С.15). *См. также вступ. статью.*

[94] Левассор Пьер Тома (1808–1870), французский комедийный актер, выступавший вместе с актерами Н.О. Дюр, В.Н. Асенковой, Н.В. Самойловой, В.И. Живокини. Владел искусством внешнего перевоплощения, играя по нескольку ролей в одной небольшой пьеске.

[95] См. примеч. 72.

[96] Левашев Николай Васильевич (1827–1884), граф, губернатор города Орел, а с 1866 г. — Санкт-Петербурга, генерал-адъютант, в 1871–1874 гг. исполнял должность помощника шефа жандармов и управляющего III отделением Собственной Его Величества канцелярии.

[97] Дед Одоевского Сергей Иванович Одоевский был женат на княжне Елизавете Александровне Львовой (1743–1800).

[98] Львова Екатерина Владимировна (1807–1880), княжна, сестра цензора В.В. Львова, фрейлина, а затем гофмейстерина великой княгини Елены Павловны. При ее помощи Елена Павловна держала неофициальный салон, формально называвшийся салоном княжны Львовой (*см. примеч. 17*).

[99] Александра Петровна (1838–1900), дочь принца Петра Ольденбургского (*см. выше*), с 1856 г. супруга великого князя

Николая Николаевича; основательница Покровской общины сестер милосердия в Санкт-Петербурге. С 1881 г. жила в Киеве, где основала Покровский женский монастырь и приняла иночество под именем Анастасии.

[100] По-видимому, речь идет о дочери Ивана Петровича Оффенберга (1791–1870), члена Военного совета, состоявшего при особе императора Александра II.

[101] Письма Одоевского достаточно широко циркулировали в окружении Марии Павловны. О последнем свидетельствует, в частности, письмо барона Мальтица (*см. выше*) от 30 марта /11 апреля 1858 г.: «Спешу вернуть Вашему Императорскому Высочеству письмо Князя Одоевского, которое вызвало у меня очень большой интерес. Оно столько же интересно, сколь и успокоительно, и богато занимательными подробностями. Не знаю, как и благодарить Ваше Императорское Высочество за столь милостивое сообщение» (ThHStAW HA A XXV. R 26. Bl. 34).

[102] ThHStAW HA A XXV. R 26. Bl. 54–55. Письмо написано под диктовку Марии Павловны с отдельными ее собственноручными вставками.

[103] Максимилиановская лечебница (другое название — Лечебница для приходящих) была открыта «Обществом посещения бедных просителей в Петербурге». Когда в апреле 1855 г. общество было закрыто, лечебницу приняла под свое покровительство великая княгиня Елена Павловна, которая поручила Одоевскому председательствовать в комиссии по ее управлению (*см. также вступ. статью, с. 33*).

[104] См.: ThHStAW HA A XXV. R 26. Bl. 51.

[105] ThHStAW HA A XXV. R 26. Bl. 56–56`. Письмо написано по поручению Марии Павловны неизвестным лицом.

[106] Записку певчего Дворецкого, переадресованную Марией Павловной Одоевскому, см.: ThHStAW HA A XXV. R 26. Bl. 90–91.

[107] ThHStAW HA A XXV. R 26. Bl. 57–70`. Черновик послания (собственноручное письмо Одоевского) хранится: РНБ. Ф. 539. Оп. 1. № 14. Bl. 35–51.

[108] Орлов Алексей Федорович (1786–1861), князь, генерал от кавалерии, в 1825 г. был среди участников подавления вос-

стания декабристов. В 1844–1856 гг. шеф жандармов. В 1856 г. — первый уполномоченный России на Парижском конгрессе, подписывал Парижский мир. В 1856–1860 гг. председатель Государственного совета и Комитета министров. Принадлежал к правой оппозиции, выступавшей против немедленных реформ.

[109] Две рукописные и одну печатную программу музыкальных концертов в марте и апреле 1858 г., приложенных Одоевским к письму, см.: ThHStAW HA A XXV. R 26. Bl. 73, 74, 75.

[110] Княжевич Александр Максимович (1792–1872), государственный деятель. В 1858–1862 гг. — Министр финансов, осуществил операцию по финансированию крестьянской реформы 1861 г., разработал проекты Торгового устава (1860) и акционерного законодательства (1861).

[111] Брок Петр Федорович (1805–1875), с 1852 г. по 23 марта 1858 г. Министр финансов. Финансовые мероприятия Брока диктовались, главным образом, тяжелыми условиями крымской кампании. При нем было заключено несколько внешних займов, и общая сумма государственного долга достигла в 1855 г. 1198 млн. р. В это же время сильно увеличилось и количество бумажных денег.

[112] Ковалевский Евграф Петрович (1790–1886), с 1856 г. — попечитель московского учебного округа, в 1858–1861 гг. — Министр народного просвещения, попечитель народных училищ, позже — член Государственного совета.

[113] Норов Авраам Сергеевич (1795–1869), государственный деятель, коллекционер, академик Петербургской Академии наук (1851). Участник Отечественной войны 1812 г. В 1853–1856 гг. Министр народного просвещения, увеличил прием студентов, ввел заграничные стажировки для кандидатов на профессорские звания.

[114] Канкрин Егор Францевич (1774–1845), граф, Министр финансов в 1823–1844 гг. В 1818 г. выдвигал проект отмены крепостного права и постепенного выкупа крестьян с землей за счет средств специального заемного банка. В 1838 г. преподавал экономическую науку престолонаследнику Александру (Александру II). Покровительствовал развитию фабрично-

заводской промышленности и технического образования. Автор сочинений «О военной экономике во время войны и мира» (1820–1823), «Мировое богатство, национальное богатство и государственная экономика» (1821).

[115] Имеется в виду Ковалевский Егор Петрович (1811–1868), писатель, государственный деятель, географ. В 1849 г. сопровождал духовную миссию в Пекин и настоял на пропуске русских караванов по удобному «купеческому тракту». При его посредничестве был заключен т. н. кульджинский трактат 1851 г. В 1856 г. Ковалевскому было поручено управление азиатским департаментом. Автор в т.ч. книги «Путешествие в Китай» (1853).

[116] Винные откупа — система взимания косвенного налога, при которой право торговли вином отдается на откуп частным предпринимателям. Откупщики платили государству заранее оговоренную денежную сумму, получая право на откуп на публичных торгах. В России существовали с XVI в. наряду с винной монополией. Особое развитие получили в XVIII в. и тогда же явились одним из источников так называемого первоначального накопления капитала. На их основе складывались крупнейшие состояния многих представителей купечества (Яковлевых, Злобиных, Кокоревых и др.). В 1859–1863 гг. государство получало от винных откупов около 128 млн. рублей (т. е. 40% всех доходов), что вызывало возмущение народа. После реформы 1861 г. винные откупа были ликвидированы и в 1863 г. заменены другим видом косвенного налога — акцизом. Переписку Одоевского 1850-х гг. с А.Ф. Голицыным, касающуюся системы откупов в России, см.: РНБ. Ф. 539. Оп. 2. № 415.

[117] См.: ThHStAW HA A XXV. R 26. Bl. 76–84.

[118] Ср. в «Записке об увольнении крепостных крестьян», которую Одоевский написал для Александра II 7 января 1861 г.: «В этом деле единственно важное: не медлить; дорог день, дорог час. Народ с дивным смирением ждет разрешения жизненного для себя вопроса, но уже ждет нетерпеливо» (Русский архив. 1881. Кн. 2. № 2. С. 489).

[119] Сен-Марк Жирарден Франсуа-Огюст (1801–1873), французский писатель и политик, профессор Сорбонны, член французской академии, автор сочинений по истории французской литературы. С 1828 г. почти на протяжении 50 лет сотрудничал в «Journal des Débats», куда писал статьи преимущественно политического содержания, которые легли в основу его многотомного издания «Souvenirs et réflexions politiques d'un journaliste» (1859), посвященного, в частности, экономическим и политическим проблемам иностранных государств.

[120] Общинное землевладение — форма землевладения, при котором право собственности на землю принадлежит всей общине в совокупности: каждый из ее членов получает участок земли (надел) во временное пользование, некоторые земли (выгоны, сенокосы, леса) находятся в общем пользовании. Участки, отдаваемые во временное пользование, через определенные промежутки перераспределяются между членами общины (переделы).

[121] Общинная собственность — исторически первая, коллективная форма собственности, которая основывалась на совместном труде и социальном равенстве членов общины.

[122] С 1856 г. должность наместника Кавказа занимал князь Александр Иванович Барятинский, фельдмаршал (1814–1879), который в 1859 г. взятием в плен Шамиля закончил покорение Кавказа. До него эту должность занимал Н.Н. Муравьев (Карский) (1794–1866), брат декабриста А.Н. Муравьева.

[123] Одоевский описывал появление в России пароходов уже в «Грамотках дяди Иринея». Так, на реплику одного из крестьян: «Мудреное дело, дядюшка, нашему брату ввек не понять», дядюшка Ириней отвечал: «Отчего не понять, что за вздор! Стоит приняться. Вот у меня есть знакомый крестьянин графини Лавалевой, Михайло Васильевич Федотов: <...> увидел он пароход на Ладоге <...> посмотрел, посмотрел, да и сам такой же пароход сделал...» (Сельское чтение. 1848. Кн. 2. С. 21).

[124] Константин Николаевич вступил в управление Морским министерством в январе 1853 г.: с этого времени начинается почти 30-летний период его деятельности в качестве главы

русского флота (на самом деле, все воспитание великого князя было подчинено основному предназначению — его будущей деятельности во флоте: так, в четыре года ему уже было присвоено звание генерал-адмирала Российского флота — высший морской титул в структуре морского ведомства). Вступив в должность, великий князь стал утверждать принцип гласности в делах управления как одно из самых эффективных средств администрации. Подведомственный ему журнал «Морской сборник» был освобожден от предварительной цензуры; в указах по линии Морского министерства от 9 марта 1855 г., 4 и 5 октября 1858 г. впервые были сформулированы принципы гуманного отношения к подсудимым и пересмотрен принцип военно-морского судопроизводства.

[125] Кулиш Пантелеймон Александрович (1819–1897), украинский писатель и ученый, один из основателей движения за национально-культурное самоопределение Украины, один из первых биографов Н.В. Гоголя, автор поэмы «Украина» (1843), романов «Михайло Чарнышенко, или Малороссия восемьдесят лет назад» (1843), «Черная Рада, хроника 1663 года» (1845–1857), положивших начало украинской исторической романистике. Упоминаемые Одоевским «Записки о Малороссии» (правильное название — «Записки о Южной Руси», т. 1–2, 1856–1857) представляли собой сборник статей исторического, языковедческого, а также этнографического характера, где Кулиш впервые употребил новую орфографию, положенную в основу современного украинского правописания.

[126] Здесь Одоевский не совсем точен. Малороссийские (украинские) песни и легенды издавались уже с начала XIX в. См.: *Павловский А.* Грамматика малороссийского наречия. СПб., 1818; *Цертелев Н.А.* Опыт собрания старинных малороссийских песней. СПб., 1819; Малороссийские песни, изданные М. Максимовичем. М., 1827.

[127] Гречулевич Виталий (в миру — Василий Васильевич) (1822–1885), сын известного украинского проповедника В.Я. Гречулевича, духовный писатель, магистр Санкт-петербургской духовной академии, основатель и редактор духовно-

го журнала «Странник». Был епископом острожским, викарием волынской епархии, затем епископом могилевским.

[128] Бобровницкий Иван Матвеевич (1813 — 1885), богослов. Окончил курс в Киевской духовной академии, где затем занимал кафедру греческого языка. Главнейший его труд «О происхождении и составе римско-католической литургии и отличии ее от православной» был издан впервые в 1839 г. и выдержал в дальнейшем четыре издания.

[129] Журнал «Сельское благоустройство» (1858–1859), специальное приложение к журналу славянофильского направления «Русская беседа» (выходил в Москве в 1856–1860, издатель А.И. Кошелев, позднее И.С. Аксаков), пропагандировал, в частности, идеи созыва совещательного земского собора, проведение буржуазных реформ, освобождение крестьян с землей за выкуп, сохранение общины.

[130] Посланные Марии Павловне Одоевским книги и журналы пропали из Веймарской библиотеки во время Второй мировой войны, как и большая часть ее книжного собрания.

[131] Чилим; более принятое его название в России — водяной орех, растение из семейства рогульниковых.

[132] Крестовоздвиженская община сестер милосердия в Санкт-Петербурге была основана в 1854 г. во время Крымской войны (1853–1855) великой княгиней Еленой Павловной, которая обнародовала воззвание ко всем русским женщинам, не связанным семейными обязанностями, о помощи больным и раненым. В дальнейшем по уставу община имела целью уход за больными в лечебных заведениях, вспомоществование бедным и сиротам.

[133] Центральная газета Ниццы «Avenir de Nice» (*см. выше*) осенью–весной 1856–1857 гг. была переполнена сообщениями о «благодеяниях» русской императрицы и обо всех просьбах, с которыми к ней обращались как частные лица, так и благотворительные учреждения. Она помогала бедным и больным деньгами и подарками, посылая их часто инкогнито; узнав о нездоровье французского поэта Беранже, пыталась помочь ему деньгами (см.: Avenir de Nice. 1857. №№ 1, 15, 24). В № 97 газеты за 8 апреля 1857 г. сообщалось, например, что незадол-

го перед тем, как покинуть Ниццу, во время праздника, данного ею на вилле Партуно, Александра Федоровна передала властям соседнего города Мантон сумму в 500 франков в пользу бедных этого города. Бриллиантовое кольцо было послано ею дирижеру национальной гвардии в благодарность за сочиненный им гимн, исполненный сиротами благотворительного приюта в саду у императрицы. Сироты также получили в дар определенную сумму денег. Александра Федоровна содействовала также строительству в Ницце русской православной церкви на улице Лонгшам (строительство завершено в декабре 1859 г.).

[134] Речь идет о статье парижского журналиста и музыкального критика Леона Гатэ (Gatayes) «Рубинштейн. Музыкальные консерватории в России», перепечатанной из «Gazette de Paris» в разделе «Фельетон» № 144 «Avenir de Nice» за 28 мая 1857 г. *(см. раздел «Приложения»).*

[135] В № 163 «Avenir de Nice» за 19 июня 1857 г. были опубликованы письмо Альфонса Карра к редактору газеты «Avenir de Nice» и его же письмо, обращенное к «русскому подписчику из Nizzardo». В первом говорилось: «Господин редактор! Я посылаю вам вторую статью (публикуемую как сегодняшний фельетон) моего друга г-на Л. Гатэ, который писал в парижской газете о русском пианисте Рубинштейне. Я прошу вашего разрешения адресовать в вашей газете несколько слов той персоне, которая в итальянском журнале посчитала своим долгом ответить на первую статью г-на Гатэ. Примите… Альфонс Карр».

Письмо, обращенное непосредственно Одоевскому, начиналось словами: «Сударь! Г-н Леон Гатэ опубликовал в парижском журнале статью о русском пианисте Рубинштейне, “Avenir de Nice” перепечатал эту статью. Кажется, эти несколько строк вызвали столь сильное ваше негодование, что вы не смогли дождаться публикации второй статьи, более серьезной, о которой г-н Гатэ оповещал нас (была опубликована, как и настоящее письмо Карра, в № 163 “Avenir de Nice” за 19 июня 1857 г. — *Е.Д.*). Вы посчитали должным написать опровержение немедленно по поводу нескольких ошибок, ка-

сающихся России, которые, по вашему мнению, содержит забавный и забавно рассказанный анекдот».

[136] Ср. в письме А. Карра: «Вы подписываетесь *abonné russe*. Конечно, это двойное звание достойно уважения — Русские люди отличаются умом и храбростью, а подписчики немало содействуют процветанию газеты. <…> Но правда, сударь, я считаю, что подписывать статью столь же необходимо, сколь и подписывать письмо — и я полагаю, что уже провел во Франции закон, предписывающий это в обязательном порядке». Заканчивалась статья признанием Карра, что он угадал, кто скрывается за именем «русского подписчика»: «Я мог бы сделать вид, что не узнал вас; что не знаю, что вы человек весьма ученый, очень умный и которого я очень люблю…» (Avenir de Nice. 1857. № 163. 19 июня 1857 г.).

[137] Письмо В.Ф. Одоевского А. Карру и серия его опровержительных статей были опубликованы в №№ 176–179, 181–182 газеты «Avenir de Nice» за 2–5, 7–8 июля 1857 г. *(см. раздел «Приложения»).*

[138] Брошюра в архиве не сохранилась.

[139] Ср. французское письмо Одоевского Марии Павловне от 17/29 июля 1858 г.

[140] Мария Максимилиановна (1841–1914), княгиня Романовская, дочь герцога Максимилиана Лейхтенбергского и Марии Николаевны, внучка Николая I. С 1863 г. — замужем за принцем Вильгельмом Баденским.

[141] К письму приложено: «Programme de la soirée musicale du 4/16 Avril 1858, 6 Mars 1858» (ThHStAW HA A XXV. R 26. Bl. 73–74`).

[142] Описание чилима, присланное вместе с письмом Одоевского от 4/16 апреля 1858 г. см.: ThHStAW HA A XXV. R 26. Bl. 71.

[143] Имеется в виду Паллас Петр Симон (1741–1811), русский естествоиспытатель немецкого происхождения, академик Петербургской Академии наук, руководивший экспедициями Академии наук в 1768–1774 гг., результаты которых были опубликованы в упоминаемом Одоевским труде «Путешествие по различным провинциям Российского государства» (Т. 1–3,

1773–1788). Также автор книги «Флоры России» (1784–1788) и других трудов по зоологии, ботанике, этнографии.

[144] ThHStAW HA A XXV. R 26. Bl. 85–86.

[145] ThHStAW HA A XXV. R 26. Bl. 87–89. Черновик письма хранится: РНБ. Ф. 539. Оп. 1. № 14. Л. 52–53`.

[146] Долгоруков Василий Андреевич (1804–1868), князь, государственный деятель, генерал от кавалерии (1856). С 1852 г. — военный министр, в 1856–1866 гг. шеф жандармов и главный начальник Третьего отделения.

[147] Долгоруков Василий Васильевич (1787–1858), обер-шталмейстер, в 1832–1841 гг. петербургский губернский предводитель дворянства. Его упоминал в своем дневнике также и А.С. Пушкин.

[148] Имеется в виду Голицын Сергей Павлович (1815–1888), генерал-адъютант, в молодости товарищ Лермонтова по школе гвардейских подпрапорщиков. В 1854–1858 гг. был причислен к миссии в Штутгарте. В 1857 г. напечатал брошюру для народа «Печатная Правда», пытаясь ознакомить крестьян с предполагаемой реформой и удержать тем самым от революционных выступлений. Книга была воспринята представителями различных партий скорее отрицательно.

[149] ThHStAW HA A XXV. R 26. Bl. 92–93.

[150] См. письмо Марии Павловны от 3/15 апреля 1858 г.

[151] ThHStAW HA A XXV. R 26. Bl. 94.

[152] ThHStAW HA A XXV. R 26. Bl. 95–97, 103–106. Черновик послания хранится: РНБ. Ф. 539. Оп. 1. № 14. Л. 54–58.

[153] Сразу же после своего воцарения Александр II провел реформирование ведомственных мундиров. Ср. «Описание изменениям в форме одежды чинов гражданского ведомства» от 8 марта 1856 г., правила которого оставались в течение 50 последующих лет главным законодательным актом, определявшим систему гражданской форменной одежды. Главной целью реформы было упрощение форменной одежды и придание ей большей практичности, поскольку теперь признавалось, что прежняя форма «отличалась значительной вычурностью и представляла большие затруднения для ношения». Изменился фасон мундира: он стал двубортным (как это было до 1826 г.),

длина уменьшилась (фактически были упразднены фалды). Как писал А.С. Танеев, управляющий Собственной Канцелярией, на которую была возложена разработка нового рисунка мундиров, «большая часть чиновников с такой благодарностью приняла дарованные удобства, как будто давно их ожидала» (*Шепелев Л.Е.* Чиновный мир России. XVIII — начало XX в. СПб., 2001. С. 233–251).

[154] Аналой (*здесь*) — временная часовня для совершения молебна и водоосвящения в праздник Богоявления (Крещения) 19 января, устанавливался обычно на льду Невы у Зимнего дворца уже 6 января. Он представлял собой круглый в плане павильон высотой около восьми метров, украшенный четырьмя иконами и вызолоченными рельефами, символизирующими Ангельские силы. Под куполом, непосредственно над водой, помещали символическое изображение Святого Духа.

[155] В российской традиции Иорданью называли крещенскую прорубь и поставленную над ней временную часовню для совершения обряда водоосвящения в праздник Богоявления (*см. выше*), сопровождавшегося торжественными государственными церемониалами. В описаниях крещенский церемониал известен уже с 1710-х годов. В царствование Елизаветы Петровны в Петербурге устраивали две Иордани — у Зимнего дворца и у Ружейного канала (с 1744 г. — у Невских ворот Петропавловской крепости). В начале Александровского царствования водоосвящение проходило на набережной Невы — напротив Сената. В дальнейшем главная Иордань Петербурга вновь была перенесена к Зимнему дворцу и устанавливалась там ежегодно. Участие в церемонии императора всегда было обязательным. Ср. описание праздника водосвятия 9 января 1800 г., в котором принимала участие совсем еще юная Мария Павловна: «6-го была у нас погода прекрасная, какой никогда не бывало здесь. Церемония Иордань сделана была против дворца на Неве. Полки расставляли во фронте вокруг дворца. Командовал главно сам милый Государь. Мы вышли из большого дворцового подъезда и пошли по всей дворцовой площади к Адмиралтейству, и обошедши весь дворец кругом, при барабанном бое, взошли на Неву в Иордань. К нам в Иордань

же пришли Императрицы, Марья Павловна и Баденские принцессы. При погружении креста из всех гвардейских полков был огонь, а по окроплении всех знамен с крепости пушечная пальба» (Выдержки из дружеских писем Евгения (впоследствии митрополита Киевского) к Воронежскому приятелю его Василию Игнатьевичу Македонцу // РА. 1870. № 4–5. С. 788).

[156] Теофиль Готье, посетивший Петербург в царствование Николая I, также с удивлением отмечал, — правда, в отношении нижних чинов — что во время церемонии водосвятия в снегу на льду Невы люди стоят с непокрытыми головами (*Готье Т.* Путешествие в Россию. М., 1990). Но сохранились и свидетельства о том, что сам император Александр I выходил на Иордань в шестнадцатиградусный мороз без верхней одежды, в одном мундире. Особым аскетизмом в этом отношении отличался Александр II. А.Ф. Тютчева (дочь Ф.И. Тютчева), бывшая фрейлиной при императорском дворе, вспоминала, как в 1856 г. Александр II обязал свою супругу, императрицу Марию Александровну, выйти на крестный ход с головой, покрытой одной вуалью. «Немногие дамы не побоялись ветра и решились последовать за своей государыней» (*Тютчева А.Ф.* При дворе двух императоров. Воспоминания и фрагменты дневников фрейлины двора Николая I и Александра II. М., 1990).

[157] В светском петербургском календаре крещенские праздники становились началом своеобразных зимних выездов — «гуляний», проходивших по воскресеньям вплоть до начала Великого поста. А в аристократическом кругу продолжался «зимний сезон» — время балов и маскарадов, кульминацией которого была масленица.

[158] В печатном «Приказе по гражданскому ведомству», приложенном к письму, сказано, что «Помощник директора Императорской публичной библиотеки, заведующий Румянцевским музеумом в звании камергера, князь Одоевский производится из действительных статских советников в гофмейстеры двора Его Императорского Величества, с оставлением при занимаемых им должностях» (ThHStAW HA A XXV. R 26. Bl. 103–104).

[159] Рубинштейн Антон Григорьевич (1829–1894), пианист, композитор, дирижер. Пользовался особым покровительством императорской семьи. С 1849 г. был «заведующим музыкой» при дворе Елены Павловны. В 1859 г. основал при содействии великой княгини Елены Павловны «Русское музыкальное общество» и несколько лет спустя при нем консерватории в Петербурге и Москве. Концерт, о котором пишет Одоевский, состоялся в Ницце в марте 1857 г. в салоне Елены Павловны (о награждении за него Рубинштейна «двумя большими кольцами с бриллиантами» см.: «Avenir de Nice». 1857. № 81. 23 марта). См. также примеч. 135 и раздел «Приложения».

[160] Речь идет о книге Андрея Николаевича Муравьева (1806–1874) «Сношения России с Востоком по делам церковным» (СПб., 1858–1860). В молодости Муравьев был близок кружку любомудров, имел репутацию талантливого поэта, хотя и оспоренную, в т. ч. Е.А. Баратынским и А.С. Пушкиным. Совершил в 1829–1830 гг. путешествие в Иерусалим, Константинополь; его книга «Путешествие ко Святым местам в 1830 г.» (1832) получила широкий резонанс как в светских, так и церковных кругах. С конца 1830-х гг. посвятил себя исключительно духовной литературе и церковной публицистике, основной темой его трудов стало утверждение православия в современной жизни. Двухтомный труд «Сношения России с Востоком по делам церковным» был основан на изучении Муравьевым «греческих грамот» о церковных связях России с Востоком и работе автора в московских архивах.

[161] ThHStAW HA A XXV. R 26. Bl. 106–109`. Черновик послания хранится: РНБ. Ф. 539. Оп. 1. № 14. Л. 59–66.

[162] Вяземский Петр Андреевич (1792–1878), князь, государственный деятель, поэт. С 1855 г. был товарищем Министра народного просвещения, руководил Главным управлением цензуры. В Государственном архиве Тюрингии хранятся письма Марии Павловны к П.А. Вяземскому и его ответные письма к ней. 1 окт. 1855 г., посылая великой княгине свое стихотворение «Плач и утешение», он писал: «Каждому русскому чувству, каждому русскому слову отрадно встретить отголосок и сочувствие в Вашем просвещенном уме и возвышенном серд-

це. Для нас всех Вы еще в России <...> молю Господа Бога, да хранит он Вас и все сердцу Вашему близкое и милое, а, следовательно, и Россию, которую и заочно и в новом кругу Вашей благотворительной деятельности Вы все еще так родственно и так пламенно любите». Переписку Вяземского с Одоевским см.: РНБ. Ф. 539. Оп. 2. № 373. Л. 1–84 (1834–1868).

[163] Имеется в виду Е.П. Ковалевский (см. письмо № 3 от 3/15 апреля 1858).

[164] После поражения Пруссии в 1806 г. и заключения Тильзитского мира в 1807 г., в результате которого она потеряла около половины своей территории, правящие круги Пруссии были вынуждены вступить на путь реформ. Последние были проведены в 1807–1811 гг. министрами Ф.К. Штейном (*см. ниже*) и К.А. Гарденбергом. Октябрьский эдикт (1807) провозгласил личную свободу крестьян, предусматривая возможность отчуждения земли по желанию собственника; было введено городское самоуправление; крестьянам разрешено выкупать феодальные повинности при условии выплаты 25-кратной суммы ежегодных платежей.

[165] Штейн Генрих Фридрих Карл (1757–1831), барон, немецкий государственный деятель. В 1804–1807 гг. министр прусского Правительства; вопреки сопротивлению консервативно настроенного юнкерства, провел ряд буржуазных преобразований. В ноябре 1808 г., под давлением Наполеона I, опасавшегося усиления Пруссии, уволен в отставку. В мае 1812 г. по приглашению Александра I прибыл в Россию. В 1813–1814 гг. руководил центральной комиссией по управлению освобожденными территориями Германии, отстаивая идею создания национального германского государства.

[166] Имеется в виду Фридрих-Вильгельм III (1770–1840), правивший Пруссией в 1797–1840 гг.

[167] Слова Евангелия от Матфея (9:17): «Не вливают также вина молодого в мехи ветхие; а иначе прорываются мехи, и вино вытекает, и мехи пропадают, но вино молодое вливают в новые мехи, и сберегается и то и другое».

[168] Йенский университет был основан в 1558 г. В конце XVIII в. стал центром классической немецкой философии и

немецкого романтизма (с университетом была связана деятельность И.Г. Фихте, Ф. Шеллинга, Ф. Шиллера, Гегеля, Л. Окена). В России известен с первой половины XVIII в.: с иенским профессором Иоганном Францем Буддеусом состоял в переписке Феофан Прокопович и ряд других членов Петербургской Академии наук. В Йенском университете учились, начиная с XVIII в., также и многие прибалтийские немцы, сыгравшие впоследствии важную роль в государственном управлении России.

[169] Хоровое пение вообще всегда очень интересовало Одоевского. Так, занимаясь делами школы «Хорного пения», организованной в Петербурге, он писал, что «хорное пение, употребляемое в детских приютах, есть одно из полезнейших пособий; оно может иметь многие различные применения вообще, оно действует на умягчение сердца, но имеет и другие выгоды» (*Одоевский В.Ф.* Избранные педагогические сочинения. С. 64). Проблемы хорного пения Одоевский обсуждал также в переписке с композитором и музыковедом Ю.К. Арнольдом в 1843–1853 гг. (см.: РНБ. Ф. 539. Оп. 2. № 184).

[170] См.: ThHStAW HA A XXV. R 26. Bl. 98–102. Данную статью Одоевский опубликовал под названием «Первое испытание хорного пения в Исаакиевском соборе» в Санкт-Петербургских Ведомостях (1858. № 95. 4 мая), подписав ее литерами «К. В.Ф. О–й».

[171] Одоевский писал: «Музыка есть искусство, есть дело таланта, но законы того акустического явления, которое называют музыкою, суть не что иное, как одно из приложений математики» (*Одоевский В.Ф.* Музыкальная грамота или основания музыки для немузыкантов. М., 1868. С. 3). Именно эта мысль проводится им и в статье, посвященной особенностям распространения звука при пении двух клиросов в соборе. До самой смерти Одоевский работал над изучением природы и распространения звука. «Работаю над звукособирателем. Удивительные вещи открываются», — пишет он в дневнике (запись 26 августа 1868 г.) (Текущая хроника и особые происшествия. С. 245). Существуют сведения, что Одоевский работал также и над другими акустическими изобретениями: акустическими

очками, звучащим цилиндром, акустическим микроскопом, музыкальным телеграфом.

[172] Аджиатура — повышение звука.

[173] Дюлонг (Дюлон) Пьер Луи (1785–1838), французский физик и химик, член Парижской Академии наук (1823). Изобретатель катетометра (прибора для измерения расстояния между точками, не лежащими на одной вертикальной прямой, основной частью которого является зрительная труба, перемещаемая по вертикали).

[174] ThHStAW HA A XXV. R 26. Bl. 110–111.

[175] ThHStAW HA A XXV. R 26. Bl. 111–113.

[176] Речь идет скорее всего о старшей дочери Марии Павловны Марии (1808–1877), с 1827 г. супруге принца прусского Карла (1801–1883), с которым Одоевский мог познакомиться в Ницце в марте 1857 г. (младшая ее дочь, Августа, 1811–1890, стала в 1829 г. супругой его брата, принца прусского Вильгельма, 1797–1888, с 1871 г. императора Вильгельма I).

[177] Одоевская Мария Ивановна (?–1866), двоюродная сестра В.Ф. Одоевского и единокровная сестра декабриста А.И. Одоевского, впоследствии замужем за губернатором Олонецкой губернии Г.Г. Григорьевым (незаконным сыном графа Григория Владимировича Орлова).

[178] Кобленц — город, расположенный на месте слияния Рейна и Мозеля, с 1815 г. входил в состав Пруссии. Упоминаемая Одоевским типография на самом деле принадлежала известнейшему немецкому издательскому дому Карла Бедекера, располагавшемуся в Кобленце с 1827 по 1872 гг.

[179] Возможно, речь идет о Сильве Кармен (1843–1916), принцессе Нейвидской, впоследствии королеве Румынии Елизавете Оттилии-Луизе, с 1869 г. замужем за князем, впоследствии королем Румынии Карлом. Способствовала развитию искусства, женского труда и общественной благотворительности в Румынии. Автор стихотворных сборников, переводов и переделок румынских национальных песен.

[180] Речь идет о Вильгельме III (1817–1890), короле Нидерландов и племяннике Марии Павловны (он был сыном короля Вильгельма II и сестры Марии Павловны — Анны Павловны).

[181] Великий герцог Саксен-Веймар-Эйзенах Карл Александр (*см. примеч. 19*).

[182] Саардам (Сардам) — русское название города Заандам (Zaandam) в северной Голландии, на реке Саар, где Петр I учился кораблестроению и где сохранялся деревянный домик, где жил русский царь. Для многих русских также и по этой причине Саардам стал своеобразным местом паломничества. Жуковский написал стихотворение «по случаю посещения Его императорским высочеством (великим князем Александром Николаевичем. — *Е.Д.*) Сардамского домика, в коем плотничал Петр Великий», список которого был послан также и Марии Павловне («Над бедной хижиною сей Несутся Ангелы святые. Великий князь, благоговей, Здесь колыбель Империи твоей, Здесь родилась великая Россия»).

[183] ThHStAW HA A XXV. R 26. Bl. 114–127. Черновик послания хранится: РНБ. Ф. 539. Оп. 1. № 14. Л. 67–83.

[184] Великокняжеская резиденция Гатчина, подаренная Екатериной II наследнику престола Павлу Петровичу, в 1796 г. получила статус императорской и оставалась ею на протяжении всего XIX в. наряду с Царским Селом.

[185] Штакеншнейдер Андрей Иванович (1802–1865), петербургский архитектор. В 1850-е гг. стал архитектором Собственного Его Величества дворца и заведующим постройками в загородных императорских резиденциях.

[186] Доктор Каррель, лейб-медик Николая I, а затем и Александра II. Существует версия, что именно он дал в 1855 г. яд желавшему покончить жизнь самоубийством Николаю I.

[187] Сам Одоевский был одним из инициаторов Положения о компаниях на акциях.

[188] Одоевский числился среди прочего также и членом Комиссии по усовершенствованию пожарной части Петербурга.

[189] Имеется в виду Румянцевский музей, основанный в 1831 г., через пять лет после смерти государственного канцлера графа Н.П. Румянцева, книжное и рукописное собрание которого и легло в основу музея. Император Николай передал музей в подчинение Министерства народного просвещения, а затем, для сокращения средств, отпускаемых на музей, при-

соединил его к Императорской Публичной библиотеке (1845). Одоевский заведовал Румянцевским музеем, начиная с 1846 г. В 1861 г. румянцевские коллекции были перенесены в Москву для учреждения публичной библиотеки в Москве (нынешняя Российская национальная библиотека).

[190] Главный, или большой дом Румянцевского музея, в котором располагались коллекции, находился на Английской набережной, которую соединял с Васильевским островом Благовещенский, переименованный в 1855 г. в Николаевский мост — первый постоянный мост через Неву (построен в 1842 г.).

[191] Борх Александр Михайлович (1804–1867), дипломат, камергер, церемониймейстер, муж С.И. Борх (*см. примеч. 83*).

[192] Ланской Сергей Степанович (1787–1862), государственный деятель, Министр внутренних дел. В молодости член Союза Благоденствия, впоследствии занимал разные высокие посты, губернаторские, сенатские, министерские, и никогда не демонстрировал свободомыслия или широты взглядов. Александру II он был предложен А.Ф. Орловым как «спокойный» Министр внутренних дел. Однако именно Ланской был среди тех вначале немногочисленных сановников, кто активно действовал в пользу освобождения крестьян и, не всегда разделяя мнения молодого царя, защищал тем не менее его интересы, за что Александр очень его ценил. Ланской приходился родным братом жене Одоевского, О.С. Ланской-Одоевской (переписку с ним см.: РНБ. Ф. 539. Оп. 2. № 692. Л. 1–32). Ср. описание смерти Ланского в дневнике Одоевского (запись от 25 января 1862 г.): «Свидание государя с Сергеем Степановичем Ланским было самое трогательное. Он благодарил С.С. за все, что он сделал, С.С. за то, что позволил ему быть участником в великом деле. Государь плакал навзрыд» (Текущая хроника и особые происшествия. С. 144).

[193] Потемкина Елизавета Петровна (1796–1870?), урожд. княжна Трубецкая, сестра декабриста С.П. Трубецкого, жена С.П. Потемкина (1787–1858), «одного из арестованных» в связи с шумным скандалом, произошедшим в марте 1830 г. в частном театре С.В. Карцевой из-за пощечины, данной актрисе

Альфред (история описывается в письме Пушкина Вяземскому от 14 марта 1830 г.). Была посаженой матерью на свадьбе Пушкина. Адресат его шутливого стихотворения «Когда Потемкину в потемках» (1830-е).

[194] Берка — курортный городок в герцогстве Саксен-Веймар.

[195] Имеется в виду аптека Карла Штрауха и сына в Петербурге.

[196] Лафатер Иоганн-Каспар (1741–1801), швейцарский теолог, мыслитель и поэт, бывший в Цюрихе пастором. Автор сборника стихотворений «Швейцарские песни» (1767), «Двести христианских песен» (1780), популярного в XVIII и начале XIX в. четырехтомного трактата «Физиогномические фрагменты...» (1775–1778). Среди русских корреспондентов Лафатера был и молодой Карамзин.

[197] То есть для великого герцога Карла Александра и его жены Софии (*см. примеч. 19*).

[198] Речь идет о книге: Русская старина в памятниках церковного и гражданского зодчества. Составлена А. Мартыновым. Текст Н.М. Снегирева. М., 1847.

[199] ThHStAW HA A XXV. R 26. Bl. 128–129'.

[200] Описание Апольды, города, находящегося в непосредственной близости от Веймара, см. в «Путевых записках 1857 г.» Одоевского (РНБ. Ф. 539. Оп. 1. № 47. Л. 63).

[201] ThHStAW HA A XXV. R 26. Bl. 130–139. Черновик послания хранится: РНБ. Ф. 539. Оп. 1. № 14. Л. 84–92.

[202] Церковный праздник, посвященный святому Георгию (Егорию, Юрию) Победоносцу, так называемый Юрьев день, праздновался 26 ноября по старому стилю.

[203] Орден святого Георгия был основан 26 ноября 1769 г. Екатериной II за отличие в военных подвигах. Имел четыре степени: 1-я — звезда и крест на ленте; 2-я — звезда и крест на шее; 3-я — крест на шее и 4-я — крест в петлице.

[204] Имеется в виду одна из галерей первого этажа Зимнего дворца, построенная Ф.Б. Растрелли в середине XVIII в. Первоначально галерея называлась Главной — по ней от Главного вестибюля к Парадной лестнице следовали гости император-

ской резиденции, кареты которых въезжали по пандусу крытого Посольского подъезда, расположенного со стороны парадного двора. В XIX в. галерея стала называться Иорданской, как и подъезд, обращенный к Неве.

[205] Кульмская битва 17 августа 1813 г. у чешского городка Кульм была первой удачной акцией союзников (России, Пруссии и Австрии) в войне против Наполеона, укрепившей коалицию. После ее окончания Александр I наградил среди прочих Преображенский и Семеновский полки, вынесшие основную тяжесть боя, Георгиевскими знаменами. В Зимнем дворце находилась также картина А.И. Зауервейда «Кульмская битва».

[206] Скорее всего речь идет о Петре Петровиче Палене (1778–1864), в начале Отечественной войны — генерал-майоре, а с августа 1812 г. — генерал-лейтенанте, командующем 3-м кавалерийским корпусом в армии Барклая-де-Толли (см.: *Глинка В.М., Померанцев А.В.* Военная галерея Зимнего дворца. Л., 1974).

[207] Кауфман Константин Петрович (1818–1882), военный и государственный деятель, инженер-генерал (1874), почетный член Петербургской Академии наук (1873). С 1867 г. был туркестанским генерал-губернатором, руководил завоеванием Средней Азии, установил протекторат над Хивинским и Бухарским ханствами, присоединил к России Кокандское ханство.

Тотлебен Эдуард Иванович (1818–1884), граф, военный инженер, почетный член Петербургской Академии наук (1855). Руководил инженерными работами при обороне Севастополя 1854–1855.

Андрей Шувалов — *см. примеч. 39.*

[208] Имеется в виду княжна Екатерина Львова (*см. примеч. 98*).

[209] Для официальных случаев мужчины надевали, как правило, галстуки двух цветов: белые (батистовые) и черные (шелковые или шерстяные). Но и здесь выбор цвета маркировал ситуацию: белые галстуки надевали в особо торжественных случаях, а черные — в ситуации более повседневной.

[210] Штубе — певица, чье имя Одоевский постоянно упоминает на страницах своего дневника конца 1850 — начала 1860-х гг.

и в переписке. Ср.: «Мария Максимилиановна <...>, ее мнение о пении Штубе. Кажется, против Штубе есть интриги» (Текущая хроника и особые происшествия. С. 94).

[211] Александрова-Кочетова Александра Дормидонтовна (1833–1903), русская певица. Дочь священника при русском посольстве в Берлине, получила музыкальное образование за границей. Ее голос (драматическое сопрано) и музыкальность обратили на нее внимание Рубинштейна, который ввел ее в салон великой княгини Елены Павловны. Выступала в придворных спектаклях и концертах Русского Музыкального общества в Петербурге и Москве, а также в Германии.

[212] Речь идет о ежедневнике «Le Nord. Journal international», в котором специальная полоса под названием «Russie. Correspondance particulière du Nord» посвящалась России. В номере газеты за 20 декабря 1858 г., о котором пишет Одоевский, действительно была помещена присланная из России статья от 28 ноября/9 декабря, в которой сообщались «точные и верные данные о современном состоянии дел по вопросу об освобождении крестьян» и разбирались 10 глав проекта об освобождении, подписанного 1/13 ноября 1858 г.

[213] Ходнев Алексей Иванович (1818–1883), профессор химии и технологии Киевского и Харьковского университетов. Автор трудов: «Состав студенистых растительных веществ и их физиологическое назначение» (1846); «Курс физиологической химии» (1847); «Курс технической химии» (1856).

[214] Абаза Александр Агеевич (1821–1895), председатель Департамента государственной экономии Государственного совета, Министр финансов. Примыкал к просвещенному кружку, группировавшемуся вокруг великой княгини Елены Павловны, был одним из защитников реформ 1850–1860-х гг. В 1859–1865 гг. Одоевский состоял с ним в деловой переписке (см.: РНБ. Ф. 539. Оп. 2. № 163).

[215] Бобринский Алексей Алексеевич (1800–1868), граф, агроном, знаток сахароваренного дела, заводчик. Приходился родным внуком Григорию Орлову и Екатерине II.

[216] Гласный — член думы или магистрата, избираемый от купечества и заседающий с правом голоса (В. Даль).

[217] Севастьянов Петр Иванович (1811–1867), путешественник, педагог-просветитель, художник. Совершил 5 поездок на Афон, где обратился к поискам древних рукописей и их фотографированию. Его коллекция, состоящая из икон, церковной утвари, рукописей в подлинниках и снимках, фотографий, книг, гравюр, монет (в общей сложности более 20 тысяч предметов), хранится в настоящее время в Отделе рукописей РГБ (т. наз. «севастьяновское собрание»). С Севастьяновым также переписывался и Одоевский.

[218] Речь идет о так называемом Реймском Евангелии, находившемся с 1554 г. в соборе в Реймсе, на котором французские короли присягали при вступлении на престол. Оно имеет 45 листков, исписанных с обеих сторон, и состоит из двух частей: первая написана кириллицей и заключает в себе чтения из Нового Завета по воскресеньям по славянскому обряду; вторая — из 29 листков, написана глаголицей и включает чтения из Нового Завета по воскресеньям по католическому обряду. По преданию, первым королем, присягнувшим на этом Евангелии, был Филипп I, сын Генриха I и Анны, дочери Ярослава Мудрого. Поэтому считается, что Реймское Евангелие, возможно, принадлежало Анне, и сын ее, Филипп, присягал на нем из уважения к матери.

[219] Вплоть до начала XX в. на Западе бытовало мнение, что искусство христианского Востока (византийское искусство) является своего рода мумификацией единого искусства первых лет христианства, которое в своей западной части в дальнейшем получило развитие, тогда как на востоке оно застыло в формах, способных заинтересовать лишь археологов (см.: *Эспань М.* Чужая составляющая размышлений о художественной культуре // Искусство versus литература. Франция — Россия — Германия на рубеже XIX–XX веков. М., 2006. С. 19–26).

[220] Перуджино Пьетро (между 1445 и 1452–1523), итальянский живописец эпохи Раннего Возрождения, оказавший влияние на Рафаэля. Живопись Перуджино отличается плавностью и лиризмом.

[221] ThHStAW HA A XXV. R 26. Bl. 140–141`.

[222] ThHStAW HA A XXV. R 26. Bl. 142–150. Черновик послания хранится: РНБ. Ф. 539. Оп. 1. № 14. Л. 93–98`.

[223] Журавлев Николай Михайлович (?–1872) — миллионер, владелец одного из самых крупных промышленных центров России — Абакумово, где в 1859 г. он построил прядильно-канатную фабрику, ставшую впоследствии самой крупной в Европе.

[224] Речь идет о Мариинских женских училищах — средних женских учебных заведениях, возникших в 1858 г. по инициативе педагога Н.А. Вышнеградского и переименованных затем в женские гимназии Ведомства учреждений императрицы Марии Александровны. В них принимались девочки всех сословий и вероисповеданий, достигшие 8 лет (см.: *Скворцов И.В.* Прошлое и настоящее Санкт-Петербургских женских гимназий Ведомства учреждений императрицы Марии. 1858–1908. СПБ., 1908).

[225] Посвятив свою жизнь благотворительности и заботам о женском образовании, учредив открытые всесословные женские гимназии, императрица Мария Александровна (*см. выше*) действительно положила начало новому периоду женского образования в России. По ее инициативе стали возникать также и женские епархиальные училища. В области благотворительности важнейшей ее заслугой является организация Красного Креста.

[226] Скачков Константин Андреянович (1821–1883), синолог, в 1848 г. был командирован в пекинскую миссию для устройства в Пекине магнитной и метеорологической обсерватории. Во время 10-летнего пребывания в Пекине изучил китайский язык и литературу. Интересовался в основном практическими сферами китайской жизни: сельским хозяйством, военным и морским делом, медициной, торговлей. Автор статей «О военном морском деле у китайцев» (1858), «Албазинцы в Пекине» (1859), «Беседы о сельском хозяйстве в Китае» (1867), «О географических познаниях китайцев» (1866), «Судьба астрономии в Китае» (1874) и др.

[227] Об экономической отсталости современного ему Китая, о котором много рассказывал также и постоянный посетитель

его салона 1830-х гг. синолог Иоакинф Бичурин, Одоевский упоминал уже в «Русских ночах». Однако в незавершенном утопическом романе «4338-й год» именно Китаю, вослед за Россией, Одоевский отвел важное место в будущей цивилизации.

[228] Богдыхан (от монг. *богдохан* — священный государь), термин, которым в русских грамотах XVI–XVII вв. называли императоров Китая.

[229] Имеется в виду кафедральный костел Св. Екатерины на Невском проспекте (построен в 1783 г.), принадлежавший доминиканскому монастырю, который использовали для богослужения четыре католические общины: поляки, немцы, французы и итальянцы. Традиционно в России доминиканский орден пользовался особыми привилегиями. После первого (1772), второго (1793) и третьего (1795) разделов Польши к России отошли земли, на которых существовали многочисленные доминиканские монастыри литовской и русской провинции. Новый этап истории доминиканской миссии в России был связан с изгнанием иезуитов из Санкт-Петербурга (1815) и из пределов Российской империи (1820), когда именно доминиканцам были поручены многие бывшие иезуитские приходы, крупнейшим из которых и был приход Св. Екатерины в Санкт–Петербурге. Доминиканцы основали при этом приходе монастырь Св. Екатерины, первым приором которого стал иеромонах Юстин Сокульский, пользовавшийся особым расположением Александра I. Положение доминиканцев в России (равно как и всех католических орденов) изменилось в царствование Николая I, в особенности после подавления польского восстания 1830–1831 гг.: в 1832 г. было закрыто 20 доминиканских монастырей, а в 1842 г. были конфискованы многие монастырские владения. И все же к концу 1850-х гг. в России оставалось 12 доминиканских монастырей, крупнейшим из которых попрежнему был монастырь Св. Екатерины в Санкт-Петербурге.

[230] ThHStAW HA A XXV. R 26. Bl. 151–152`.

[231] ThHStAW HA A XXV. R 26. Bl. 153.

[232] ThHStAW HA A XXV. R 26. Bl. 154.

[233] День рождения Марии Павловны (4/16 февраля) всегда праздновался в Веймаре с особой торжественностью. См., в частности, написанные на ее день рождения в 1857 г. неустановленным лицом песни и молитвы на немецком языке (хранятся: РНБ. Ф. 1000. Оп. 3. № 646. Л. 1–8).

[234] ThHStAW HA A XXV. R 26. Bl. 155.

[235] См.: ThHStAW HA A XXV. R 26. Bl. 156–156`.

[236] ThHStAW HA A XXV. R 26. Bl. 157–158.

[237] ThHStAW HA A XXV. R 26. Bl. 160–161.

[238] ThHStAW HA A XXV. R 26. Bl. 162–163.

[239] ThHStAW HA A XXV. R 26. Bl. 164–173. Черновик послания хранится: РНБ. Ф. 539. Оп. 1. № 14. Л. 99–106`.

[240] Елизавета Алексеевна (Луиза-Мария-Августа) (1789–1826), императрица, дочь маркграфа Баден-Дурлахского Карла-Людвига, супруга Александра I. Основательница Женского патриотического общества (*см. ниже*). Большую часть своего времени посвящала делам благотворительности.

[241] Танеев Александр Сергеевич (1785–1866), действительный тайный советник, член Государственного совета, камергер. В 1831–1865 гг. — управляющий Первым отделением Собственной его императорского величества канцелярии.

[242] Из других мемуаров следует, что после первых войн с Францией Елизавета Алексеевна сама отказывалась брать миллион, полагавшийся ей по титулу императрицы, и довольствовалась 200-ми тысячами. Но и из этих денег она для себя собственно оставляла только 15000 рублей в год, все же остальное употребляла на пособия нуждающимся. После ее кончины узнали о многих раздававшихся ею негласных пенсиях и пособиях.

[243] В начале войны с Наполеоном императрица Елизавета Алексеевна учредила «для вспомоществования бедным, от войны пострадавшим», Женское патриотическое общество, называвшееся «Училище женских сирот». В 1813 г. по распоряжению Александра I общество преобразовали в Патриотический институт, ставший третьим (после Смольного и Екатерининского, открытого Марией Федоровной) женским институтом — закрытым средним учебным заведением для «благород-

ных девиц». Покровительницами Патриотического института всегда были царствующие особы — императрицы и великие княгини. Принимались девочки 9–12 лет, в первую очередь дети из офицерских семей, и обучались шесть лет. Среди преподавателей Патриотического института были П.А. Плетнев и Н.В. Гоголь.

[244] Анна Павловна (1795–1865), великая княгиня, с 1816 г. супруга наследного принца Вильгельма Оранского, с 1840 г. — королева Нидерландов, и Михаил Павлович (1798–1849), великий князь (*см. выше*) — младшие брат и сестра Марии Павловны.

[245] Имеется в виду великий князь Николай Александрович (1843–1865), старший брат будущего Александра III. Его музыкальные пристрастия впоследствии довольно близко сведут его во время его заграничного путешествия с известным меломаном королем Людвигом Баварским, покровителем Рихарда Вагнера.

[246] Лауб Фердинанд (1832–1875) — чешский скрипач-виртуоз, композитор, профессор московской консерватории. Концертировал по всей Европе. Памяти Лауба был посвящен Третий (Es-moll'ный) квартет Чайковского. Сам Одоевский посвящает анализу игры Лауба одну из своих последних музыкально-критических статей «Лауб в моцартовском ге-мольном квинтете» (1865).

[247] См. раздел «Приложения».

[248] В архиве не сохранилось.

[249] Имеется в виду Андрей Петрович Шувалов (*см. выше*).

[250] Ростовцев Яков Иванович (1803–1860), генерал-адъютант, доверенное лицо Александра II, с 1858 г. — член Главного комитета по крестьянским делам. Сперва считал необходимым не давать крестьянам наделов и оставлять много власти у помещиков. Затем изменил взгляды, что и высказал в письмах императору. Предлагал освобождение с землей, выкуп, самоуправление крестьянских общин. В 1859 г. — председатель редакционных комиссий. Первый прибег к гласности в законодательном деле, печатая труды комиссии.

[251] Описка Одоевского; ср. ответное письмо Марии Павловны от 6/18 апреля 1859 г.

[252] ThHStAW HA A XXV. R 26. Bl. 174–178.

[253] ThHStAW HA A XXV. R 26. Bl. 179–180.

[254] ThHStAW HA A XXV. R 26. Bl. 181.

[255] ThHStAW HA A XXV. R 26. Bl. 182–182', 186–188'. Черновик послания хранится: РНБ. Ф. 539. Оп. 1. № 14. Л. 107–112'.

[256] День рождения Александра II — 17 апреля по старому стилю.

[257] К настоящему письму Одоевским был приложен печатный «Приказ военного министерства 17 апреля 1859 г. об увеличении содержания служащих Военно-сухопутного ведомства и об учреждении эмеритальной кассы для обеспечения существования в отставке заслуженных чинов и их семейств» (ThHStAW HA A XXV. R 26. Bl. 183–185).

[258] Имеется в виду Николай Михайлович (1859–1919), великий князь, старший сын великого князя Михаила Николаевича (*см. выше*), внук Николая I, генерал-адъютант, будущий автор исторических трудов: «Император Александр I. Опыт исторического исследования», «Русские портреты XVIII и XIX столетий» и др. В июле 1918 г. был арестован, а 24 января 1919 г. по постановлению Президиума ВЧК расстрелян в Петропавловской крепости.

[259] Ольга Федоровна (1839–1891), урожд. принцесса Цецилия Баденская, жена великого князя Михаила Николаевича.

[260] Имеется в виду война Австрии с Сардинией, в которую 3 мая 1859 г. вступила также и Франция. После победы французов в битве при Мажанта над австрийцами (июнь 1859 г.) война закончилась 8 июля франко-австрийским перемирием, за которым последовало в сентябре объединение Германии под владычеством Пруссии.

[261] Строганов Сергей Григорьевич (1794–1882), граф, государственный деятель, коллекционер, меценат; почетный член Петербургской Академии наук (с 1827 г.), почетный член Московского университета (с 1848 г.). В 1837–1874 гг. председатель Общества изучения древних рукописей при Московском

университете, один из основателей Археологической комиссии (1859). В апреле–сентябре 1859 г. — московский военный генерал-губернатор. В 1860 г. был приглашен ко двору в качестве главного воспитателя цесаревича Николая Александровича и переехал в Петербург.

[262] Закревский Арсений Андреевич (1783–1865), граф, с 1823 г. был финляндским генерал-губернатором, в 1828–1831 гг. — министром внутренних дел, а в 1848–1859 гг. — московским военным генерал-губернатором. В московских либеральных кругах имел репутацию деспота, за что получил прозвище Чурбан-паша. Вместе с тем, по признанию современников, отличался гостеприимством и широтой натуры: устраивал для московского общества балы, обеды, домашние спектакли, маскарады.

[263] Оболенский Михаил Андреевич (1805–1873), князь, историк-архивист, собиратель рукописей. В 1840–1873 гг. директор Московского архива Министерства иностранных дел. Оболенским были изданы «Иностранные сочинения и акты, относящиеся до России» (т. 1–4, 1847–1848), «Книга об избрании на царство великого государя и великого князя Михаила Федоровича» (1856), «Письма русских государей и других особ царского семейства» (т. 1–4, 1861–1862). В период за 1838–1859 гг. он издал 12 выпусков «Сборника князя Оболенского», в которых были опубликованы исторические акты, часть которых принадлежала Московскому архиву, часть — лично ему.

[264] Ср. в дневнике Одоевского запись от 17 марта 1859 г.: «Гримм желает ввести музыкальный элемент в воспитание наследника. Наследник, Александр Александрович и Владимир слушали музыку с видимым удовольствием» (Текущая хроника и особые происшествия. С. 94).

[265] Живые картины (от франц. tableaux vivants) — составленные из живых лиц группы, подражающие картинам или скульптурам. Введены в моду госпожей Жанлис в конце XVIII в.

[266] Мария Максимилиановна — *см. примеч. 140.* Евгения Максимилиановна (?–1925), дочь великой княгини Марии Николаевны и герцога Максимилиана Лейхтенбергского, впо-

следствии жена принца Александра Петровича Ольденбургского (*см. ниже*).

[267] Речь идет о принцах Николае Петровиче Ольденбургском (1840–1886), впоследствии генерал-лейтенанте, и Александре Петровиче Ольденбургском (1844–1932), впоследствии — генерале от инфантерии, сенаторе и члене Государственного Совета (И.Е. Репин изобразил его на своем знаменитом полотне «Торжественное заседание Государственного совета»), сыновьях Петра и Терезии Ольденбургских.

[268] Училище святой Екатерины (Екатерининский институт благородных девиц) было создано в 1802 г. матерью Марии Павловны Императрицей Марией Федоровной. В Петербурге было расположено в бывшей загородной усадьбе графа Владимира Семеновича Салтыкова, приобретенной в 1777 г. Екатериной II под Инвалидный Дом для неимущих штаб и обер-офицеров русской армии. В 1850-е гг. находилось в ведении ведомства учреждений императрицы Марии Александровны. Принимало девочек-дворянок и давало им профессию домашней учительницы, обучало в т. ч. изящным рукоделиям, хоровому пению и игре на фортепиано.

[269] После объявленного 19 апреля 1859 г. ультиматума Австрия 29 апреля вторглась в Сардинию. В результате чего 3 мая Франция в свою очередь объявила войну Австрии (*см. примеч. 260*). Россия также в это время была на грани объявления войны.

[270] Герштенцвейг Александр Данилович (1818–1861) — генерал-адъютант (1859), генерал-лейтенант (1861), в 1861 г. был назначен Варшавским военным губернатором. Покончил жизнь самоубийством.

[271] Тимашев Александр Егорович (1818–1893), генерал-адъютант (1893), управляющий Третьим отделением Собственной его величества канцелярии, в 1868–1877 гг. был Министром внутренних дел, при нем произведено преобразование крестьянских учреждений.

[272] ThHStAW HA A XXV. R 26. Bl. 189.

[273] ThHStAW HA A XXV. R 26. Bl. 190–190`.

[274] ThHStAW HA A XXV. R 4. Bl. 64–81. Черновик послания хранится: РНБ. Ф. 539. Оп. 1. № 14. Л. 113–131`.

[275] Ведено или Ведень — станица, бывшее укрепление чеченцев и в течение 14 лет местопребывание Шамиля (*см. ниже*).

[276] Шамиль (1797–1871) — вождь кавказских горцев, мюрид, признанный в 1834 г. имамом, объединил горцев Дагестана и Чечни в теократическое государство. Был взят в плен в 1859 г. Перевезен в Калугу, затем в Киев, откуда получил разрешение совершить паломничество в Медину, где и умер. Ср. запись Одоевского в дневнике 26 марта 1859 г.: «Поутру вчера читал я статью о Шамиле и горцах» (Текущая хроника и особые происшествия. С. 94).

[277] Евдокимов Николай Иванович (1804–1873), генерал, сын солдата, возведенный в графское достоинство. В 1855–1859 гг. был начальником левого фланга кавказской линии, взял Ведень.

[278] Барятинский Александр Иванович (1815–1879), князь, генерал-фельдмаршал (1859). С 1853 г. — начальник Главного штаба войск на Кавказе. В 1856–1862 гг. главнокомандующий войсками и наместник на Кавказе, взял в плен Шамиля (1859).

[279] Ферзен Павел Карлович (1800–1884), граф, обер-егермейстер, действительный статский советник (возможно, адресат эпиграммы Пушкина «Лищинский околел — плачь Ферзен», 1828). Его сын Ферзен Николай Павлович, впоследствии генерал-майор, был адъютантом великого князя Владимира Александровича.

[280] Жуковский Степан Михайлович (1818–1877), деятель крестьянской реформы, с 1861 г. управляющий делами Главного комитета об устройстве сельского состояния.

[281] Соловьев Яков Александрович (1820–1876), управляющий земским отделом Министерства иностранных дел, автор «Записок о крестьянском деле» (1880–1884).

[282] Ревельштейне, Кальбдегрунд — плавучие маяки между Ревелем (Таллинном) и Гельсингфорсом (Хельсинки). Кроншлот — крепость, построенная Петром I рядом с островом Котлин в Финском заливе для защиты от шведов.

[283] Российско-американская компания — русское торговое объединение для освоения «Русской Америки», действовавшее в 1799–1868 гг. на Аляске и на соседних с нею островах, принадлежавших тогда России. При поддержке русского правительства основывала поселения, организовывала экспедиции (среди них — 15 кругосветных).

[284] Юфть — бычья кожа, выделанная «русским способом» на чистом дегте. Характеризуется значительной толщиной и водостойкостью.

[285] Чрезполосное владение — находящееся не в одних руках, но частично (полосами) принадлежащее другим.

[286] Пий IX (Джованни Мария Мастаи-Ферретти) (1792–1878), Папа римский (1846–1878). Способствовал смягчению цензуры печати, освободил политических заключенных, в 1854 г. сформулировал доктрину непорочного зачатия девы Марии.

Братства (общества) трезвости стали возникать в России в 1858–1859 гг. среди крестьян западных и приволжских губерний в частности и как ответ на злоупотребление откупщиков. Ср. дневниковую запись Одоевского 26 марта 1859 г.: «крестьяне уговорились не пить водки» (Текущая хроника и особые происшествия. С. 94, 254). Месяц спустя (26 апреля) Одоевский писал, что правительство все же поддерживает откупщиков «против обществ трезвости» (Там же. С. 95).

[287] Арак — азиатская водка золотисто-желтого цвета. Приготавливается из сока пальм, фиников, проса, риса и других растений, содержащих сахар.

[288] Данная информация могла тем более интересовать Марию Павловну, что еще в 1832 г. в Веймаре открылось «Общество умеренности» («*Mässigkeitsverein*»), цель которого была противостоять всем злоупотреблениям в еде, но в особенности в потреблении крепких напитков.

[289] Дженер Эдуард (1749–1823), английский врач, первым открыл вакцину против оспы.

[290] ThHStAW HA A XXV. R 26. Bl. 191–192`. Черновик послания хранится: РНБ. Ф. 539. Оп. 1. № 14. Л. 135–136. На обороте черновика имеется обращение Одоевского к копиисту:

«Потрудитесь это скорее переписать — как всегда; это письмо
«Потрудитесь это скорее переписать — как всегда; это письмо
я отправляю *сегодня* после обеда» (РНБ. Ф. 539. Оп. 1. № 14. Л. 136`).

291 Серов Александр Николаевич (1820–1871) — музыкальный критик и композитор. В 1850-е гг. публиковал в «Современнике» обзоры концертной и музыкально-театральной жизни Петербурга, выступал с публичными лекциями в России и Европе. Автор, в т. ч. статей «Обзор современного состояния искусства в России и за границей», «Наш Глинка перед судом немецких фельетонистов» (1858).

292 Гофман Андрей Логгинович (1798–1863) — статс-секретарь по управлению учреждениями ведомства императрицы Марии, в ведении которого находились Приказы общественного призрения, начальник IV Отделения Собственной его величества канцелярии.

293 Дворцовая усадьба Ораниенбаум, принадлежавшая с 1710 г. последовательно Александру Меншикову (фавориту Петра), Петру III, Александру I в его бытность великим князем, с 1831 г. перешла к младшей ветви императорского дома — великому князю Михаилу. После его смерти в 1849 г. хозяйкой ораниенбаумских дворцов стала великая княгиня Елена Павловна. В конце 1850-х гг. здесь поселилась ее дочь Екатерина, вышедшая замуж за герцога Георга Мекленбург-Стрелицкого.

294 ThHStAW HA A XXV. R 26. Bl. 193–196. Черновик послания хранится: РНБ. Ф. 539. Оп. 1. № 14. Л. 132–134`.

295 Литке Федор Петрович (1797–1882), граф, адмирал, путешественник. В 1821–1824 гг. исследовал берега Новой Земли и Белое море, в 1826–1829 гг. Берингово море, с 1832 г. — воспитатель великого князя Константина Николаевича (*см. примеч. 16*), был инициатором учреждения Русского географического общества и его вице-президентом (1845). В 1864–1881 гг. президент Академии наук.

296 Тизенгаузен Екатерина Федоровна (1803–1888), графиня, внучка М.И. Кутузова, фрейлина императрицы Александры Федоровны. В 1830-е гг. — петербургская приятельница Пуш-

кина, адресат стихотворения «Циклоп» («Язык и ум теряя разом...»).

[297] Кароли (Карольи, Karolyi) Алоизий (1825–1889) — австрийский дипломат, в 1860–1878 гг. был посланником Австрии в Берлине.

[298] ThHStAW HA A XXV. R 26. Bl. 193–197.

[299] Германский союз — объединение германских государств под гегемонией австрийских Габсбургов, созданное на Венском конгрессе (1815). Был ликвидирован после разгрома Австрии в войне 1866 г. с Пруссией.

Приложения

Великогерцогский замок в Веймаре

Речь в защиту abonné russe[1]

Девиз:
Образование (Instruction) происходит
от латинского слова instructus,
что означает вооруженный, наделенный.

Альфонс Карр
(Об университетском образовании, 1851)

Статья была напечатана в *Avenir de Nice*, 28 мая, ответ был помещен в *Nizzardo* 2 июня, что и послужило отправным моментом для возбуждения дела.

Обозначив однажды этот момент, перейдем теперь быстрее... к обрушившемуся после него потоку.

Меня обвиняют во многом: будем соблюдать порядок и начнем с *глубинной причины*, оставляя за собой право обсудить в дальнейшем вопросы *побочного свойства*, которые так некстати усложнили дискуссию по спорному вопросу.

Согласно старым добрым традициям защиты, *форма не определяет существа*, и никогда еще эта почтенная поговорка не имела столь точного применения.

Нам не найти лучших судей, чем само обвинение, и именно к нему, в первую очередь, мы адресуем нашу защитительную речь.

Что касается нашей аргументации, то за неимением точных законов *о роде*, мы создадим незыблемое право законной защиты, и, в случае необходимости, *обычаи* различных литературных провинций Европы, включая сюда и Россию.

Теперь, перейдем к существу дела, прося суд о снисходительности к нашему положению путешественника, превратившегося в адвоката, который *в ходе этого процесса* за неимением библиотеки должен бу-

дет напрягать свою память, хотя все еще верную, но которая может подвести в отдельных деталях.

I

Меня обвиняют в первую очередь в том, что я *принял шутку всерьез.* На это, кажется, существует вполне готовый ответ: статья нападающего была всего лишь шуткой, une charge (как говорят, кажется, во Франции), — в таком случае *шутка за шутку*, и делу конец. Но поскольку нам эта возможность представлена не была, то мы вынуждены, *обсуждая дело во всей его глубине*, выделить в нашей аргументации два различных пункта:

1. Обвинение, хотя и в очень вежливой форме, дает нам в конце концов понять, что в нашем качестве иностранца мы не поняли статьи, или, по крайней мере, не уловили всего ее смысла.

О! Как же умно выражается обвинение! Да будут его речи услышаны всеми нашими соотечественниками. Оно затрагивает самую отрицательную сторону наших достоинств, или, если хотите, самую положительную сторону наших недостатков. О! Если бы мы могли читать не все, не все понимать из того, что пишут по нашему поводу; если бы мы могли ограничиваться одними лишь техническими языками: математикой, физикой, правом, искусством и т. д., читать лишь книги, относящиеся к сфере настоящей науки, настоящего искусства, что публикуются на Западе, — мы спокойно принимали бы ванны за границей, не испытывая столь неприятных чувств во время медицинского лечения. Но, к сожалению, все это не так, мы имеем несчастие все понимать, вплоть до мельчайших нюансов, мы понимаем, к несчастью для нас,

даже *корпоративный* язык; ничто не ускользает от нас, ни немецкий каламбур деревенского цирюльника, ни шутка клоуна или акробата — обстоятельство, которое естественно приводит нас ко второму пункту.

2. Неужели наша вина в том, что мы приняли шутку всерьез? Если бы означенная статья была опубликована в *Charivari (Кавардак)* или же *в Journal amusant (Веселая газета)*, откуда на нас выпускают иногда шуточки подобного рода, в добрый час! Мы первые бы над этим посмеялись, и уж отнюдь — поверьте мне — не смехом сквозь слезы; однако означенная статья появилась в *Avenir de Nice*, которая, во всяком случае для нас, газета очень серьезная, почти всегда наполненная статьями столь же выдающегося, как и серьезного содержания, — газета, имеющая широкое распространение и весьма читаемая; если бы еще, по крайней мере, несколько милосердных строк внизу предупредили нас в нашем неведении, чтобы мы не принимали слишком всерьез шутки в наш адрес! Но за неимением данного благодушного корректива мы были вынуждены, вооружившись очками, прибегнуть к различным способам интерпретации, приложимым к данному образчику.

Впрочем, признайте за нашим неведением право полагать, что во всяком случае для среднего читателя всякая шутка, какой бы эксцентрической она ни была, должна иметь определенное основание, *нет дыма без огня*, как говорит пословица. Обратите также, пожалуйста, внимание, на *не смягчающие* обстоятельства. Вспомните вообще о шутке, или точнее *о шутках,* обычных в наш адрес, и вы поймете немного, на какой *почве* они произрастают. Для того, чтобы такие шутки бытовали, необходимо, чтобы существовала ужасная страна, в которой существует обычай набирать стадо рабов, обрекая их впоследствии участи то ли певцов,

то ли танцоров, «не спрашивая об их склонностях, способностях, вкусах, и еще менее о склонностях и вкусах их родителей», страна, где отсутствие способности не является еще препятствием, чтобы стать музыкантом, где достаточно иметь «локти, прижатые к телу, вывернутую слегка наружу ладонь и т. д., и подчиняться суровым командам», и где, соблюдая эти формальности, можно обойтись не только без учения, но даже и без инструмента, потому что в этой стране «учет расходов всегда представляет особую сложность, и в проделываемой ими траектории, когда они проходят через десяток рук (чтобы купить всего лишь кларнет), деньги находят иное употребление по сравнению с их первоначальным предназначением». Наконец, необходимо, чтобы существовала страна, в которой человека могут поместить в театральный оркестр в качестве музыканта, невзирая на то, что он никогда не держал инструмента в руках, и без того, чтобы кто-либо заметил эту неприятную незадачу; и затем все тот же самый человек оказывается на пенсии и получает вознаграждение — за хорошее поведение. Одним словом, речь идет о стране, имеющей следующую конфигурацию:

— полное отсутствие всякого вкуса к искусству вообще и к музыке в частности;

— нравственное разложение бедных детей, с которыми обращаются так, как не обращаются со взрослыми неграми;

— социальная организация, основанная на насилии и нелепостях;

— абсурдные мучения, имеющие столь же абсурдные вознаграждения;

— организованное воровство, отсутствие контроля и безнаказанность, доходящая до кретинизма.

Одним словом, с головы до ног, варвар-дикарь, сдерживаемый случаем.

Но обратите внимание, господа судьи, что существование хотя бы одной из всех этих особенностей, или даже половины одной из этих особенностей, было бы уже вполне достаточно, чтобы признать и возможность всего другого, — и что все это вместе есть в то же время не что иное, как воспроизведение, пусть и в шутливой форме (которая напомнила нам *этюды нравов* «Отшельника с Шоссе д`Антен»[2]), но все же именно воспроизведение того, что мы привыкли находить в тысячах книг, публикуемых касательно так называемой России. Не хватает только московских чаяний, кнута и завещания Петра Великого, — условий необходимых и столь же реальных, как и какая-нибудь московская консерватория, в которую пригоняют стадо рабов. Ведь это всегда суждение *одного и того же свойства*, то роковое *общее место,* из которого западные авторы не могут выйти, и это не случайно: это та точка зрения, с которой судят все, что происходит в России, хорошего или плохого, судят ее недостатки, ее смешные стороны, ее достоинства (когда хватает великодушия заподозрить в ней таковые), произведения ее наук и художеств, ее самые благородные и самые привлекательные порывы, и даже умственное столь благотворное брожение, которое развивается в ней вот уже около пятидесяти лет, заставляя страну совершать быстрый прогресс во всех отраслях культуры, и которое недавно приняло такой размах, что глаз добросовестного историка России с трудом может следовать за ним. Вы согласитесь, господа судьи, что у нас были превосходные причины для того, чтобы ошибиться.

И заметьте также, судари, что все эти утверждения были высказаны по поводу знаменитого сына России, которого она любит и почитает; добавьте к этому

также, что мы вообще полагаем себя довольно хорошими музыкантами, по крайней мере довольно сильными в гармонии, о чем свидетельствуют наши *мужики,* которые никогда не поют в унисон, но которые инстинктивно выбирают промежуточные ноты аккорда, никогда не забывая о тонике и доминанте и исполняя их почти всегда верно, и этот необычный факт был отмечен в ученом предисловии Г. Фетиса к его Словарю (или Биографии) музыкантов.

Да позволено будет мне, добровольному адвокату, задать нашим обвинителям, серьезным и насмешливым, один вопрос общего свойства: почему из всех народов нам одним не позволено сесть за стол для гостей гостеприимного города — несмотря на то, что мы стараемся вести себя как нельзя лучше, насколько нам позволяют наши средства — без того, чтобы нам подали, в качестве приправы, некий напиток, составленный из всех выше перечисленных ингредиентов? Не для того ли, чтобы наказать нас за то, что мы понимаем иностранные языки лучше, чем любые другие народы? Не для того ли, чтобы наказать нас за постоянное дружелюбное отношение нашей страны к иностранцам, за наше неизменное гостеприимство, которое не есть шутка, но настоящая реальность, что могут подтвердить десятки тысяч иностранцев, живущих в нашей стране, которая уж никогда не преподнесет им подобный коктейль? Не для того ли, чтобы наказать нас за то, что иностранец может провести все свою жизнь в нашей стране и сколотить здесь себе состояние, не зная ни единого русского слова, окруженный, какой он ни есть, всеобщей готовностью (включая сюда и помощь наших добрых *мужиков*) догадываться, что он хочет сказать, когда не умеет

говорить на нашем языке*. Не для того ли, чтобы наказать нас за проявленную терпимость ко всем вероисповеданиям, доходящую до того, например, что становится невозможным понимать печатаемые в газетах рассказы о странных сценах, происходящих в других странах на кладбищах, у изголовья умирающих, при чтении Библии? Или нас наказывают за то, что мы хорошие хлебопашцы, и наши закрома открыты для всей Европы, и что вместе с тем мы являемся верными потребителями всех видов европейской промышленности, включая сюда и *миллион томов иностранных книг и журналов*, которые доставляются нам через все порта империи? Воистину, мы действительно виновны, и мы вполне заслуживаем, чтобы над нами издевались всеми возможными образами. Можно шутя, а можно и самым серьезным образом! Но пусть ограничатся хотя бы одним из способов! Non bis in idem — говорит судебная присказка.

II

И затем, нельзя не заметить, бывают шутки и шутки, как бывает хворост и хворост; русский человек вообще, хотя и не он придумал водевиль, от природы хитроумен; он не может удержаться от смешного словца во всех возможных обстоятельствах: посреди опасности, равно как и в веселой компании, мы шутим, и прежде всего — сами над собой, и эти шутки

* Заметим мимоходом, что слово *мужик* вовсе не обладает тем низким смыслом, который ему приписывается на Западе. Это слово происходит от старославянского *муж*, что означает попросту *мужчина*, *супруг*, в расширительном смысле оно означает *крестьянин*, и в этом же смысле употребляется так же, как и во французском языке слово *крестьянин* может употребляться для порицания, чтобы сказать: человек, не знающий хороших манер (*здесь и далее — примеч. автора)*.

из самых острых, но мы также смеемся и над иностранцами. Хотите совсем свежий пример? По совершенно поразительной случайности, в тот самый момент, когда в Ницце печаталась шутка о стаде рабов и о музыке, надевшей на себя военный мундир, в Санкт-Петербурге, в разделе «фельетон» одного ежедневника была напечатана шутка против *французов* — принадлежащая перу одного весьма выдающегося артиста (П. Григорьева, актера Санкт-Петербургского театра)[3]. Как адвокат я должен предвидеть возражения всякого рода, и я подтверждаю, что на означенном номере ежедневника («Русский инвалид») стоит дата 15–го мая по нашему стилю, что соответствует как раз 27–го мая по европейскому стилю: то есть означенные статьи появились почти одновременно.

Фельетон представлял собой небольшую жанровую картинку, в роде лубочной деревенской сцены, понятной исключительно русскому читателю и почти непереводимой из-за простонародного языка персонажей, наполненного тем обилием смелых эллипсов, которые мы встречаем в русском разговорном языке еще в большем количестве, чем во французском.

Я постараюсь сделать все возможное, чтобы перевести фрагмент из этой сценки почти дословно. Сюжет пьесы довольно прост: русский солдат возвращается в свою деревню после последнего похода. Он находит свою мать, сестру, друзей, его всячески опекают, как это принято у русских, и естественно задают ему массу вопросов. Среди прочего, один старик задает ему следующий вопрос:

— Скажи, друг Мишель, ты дрался с врагом? смелее ли он, чем мы?

Мишель. — Ну это, этого нельзя сказать... что касается отваги, если говорить только о французе, к примеру — так он ничем не уступит русскому. Что за славный парень! Шутя идет он под пули и так хорошо

дерется, что, по правде говоря, даже жалко его убивать. Потом, после боя, когда наступает перемирие, французов трудно узнать. Это такие превосходные парни, что поневоле хочется с ними побрататься. Гнев проходит, ты протягиваешь им руку; и хотя на их языке мы говорить не умеем, но все же достаточно учены, чтобы сказать им: «bonjour, Monsieur». — А как только француз слышит это слово, так сразу же начинает говорить что-то на ломаном языке с невероятной скоростью: то он предлагает вам сигареты, вино, белый хлеб, то разражается смехом, то забавляет вас, чтобы заставить вас рассмеяться, то обнимается, то также старается произнести какое-нибудь русское слово, и иногда ему это удается так, что наши все лопаются от смеха, а француз того и хотел, — он не смущается — и смеется — и аплодирует. — Что за славный парень, этот француз! Смелый, добрый, умный, беззлобный, одним словом, совершенно очевидно, у него очень много общего с нами.

Замечаю с сожалением, что фрагмент потерял всю свою остроту в переводе, и что большинство языковых нюансов, которые в этом рассказе и составляют суть шутки, здесь ослаблены. Этот род нюансов непереводим, и все же — это настоящая шутка, une charge[4]. Я оставляю на суд господ судей оценить всю разность впечатлений, которые остаются от прочтения двух статей, опубликованных в один и тот же день на двух разных концах полушария. — Как человек тонкого вкуса и знающий, каковым он и предстает перед нами в своей второй статье, появившейся в *Avenir* 18 июня — автор ее — я в этом уверен — также оценит это различие. И пусть не говорят, что мы опираемся на редкий и отдельный факт: нет! Напрасно бы я стал искать во всей нашей современной литературе одну-единственную статью, где пародия на французов *перешла бы границы* фрагмента, который мы только что процитирова-

ли, и где, по крайней мере, шутка не была бы смягчена чувством искреннего благожелательства. Вообще очень редко можно увидеть в нашем театре иностранца, и, в особенности, француза, представленного неблагоприятным образом. В трагедии «Борис Годунов» нашего знаменитого поэта Пушкина действительно появляется на сцене капитан Маржерет, ведущий свою рать против русских — но как француз он изображен самым почтенным образом. В разгар войны русские карикатуры и куплеты отвечали на карикатуры и куплеты, печатавшиеся против нас за границей — но то была война — однако между тем французские актеры спокойно продолжали свои представления в Петербурге и Москве в виду многочисленной публики; тысячи раз французская униформа появлялась на сцене, как это принято во французских пьесах: — и что же, никогда в момент самого сильного возбуждения, произведенного событиями войны, наша публика не позволила себе никакого выражения неудовольствия по этому поводу: актеру хлопали, если он играл хорошо, а когда он играл плохо, то его не освистывали. — И вы найдете это выражение почтительности во всем, что пишется в России; впрочем, в настоящее время, за исключением текущих новостей, сообщаемых в фельетонах касательно умственного движения в литературе и искусстве, и т. д. — в России более не пишут *путешествий по Европе* — Запад слишком нам известен; мы слишком много о нем читаем; однако о том, как мы к нему относимся, можно судить по «Письмам русского путешественника» Карамзина, переведенным на французский язык, которые день ото дня становятся все более интересными, по мере того, как мы отдаляемся от эпохи, когда они появились. Пусть же нас судят по этим фактам, и пусть за них же и осуждают.

III

О! — скажут нам, — господа, вы попросту хотите, чтобы вас хвалили. — Нет, господа судьи, мы всего лишь хотим, чтобы нас знали в нашем истинном свете, благоприятном или неблагоприятном, все равно, и затем — перейдем к делу.

Говорите нам горькие истины, очень горькие, но очень нужные, правдивые, и мы будем вам за то благодарны, и мы извлечем из этого пользу, как мы извлекаем пользу из истин, которые мы говорим сами себе, весьма жестоких истин, уверяю вас в том; доказательством является наша литература, где вот уже сто лет сатирический элемент, обращенный в основном против нас самих, преобладает над всеми возможными формами. Но не надо обвинять нас в том, что мы украли у вас башни Нотр-Дама, тем более, что они преспокойно пребывают на своем месте. Не удивляйтесь, что мы чувствуем себя уязвленными, когда нас обвиняют в таком отвратительном проступке, а иногда и того хуже: потому что во многих случаях мы не имеем возможности просто сказать: «Да посмотрите же в окно, башни Нотр-Дама все еще на месте». Нет! Нас ставят в печальное положение, когда мы вынуждены искать самую вежливую форму, чтобы сказать: «Но все это неправда, вы заблуждаетесь» — или же указать на сотни толстых фолиантов, написанных на языке почти неизвестном на Западе, и заставить нападающих выучить его, чтобы собрать словесные свидетельства и поймать с поличным. Не сердитесь, даже когда мы, со своей стороны, тоже имеем сказать вам некоторые истины, потому что отличительная черта цивилизованного человека — это умение слушать. Я думаю, что все только выиграют от этой межнациональной критики, потому что всякий народ есть сочетание хороших и дурных элементов, которые в

нем распределяются в зависимости от его характера, или, дабы называть вещи своими именами, в зависимости от его национального тщеславия. В природе человека заложена способность видеть недостатки близких более отчетливо, чем свои собственные: в этом — ключ к прогрессу человечества, и это есть тот провиденциальный инстинкт, который, особенно в наше время, заставляет человека все придумывать, всем рисковать, чтобы преодолеть дистанции, дабы увидеть своего ближнего лицом к лицу, обменяться с ним истинами и найти общий язык, чтобы одолеть или же использовать их общего *анти-врага* — природу. Но прежде всего следует быть точными.

Здесь я чувствую себя просто обязанным повторить одну очень простую истину, право авторства которой я оставляю за своей страной, и которую напрасно бы мы искали у наших безжалостных критиков. Эта истина заключается в следующем: *чтобы найти общий язык, надо уметь понимать друг друга*, нельзя судить о народе, не понимая языка, на котором он говорит. Это несложная теория, но мы практикуем ее широко.

Не приписывайте нашу так называемую способность к языкам одному лишь нашему интересу к иностранцам; если во многих семьях, где живут представители иных наций, вы слышите, как дети болтают на двух или трех языках, вы найдете еще большее количество образованных людей, которые владеют многими языками, не умея притом на них говорить, особенно французским, произношение которого для русского человека представляет собой невероятную сложность. Гакстгаузен был удивлен, встретив в глубине монастырского дворика человека, который по случаю визита знаменитого путешественника впервые практиковался в *разговорном* немецком, но который однако отлично знал всю немецкую философскую ли-

тературу, исключительная заумность который смущает иногда самих немцев. Этот случай не имеет для нас ничего удивительного; он весьма распространен, особенно среди студентов университетов, семинарий, расположенных в отдаленных провинциях. Они изучают современные языки, как изучали языки мертвые, при помощи грамматики и словарей, и все. Мы рекомендуем этот прием, — который не отличается новизной, но заслуга которого состоит в его эффективности, — тем путешественникам, что отправляются в Россию; и мы не скроем, что существует прекрасный словарь, с прекрасной грамматической преамбулой, опубликованный Ш. Рейфом в Карлсруэ в лето 1853.

Знаете ли вы, что делает для русского столь необходимым это изучение, исполненное для него бесчисленных трудностей? Дело в том, что согласно обычаям этой страны, русскому автору, путешественнику или нет, непозволительно писать о Франции, Германии, Англии, Италии, Голландии и т. д., не имея возможности читать документы *на языке этих стран;* еще менее ему позволено писать научный, художественный, нравоописательный труд, не изучив книги своих предшественников, которые они опубликовали *на своих языках.* Самый оскорбительный упрек, который можно бросить русскому автору, это упрек в том, что он не прочитал источники или документы на том языке, на каком они были написаны. Тот, чья ошибка в труде по истории, статистике, в описании путешествий, законодательстве и т. д. будет доказанным — человек конченный: можно ошибиться в оценке событий, можно спорить о дате, можно иметь противоположные мнения по поводу интерпретации фразы в летописи — но исказить иностранное имя, не понять смысла какой-либо идиомы означает подписать себе смертный приговор, неправильно переведенное слово, искаженное имя будут преследовать несчастного до

конца его жизни; это слово, это злополучное имя срастется с его собственным именем, будет фигурировать во всех полемических статьях и т. д., и т. д., и не думайте, что это касается только научных трудов, в которых сама возможность подобной ошибки даже и не предполагается; эта безжалостная и исключительная строгость, признаюсь, распространяется на произведения разных жанров.

Человек высоких достоинств, имя которого, кажется, известно и во Франции, — *Полевой*, историк, филолог, журналист, который 35 лет назад основал первый ежемесячный журнал в России (*Телеграф*), имевший огромный успех — пропустил в разделе *Смесь* своего журнала, кажется, в статье о современных модах, слово *gris-poussière*, не переведя его; или даже возможно, что находясь в затруднении, как точно перевести это условное обозначение цвета фантази, он ограничился тем, что воспроизвел его по-русски без перевода*.

Этот проступок ему никогда не простили. Очень быстро его заметили другие журналы, несчастный Gris-poussière стал лицом одушевленным; стали печатать серии статей в адрес Господина Gris-poussier, их даже подписывали этим роковым именем, которое преследовало Г. Полевого до конца его дней, исполненных трудов и пользы для общества. Признаюсь, что об этом деле можно пожалеть, но, к сожалению, я могу вам привести множество других в том же роде. И наоборот, приведите мне хотя бы одно русское имя,

* Насколько я помню, в оригинале там была опечатка, или, во всяком случае, добросовестный журналист посчитал ее таковой, поскольку не мог согласовать род слова «gris» со словом poussière; в спешке он посчитал нужным употребить слово «poussier», которое нашел в словаре как обозначающее пыль, остающуюся после сожжения угля.

которое бы на Западе не было искажено тысячью и одним способом. На это есть уже готовый ответ: Невозможно, — скажут многие, — написать русское имя западными буквами. Враки все это: те, кто не имеет в своем языке согласного звука «ж», могут, действительно, оказаться в затруднении, как написать русское имя, в котором употребляется этот звук, но не так это для французов: их язык достаточно богат звуками, чтобы передать ими все буквы русского алфавита, за исключением дифтонга или полугласной, которые могут быть воспроизведены лишь приблизительно, и которые не играют особой роли. Совсем иное дело воспроизведение в русском языке французских имен; носовой звук, столь частый в словах и именах, как, например, в имени Монморанси — не существует на русском языке; сложность велика, но и ее удалось преодолеть по молчаливому согласию, благоговейно соблюдаемому. Имена Монморанси, Лафонтен могут писаться по-русски лишь следующим образом: «т» заменяется на «е», за которым здесь следует апостроф: Mone`morane`cy, Lafone`taine — но эти имена при посредстве данного условного способа обозначения пишутся подобным образом *всегда*, так что это не дает никакого повода для сомнений, и всякий русский читает, словно то было написано Montmorency, Lafontaine.

Английские имена представляют для нас большую сложность, потому что, чтобы быть понятыми, мы должны писать английские имена не так, как они пишутся, но так, как произносятся. Так, французы пишут имена Шекспира (Shakespeare), Броума (Brougham), как их пишут англичане, поскольку их алфавиты совпадают: русский человек вынужден писать Шекспир (Schekspire), Лир (Lire), Броум (Broum), как эти имена произносятся в Лондоне; так что русский человек должен выучить английский язык хотя бы для

того, чтобы писать по-русски правильно их имена; а в России судят о том, знает ли человек английский, по тому, как он передает по-русски слова этого языка. Существуют английские имена с неопределенным произношением, написание которых по-русски вызвало даже довольно оживленную полемику, как, например, Бэкон (Bacon), которого англичане произносят скорее как Бкне (Bkne), а иногда как Бекне (Beckne), ставя ударение на е (а); это, если хотите, несерьезная сторона исторической точности, — но это отлично демонстрирует, насколько нравы литературной провинции по имени Россия так или иначе строги во всем, что касается истории и статистики.

Позволю себе выдвинуть более умеренное требование. Покажите мне хотя бы один французский труд по истории России, ее этнографии, статистике, нравам, обычаям, философии, искусствам, законодательству, администрации, религии, наконец, в котором бы автор использовал документы на *русском языке.* Я могу ошибаться, и я бы очень этого хотел, но действительно, за исключением нескольких политических брошюр, я знаю лишь один труд, «Статистику» Шницлера, теперь уже довольно устаревшую, но в которую всегда неплохо заглянуть, — да и то*! Изучать русские документы, читать их на языке, на котором они написаны! Все это похоже на глупость невероятную. — Впрочем, существует уже готовый ответ на это требование, и даже два: один без обиняков ут-

---

* Даже Гакстгаузен, ученый и добросовестный Гакстгаузен, единственный человек, совершивший серьезное путешествие по России, не свободен от ошибок, поскольку не знал русского языка, и это — несмотря на то, что имел при себе секретаря, которому было поручено переводить все ответы на многочисленные вопросы, которые Гакстгаузен задавал, проезжая Русь от одной волости к другой.

верждает: в России не существует документов, в России ничего не издается, все запрещено правительством. — Оставим этот вопрос без ответа. Более ученый ответ предполагает, что все русские документы неподлинные, произвольно подделанные, фальсифицированные, и т. д. На этот довод мы можем ответить возражением, которое само не терпит возражений: при современном уровне науки не существует подделанных документов, которые бы *выдерживали историческую критику; — это факт,* доказанный наукой. В таком случае, придите к нам на помощь, господа, и мы будем вам рады; нам не хватает рук на наших умственных плантациях; всего лишь пятьдесят лет назад мы начали разбираться в наших исторических документах и серьезно изучать наши нравы и обычаи и т. д. Один немец, знаменитый историк Шлецер[5], пришел к нам тогда на помощь, он храбро выучил русский язык до такой степени, что мог читать наши летописи и подвергать их ученой критике; русская наука с тех пор продвинулась вперед и значительно опередила труды Шлецера, и все же имя его остается бессмертным в России, и нет такого сколь-либо просвещенного русского, который бы не произносил этого имени с уважением и глубокой признательностью. Вы видите на этом примере, что черт не так уж страшен, как его малюют. — Придите же к нам, придите к нам на помощь, выучите русский; или же по крайней мере сделайте так, чтобы вам перевели то, что называется документами, источниками, и затем сравнивайте наши летописи, наши современные документы, пропустите все это через горнило западной эрудиции, найдите наши недостатки, наши заблуждения, нанесите удар сильный, но верный, и вы приобретете право на нашу вечную признательность.

К. В. О.

Открытие карнавала в Санкт–Петербурге. Частный вечер у Е[е] И[мператорского] В[ысочества] Г[оспо]жи В[еликой] Г[ерцогини] Е[лены] П[авловны][6]

Праздник, который я собираюсь вам описать, был неожиданностью не только для Их Императорских Величеств, но также и для большинства приглашенных к г[оспо]же великой герцогине Е[лене] П[авловне], вдове великого князя Михаила, брата императора Николая. Было известно, что задумывался костюмированный бал-маскарад, торжественное открытие новых зал; богатые туалеты, элегантные домино возбуждали воображение модных мастериц; туманно говорили о каком-то театральном представлении, которое должно было предшествовать балу, но тайна хранилась свято, и всем оставалось довольствоваться одними предположениями.

Около девяти часов вечера Михайловский дворец принимал избранных; я вам писал уже об этом дворце, об огромной площади, центр которой представляет собой кругообразный сад, о великолепном флигеле этой княжеской резиденции, венчающем ее с северной стороны. В этот раз мы войдем с вами во дворец через роскошный вестибюль, самым прекрасным украшением которого является монументальная лестница, по которой мы однако не последуем далее, поскольку бал проходил на первом этаже; я упомянул об этой лестнице только потому, что несколько лет назад она была местом проведения большого праздника: это может дать вам представление о ее величине и величии. Холодная белизна снега, густым ковром покрывающего улицы Санкт-Петербурга, и темнота ночи

сменились мягким теплом и ослепительным светом; в залах, предназначенных для бала, уже собралась придворная знать; прибытие императорской фамилии дало знак началу празднества.

Небольшая комическая опера, или скорее музыкальная шутка г-жи Роже де Бувуар на музыку Годфруа «В двух шагах от счастья» — исполненная Ронкони, Гальзолари и мадемуазель С**, очаровательной иностранкой, которую Г[оспо]жа В[еликая] Г[ерцогиня] Е[лена] с недавнего времени приблизила к своей персоне и которая заняла свое место в этом блистательном созвездии талантов, которое окружает Е[е] И[мператорское] В[ысочество] — сыграла, так сказать, роль прелюдии к удовольствиям вечера. Двум великим певцам, имена которых известны повсюду, куда только проникла итальянская музыка, достойно вторил их юный соперник, скромно выдававший себя за простого любителя.

После спектакля, который получил всеобщее одобрение, вся императорская фамилия собралась вокруг чайного стола, сервировка которого отличалась равно пышностью, как и изяществом. Именно там присутствующие стали свидетелями сюрприза, о котором до тех пор никто не имел четкого представления.

Г[оспо]жа В[еликая] Г[ерцогиня], желая избежать холодности, которая обычно является результатом вечера, начинающегося с театрального представления и заканчивающегося балом, придумала способ, как мгновенно смешать группы, которые согласно этикету остаются разделенными на собраниях такого рода, и объединить общество, присутствовавшее на опере, с масками, которые должны были оживлять бал, добавив очарование интриги к увлеченностью танцами. Необходимые распоряжения к осуществлению этого замысла были сделаны с тем превосходным вкусом, который вообще отличает праздники

Открытие карнавала в Санкт-Петербурге. Частный вечер у Ее Императорского Высочества Госпожи Великой Герцогини Елены Павловны. Рисунок М. Зиши (Illustration. Revue universelle. 1859. № 836. С. 152-153).

в Михайловском дворце, и их реализация была доверена графу Ф**, человеку тонкого ума и поэту, душе всех Санкт-Петербургских салонов.

Бальная зала, находящаяся в конце двойной анфилады комнат, была превращена в некое волшебное царство. Густая изгородь из редчайших растений делала ее похожей на настоящий тропический лес, длинные гирлянды свисали с потолка, и тяжелые шелковые портьеры, поддерживаемые живыми кариатидами с дьявольскими масками, скрывали от посторонних глаз дворец феи, обитательницы этих мест, чьи тайны должны были открыться лишь в момент появления августейших гостей. В момент, когда финальная сцена оперы вызывала еще последние «браво», когда актеры, вызываемые на сцену, пожинали вполне заслуженное одобрение публики, столь же блестящий, сколь и странный кортеж образовался в только что описанной нами зале; именно оттуда должна была отправиться депутация, призванная передать приглашение феи посетить ее владения. Впереди шел трубадур, одетый в традиционный костюм: туника и абрикосового цвета плащ, шляпа с перьями, воронкообразные сапоги, гитара в руках; он вел за собой хор, состоявший из шести юных дам, одетых в изящные костюмы в стиле фантази и маски; за ними следовал военный оркестр, одетый в костюмы французской гвардии; затем шел герольд, который должен был обратиться с краткой речью к собранию, неся знамя феи Домино с изображенным на нем девизом: Д.О. До. М.И. Ми. Н.О. Но. — Он был одет в костюм пилигрима из кашемира и шелка, с золочеными ракушками, развевающимися лентами, — костюм, какой редко встретишь на дороге Сен-Жака де Компостель; за ним следовало двенадцать других пилигримов, сходным образом одетых, и кортеж завершался двумя рядами дам, одетых в домино, в характерных костю-

мах и с масками волка на лице. Под громкие звуки музыки веселая процессия двинулась сквозь залы, хором исполняя арию Ларифли из оперы «По поводу Ларифли»; замечу в скобках: если бы этот праздник состоялся на Елисейских полях или в Пале-Рояль, его веселости, изяществу и великолепию там тоже конечно бы аплодировали. Я был, кажется, единственным французом, имевшим честь на нем присутствовать, и ничто не могло бы мне напомнить, что находился я на берегах Невы. Этот праздник показался мне совершенно французским, не только по причине языка, но и остроумия и оживления, которые на нем царили.

Между тем, кортеж проделал себе проход через толпу; дойдя до залы, где находилась императорская фамилия, он образовал полукруг, и герольд громким голосом передал приглашение феи в воззвании, которое бы не заставило покраснеть и самого Левассора; затем, предложив руку одной из дам, он вновь отправился под арию из рондо «Домино» в бальную залу в сопровождении пилигримов и дам в масках, которые, следуя его примеру, смешались с собранием, объединив тем самым гостей и маски и сменив оживленной фарандолой серьезный полонез, который в России является обязательным началом всех торжественных балов.

Таким образом присутствующие прибыли во дворец феи; несколько китайских фонариков различного цвета, подвешенных в листве и распространявших приглушенный свет, который оставлял саму залу в полумраке, казались волшебными плодами сада Алладина. Августейших гостей при их появлении здесь встретил хор молодых женщин, который приветствовал их на мелодию маскарада из «Дон-Жуана». Вскоре затем, при торжественных и звучных аккордах мелодии вызывания духов монахинь из оперы «Роберт Дьявол», трубадур обратился к фее, приглашая

ее появиться; полог в глубине сада приоткрылся, и прекрасная госпожа Б. в изящном костюме волшебницы вышла из своего убежища и в поэтической приветственной речи оповестила, что царство ее, равно как и его волшебства и чары, откроются сейчас глазам блистательного собрания, которое она собрала вокруг себя. По взмаху ее палочки раздался тамтам, зазвучали фанфары оркестра, и в то время, как живые кариатиды, выпустив из рук портьеры, позволили им соскользнуть вниз, уставленные свечами люстры, канделябры и бра все одновременно и самопроизвольно зажглись*, сменив ослепительным светом таинственный полумрак, царивший до того в зале. Нет ничего более великолепного, чем картина, представшая тогда перед глазами: в центре кортеж фей — настоящий живой букет всего того, что есть в Санкт-Петербурге самого юного и изящного: госпожа Т., мадемуазель П., Д***, Г*, графини Б. и П. У ног этой группы — юный князь К* в костюме зефира небесно голубого цвета эпохи Людовика XV, с крыльями за плечами, в напудренном парике, украшенном гирляндами из роз, в тунике и сандалиях; за ним юный барон де М. в костюме матроса, с косой в руках, с огромными крыльями на плаще, олицетворяющий собой *бурю на море*; и тот и другой словно охраняли это гнездышко Граций.

Слева Фортуна со своим колесом и дарами, предназначенными ею для тех, кому благоприятствует судьба; справа — источник вечной молодости, подле

* Это самопроизвольное зажигание происходит при посредстве хлопчатобумажного пороха (пироксилина), имеющего форму тоненьких проводков, соединяющих между собой фитили каждой свечи и ведущие к одному особенному фитилю, который и поджигают. Таким образом самопроизвольно освещаются апартаменты во время больших праздников при русском дворе.

которого волшебник (немного шарлатан), окруженный всеми возможными инструментами некромантии, предлагает волшебный напиток; поодаль сивилла, столь же удивительная своими откровениями о прошлом, сколь и предсказаниями будущего.

После первого момента изумления, вызванного сим блистательным явлением, кортеж феи, спустившись в пьедестала, исполнив характерный танец, завершившийся рондо, пропетым трубадуром в сопровождении хора и оркестра, увлек в свой грациозный вихрь всех присутствующих, находящихся в зале, танцоров и не танцующих. Вслед за тем сразу же начался бал, достигая с этого момента все большей и большей степени оживления. В перерывах между танцами интрига, создаваемая масками, придавала особый подъем праздничному духу; присутствующие толпились вокруг колеса Фортуны, где разыгрывалась лотерея — но и по этой достаточно избитой теме организаторы праздника успешно сумели вышить свои хитроумные узоры; другие развлекались лицезрением шутовских выходок волшебника-шарлатана, который, забавно обозревая все последние новости Санкт-Петербурга, превозносил достоинства своего эликсира и демонстрировал его эффективность на деле: восьмидесятилетняя пара, которую он представил как не принадлежащую к присутствующему здесь обществу, но прокравшуюся сюда, воспользовавшись свободой карнавала, выпив волшебный напиток, проворно исчезала за шалашом и тут же появлялась с другой стороны во всем изяществе юности в лице очаровательных Мадемуазель де Т** и юного князя Г**, одетых в точности, как престарелая пара, которую они собой подменили.

Исходя из всех этих подробностей, вы можете догадаться, что из себя представлял остаток вечера; гардероб с домино не пустовал ни минуты, поскольку

каждый хотел в свою очередь воспользоваться маской инкогнито; не однажды было замечено отсутствие августейших особ, и можно понять, почему пилигримы были выбраны из числа молодых офицеров императорской гвардии, самых стройных и самых высоких.

Танцы продолжались долго и оживление все возрастало; музыка заставляла забывать об усталости, и лишь в весьма поздний час ночи восхитительный ужин, собравший приглашенных вокруг столов, уставленных серебряной посудой, богатство которой составляло лишь самую малую часть общего великолепия, положил конец празднику, который оставит длительные воспоминания у всех, кому посчастливилось быть в числе избранных.

Весь ваш
П. Бланшар

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Опубликовано: Avenir de Nice. № 177–179, 181–182. 3–5, 7–8 июля 1857 г. Оригинал на французском языке.

[2] Имеется в виду цикл парижских этюдов французского писателя Этьенна Жуи «Отшельник с Шоссе д`Антен» (1814).

[3] Речь идет об «оригинальной сцене в рассказе» П.И. Григорьева, напечатанной в разделе «Фельетон» газеты «Русский инвалид» (1857, 15 мая) под названием «Бессрочно отпускной на Родине».

[4] В оригинале цитируемый Одоевским фрагмент «сцены» выглядит следующим образом:

Ну, скажико-с, друг Михайлушко:
Ты сражался с бусурманщиной.
Как они? того… храбрее нас?

Ну, нельзя сказать… Однакоже,
Правду молвить, так один Француз
Не уступит разве Русскому.
Молодец! идет в огонь шутя,
И дерется так размашисто,
Что, бывало, и убить-то жалко!
Но зато, после сражения,
Как назначут перемирие,
Тут Французы, не узнаешь их,
Мусьяки такие славные,
Что сдружишься с ними нехотя!
Злость пройдет, протянешь руку сам,
И не знаешь хоть по-ихнему,
Скажешь тоже: *ну, бон-жур, муси*!
Сиреч значит: добрый день, сударь!
Ну, и только-что услышит он
Это слово, и пойдет тебе
Лепетать, да живо, скоро так;
Предлагает тебе цигарочки,
И винца, и хлебца белого,
И хохочет, и смешит тебя,
Обнимает, и целуется,
И по-русски-то старается
В угожденье слово вымолвить;
Да иной раз так вавакнет вдруг,
Что, забыв субординацию
Наши все и расхохочутся!
А Француз, и рад раденешенек,
Не конфузится, хохочет сам,
Да еще в ладоши хлопает!
Молодец, Француз! И храбр, и добр,
И умен, и незлопамятен;

Словом, видно по натуре-то
С нашим Русским очень сходствует.

[5] Шлецер Август Людвиг (1735–1809), немецкий историк и филолог, в 1761–1767 гг. состоял на русской службе и был адъюнктом Петербургской академии наук.

[6] Статья, написанная в форме частного письма за подписью «P.Blanchard», опубликована в журнале «Illustration. Revue universelle» (1859. № 836. С. 151–154). Оригинал на французском языке. Одоевский упоминает эту статью в письме Марии Павловне от 11/23 марта 1859 г. *(см. с. 240 наст. изд.).*

Указатель

Оглавление

Научное издание

Утверждено к печати Ученым советом
Института мировой литературы им. А.М.Горького РАН

КНЯЗЬ ВЛАДИМИР ФЕДОРОВИЧ
ОДОЕВСКИЙ.
ПЕРЕПИСКА С ВЕЛИКОЙ КНЯГИНЕЙ
МАРИЕЙ ПАВЛОВНОЙ,
ВЕЛИКОЙ ГЕРЦОГИНЕЙ
САКСЕН-ВЕЙМАР-ЭЙЗЕНАХ (1856–1859)

Оригинал-макет изготовлен
Владимирской Л.В.

ИД № 01286 от 22.03.2000 г.

Формат 70x100$^1/_{32}$. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс.
Печать офсетная. Печ. л. 11,7. Тираж 800 экз.

ИМЛИ РАН,
1121069, МОСКВА, УЛ. ПОВАРСКАЯ, Д. 25-А.
Тел.: (095) 202-21-23, 291-23-01

Заказ № 2335
Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных диапозитивов
в ППП «Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6

